

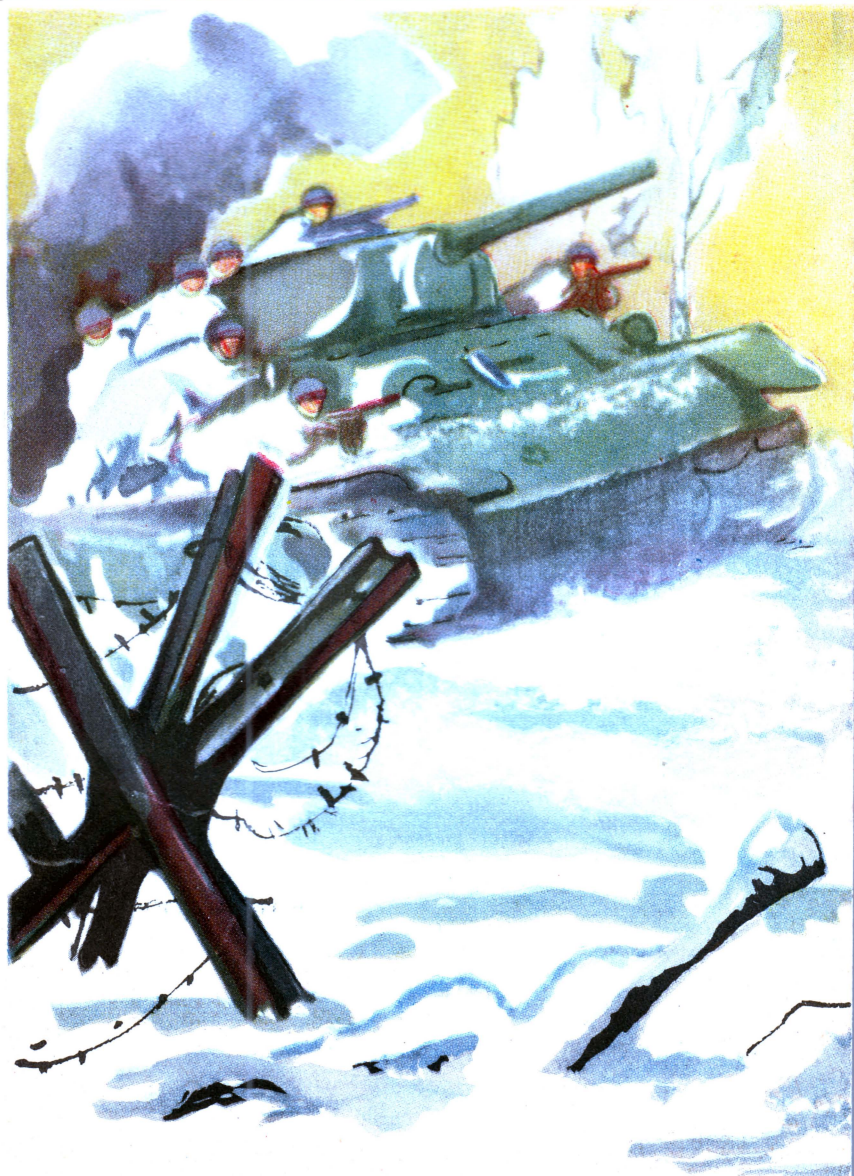
6
1966

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ  СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ







ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ  СВЕТА

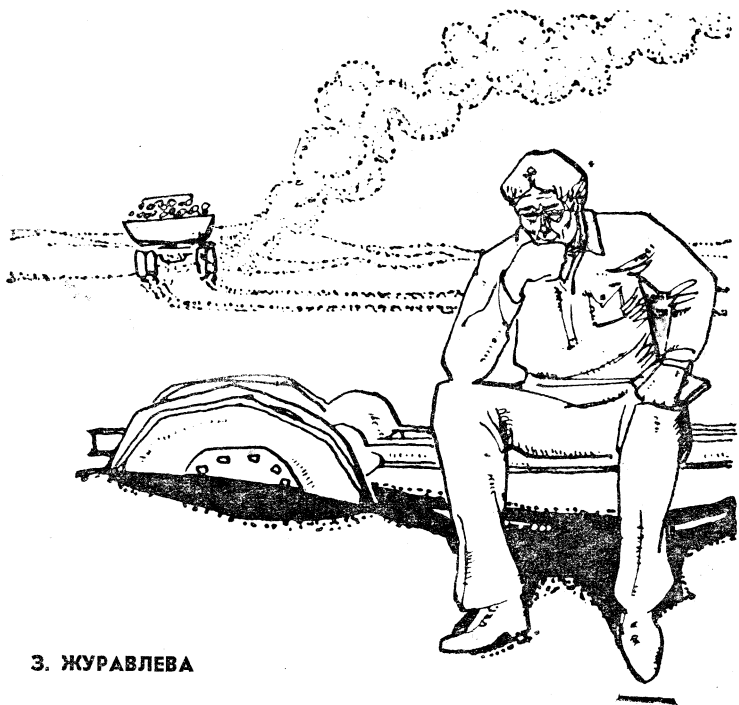
ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

З. ЖУРАВЛЕВА — Сорок первый километр	2
Александр ЛОММ — Скафандр Агасфера	31
Борис СМАГИН — Проселки фронтового Подмосковья	58
Утро Победы [Беседа с генералом армии Д. Д. ЛЕЛЮШЕНКО]	65
Эрик Фрэнк РАССЕЛЛ — Аламагуса	71
В. ИВАНОВ-ЛЕОНОВ — Испытание	86
Гюнтер ПРОДЛЬ — Билет в ничто	111
Кира СОШИНСКАЯ — Космотехника	142
В. ФАДИН — Изопертиловая лихорадка	151
А. БЕЛЯЕВ — Охота на Большую Медведицу	156

№ **6** (36)

1966
ШЕСТОЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ



З. ЖУРАВЛЕВА

СОРОК ПЕРВЫЙ КИЛОМЕТР

Очерк

Сурина удобно ходить на работу. Главное — ездить не надо. Прямо из своего дома на Подвойской — в глубь двора, мимо детской площадки справа, обогнув соседний двухэтажный, и через тот двор наискосок, где всегда белье на веревках. И выходишь как раз против автокомбината, верное дело — без прокола.

Можно, конечно, улицей, но дальше. И в спешке просто так уже не пробежишь. Все-таки улица, требует другого костюма. Сурин в жизни своей помогался по дальним дорогам

Есть вещи несоизмеримые, как пустыня 30-х годов и наша, сегодня.

Перемены, которые происходят в песках теперь, на наших глазах, — это количественные накопления. Это уже явления одного порядка. Еще больше веселых геологов. Еще меньше печальноглазых джейранов. Больше цивилизации. Меньше саксаула. Больше полевых биноклей на чабаньем плече, блеющего каракуля, дынь, огромных, как дирижабли, кафельных ванн и детских куличиков.

В Каракумах все человечество может играть в песочные куличи, материала хватит.

Еще больше газа. Нефть, конечно. Ударит, куда она денется. Надоест сидеть в темноте и ударит. Каспий тоже когда-то был морем, тенистым, как аквариум, а теперь застроился вышками, и между ними, презрительно щуря глаза-иллюминаторы — «Эка невидаль, Каспий!», — проплывают сонные пассажирские составы, порядочной рыбе нырнуть негде.

Иногда обернуться на тридцать лет назад труднее, чем забежать на тридцать вперед. Ленимся мы оглядываться...

А позади нас стоят упрямые, крепкие люди. Первый директор Карабугазсульфата Рубинштейн. Первый начальник туркменского Автсдора Каланов. Красный командир Карпов, который в 30-м году в Дербенте семь суток отстреливался от басмачей, их было полторы тысячи, наших — несколько человек, фамилий теперь не отыщешь...

Почему мы так редко оглядываемся?

Позади нас стоят настоящие люди. Мы улыбаемся их улыбающимися, так же размахиваем руками в споре, вспыхиваем от мелочей, лезем на рожон, иногда отступаем, чтобы взять новый разгон. Многих из них давно нет. Но они делают нас сильными.

Спасибо им. Которых больше нет...

и потому привык уважать тихую улицу, на которой живет. И город свой, большой, тихий и праздничный Ашхабад.

Он миновал входную вертушку, нагнулся к фонтанчику с газировкой — больше по привычке, чем пить, неторопливо развел плечами, выпрямился. И сразу со всех сторон его обступили знакомые шумы. Где-то била кувалда. Чихали моторы на разный манер, прочищая цилиндры. За конторой искрила электро-сварка. Слесарь Балаев, верткий мальчишка, гнал перед собой колесо от «Урала-375». Вернее, оно, огромное и тугое, тасило за собой верткого слесаря.

— Николай Никифорыч! Новенькие пришли! — крикнул Балаев Сурину. И колесо утащило его куда-то в глубь двора, не дав остановиться, хотя слесарь Балаев — мастер почесать языком в рабочее время.

— Были новенькие, стали старенькие, — сам себе усмехнулся Сурин. И пошел, не откладывая, поглядеть, что за «фордзоны» на этот раз достались ремцеху. Уже больше десяти лет Сурин работал механиком по ремонту, навидал всяких. Он шел мимо длинного ряда машин, ЗИЛов и ГАЗов, готовых к выпiske, и в памяти отмечал их бывлые хворобы, с которыми по-ступили:

«Генератор ни к черту был... Разболтало тележку...»

«Поршневые кольца пришлось заменить... Расточка первого, третьего и четвертого цилиндров...»

«Радиатор... Еще радиатор... Кроме всего — радиатор».

Радиатор — проклятье шофера. Потому что в Туркмению, где кидит через километр, то и дело засылают радиаторы с тремя трубками, специально назначенные для Севера. А южные, с четырьмя, идут, значит, куда-нибудь в Заполярье. Уже охрипли, кричавши об этом на совещаниях, а толку чуть...

— Никифорычу — привет!

— Здравствуйте, Николай Никифорыч!

«Никифорыч» — со всех сторон. Все меньше остается старых шоферов-ровесников, для которых просто «Николай». Пятьдесят восемь — это, брат, уже возраст, к пенсии подкатывает. Вон Серега Рыжков дом, говорят, в Пятигорске купил. Или в Кисловодске? В общем рядом с нарзаном...

Машины, которые только что пригнали в ремонт, стояли отдельной группой. Ничего особенного, конечно, в них не было. Так же пробиты пылью, заезжены солоноватой водой и долгими рейсами, залатаны случайной деталью, какую смог раздобыть шофер. С одной уже сняли резину. Сурин открыл капот и удивился: как эту рухлядь дотащили до цеха? Проще бы школьникам сразу отдать на металлолом! Эк истаскалась!

Впрочем, механик слегка покривил душой. Он любил вот такие, до последнего загнанные машины, которые приходится заново собирать по винтику. Не каждую, конечно, и соберешь...

Сурин влез в кабину и подергал старушку за рычаги. Машина нервно подождала и замерла. Из всех приборов у нее исправно ходил только дворник, живо расчеркивая стекло. Но Сурин любил смотреть на приборы современной кабины, даже когда они врут. Давление масла, давление в шинах, разные рабочие тонкости. Автоматика! Он помнил кабины, в которых не было никаких приборов. Хочешь проверить масло — пожалуй-ста, остановись и проверь.

— Верное дело, без прокола!

Что-то толкнуло Сурина в спину. Он обернулся — из-за сиденья от ерзанья вылезла книжка и толкала его острым боком. Была она крепко потрепана, как треплются книги в дороге, и вся пропиталась смазкой. То ли шофер забыл ее в спешке, то ли просто бросил прочтя. Сурин хотел пихнуть книжку обратно, но случайно взгляд его упал на название, и внутри словно бы кольнуло.

— «Следы на песке», — вслух повторил Сурин. Что-то знакомое и забытое вдруг поднялось в нем при этих словах, крупно стоящих на обложке. Поднялось и пропало, вызвав раздражительное беспокойство. Будто эти слова на обложке имели к нему, механику Сурину, какое-то личное отношение. Он близко нагнулся над книжкой и прочитал сверху, помельче: «Михаил Лоскутов».

И разом, как сверкнуло в нем, вспомнил.

Вспомнил крепкий бензиновый дух, смешанный с запахом песка.

Вспомнил апельсиновые в закате крыши мертвого города Джулая, которые тысячи дней светились в пустыне ни для кого,

пока проводник Батырбек не вывел к нему колонну автопробега.

Вспомнил полуголого метеоролога, бегущего плавной рысью рядом с машиной по тряским ночным барханам, и ценный прибор «психрометр», закутанный в меховую куртку ученого, у него на руках..

...Истерику встречных верблюдов и сдержанный ужас кочевников, впервые увидевших автомобиль.

...Золотые зубы вице-командора на прощальном банкете в Красноводске.

Вспомнил покрышки своего старого «форда», которые саксаул пробивал, как стекло. И свою молчаливую зависть к трехоскам...

...И мальчишку, сына начальника метеостанции. Он три ночи не спал, поджидая колонну автопробега, а когда она, наконец, появилась, мальчишку не смогли разбудить. У него над кроватью висели автомобильные очки из бумаги. И все очень жалели мальчишку, когда он проснется утром. А Лоскутов, этот самый, Михаил молча снял свои шоферские очки и повесил их над мальчишкой вместо бумажных. И еще подмигнул Сурину...

— Николай Никифорыч, у шейсят-тридцать опять тормоза барахлят!

Сурин быстро пихнул книжку в карман, едва вошла, посыпались гаечные ключи, карманное хозяйство. Прихлопнул кабину. Огляделся, будто не сразу сообразил где. Обычным тоном спросил:

— Чего им барахлить?

— Шут ее знает, — махнули в ответ. — Одно слово: шейсят-тридцать.

Заковыристая машина шейсят-тридцать, никак из ремца не выпихнуть. Все вроде отлажено, изнутри блестит, а в самый последний момент, хоть в воротах уже, как ей взбрыкнется — выкинет фортель. Характер такой сквалыжный, у шейсят-тридцать: любит, когда под нею полгаража ползает. Есть такие машины.

Провозились до самого обеда. За делом все посторонние мысли вылетели. Вроде и не было никакой книжки за старым сиденьем. Не находил. Может, и вовсе забылось бы, если б не еще случай в тот же день. Случай всегда косяком ходят.

В обед Сурин задержался в конторе, а когда выскочил, во дворе разворачивался чужой «газик». По номеру видно — не ашхабадский. Развернулся наполовину и встал поперек, как его заклинило. Вылез шофер, крупный парень в очках-«консервах», рванул капот, присвистнул:

— Все, Владимир Аркадьич! В аккурат хватило...

С пассажирской стороны щелкнула дверца и выпустила мужчину чуть младше Сурина, в шляпе, в ковбойке с засученными рукавами, шофер не шофер, начальник не начальник. Мужчину глянул и понимающе тряхнул головой:

— Три часа возни обеспечено. Пока заседаю, как раз упрaviшься.

Не спеша обвел глазами кругом, увидел слесаря Балаева, мальчишку, который на всякое происшествие тут как тут, спросил:

— От вас каким автобусом к центру? Где остановка?

— А чего надо? — взъерошился слесарь Балаев, чувствуя себя очень ответственным. — Чужих не обслуживаем.

— Свои, — усмехнулся мужчина, — советские...

— Из Небит-Дага, с Нефтяного объединения, — дружелюбно объяснил парень в «консервах». — «Лягушку» найдется сменить?

Поломка несложная, и со всяким может случиться. Пробило диафрагму насоса, который толкает горячее из бензобака в карбюратор. Этот насос и называют «лягушкой». Запасной «лягушки» у шоферов, как правило, нет: одно спасенье — добраться до ближайшего гаража.

— Едва-едва «на бутылочке» дотянули...

— Надо подумать, — надулся важностью слесарь Балаев, но тут Сурин шагнул из тени на свет, и слесарь сразу стушевался:

— Вон как механик...

— Ступай в цех, — строго сказал ему Сурин и кивнул шоферу в «консервах». — Пошли, получишь «лягушку».

Пока ходили, спросил, между прочим:

— Кого везешь?

— Владимир Аркадьича, — с удовольствием отчеканил парень. — Железный мужик, главный инженер объединения. Он вообще-то лучше меня водит, но раз на совещание...

— Понятно, — хмуро прервал Сурин, потому что не любил длинных излияний. Нефтяной главинж ему понравился, этого достаточно.

Когда вернулись к «газику», Владимир Аркадьевич по-походному на ступеньках застегивал толстый портфель. Улыбнулся Сурину:

— Бумажные души. Что поделаешь?

— Верное дело, зато без прокола, — любимой поговоркой поддержал разговор Сурин. Потом объяснил, чем добираться до центра. Свои машины часто идут, а сейчас нет, как на грех.

— Автобусом лучше, в коллективе, — засмеялся главинж и вдруг хлопнул себя по тугому портфелю, как по лбу. — Чуть не забыл!

Снова сунулся в «газик». Вылез с книжкой. Сурин механически глянул и едва удержался, чтобы не протереть глаза. Владимир Аркадьевич держал «Следы на песке». Такую же, как в той машине. Только без пятен. Прикидывал, влезет ли в портфель сверх всего.

— Читаете? — сказал Сурин, вдруг охрипнув.

— Стоящая, между прочим, штука. Рекомендую, — не сразу отозвался главинж. И добавил, поколебавшись: — Я когда-то, в молодости, автора знал. Встречались в Ленинграде...

— Михаила Лоскутова? — уточнил Сурин.

— Да, — удивился Владимир Аркадьевич. — А вы откуда...

— Тоже читал, — усмехнулся Сурин. — Давно. Еще до войны. В тридцать третьем году был тут у нас автопробег...

— Каракумский? Помню. И вы...

— Нет, — уклонился Сурин, сам не зная почему. — Просто он об одном нашем шофере писал. Только фамилию перепутал немножко.

— Перепутал?

— Угу, — кивнул Сурин. И сказал как есть, благо, они не называли друг другу фамилий. — Шофер был, к примеру, Сурин, а в книжке вышло — Сурков.

— А остальное? — спросил главинж.

— Все как было. Только фамилия...

— Это он не перепутал, — сказал Владимир Аркадьевич. — Это писатели так часто делают. Как бы вам объяснить? Чтобы можно было с чем-то отступить от конкретного случая, свободно додумать, а тому человеку не было неприятно. Чуть изменил фамилию — и вроде он уже и не он. Это нарочно.

— Может быть, — сказал Сурин, почувствовав непонятное облегчение. Когда-то его даже расстроило, что вот столько ночей провел с человеком у костра, а человек и фамилии не запомнил. Хотя, с другой стороны, книжку-то правильно прислал, по адресу. — Пожалуй, что так...

— Наверняка, — сказал главинж.

На этом они и расстались, потому что один опаздывал на совещание, а другого ждали дела. На обед Сурин уже не успел, пропустил обед, жена будет волноваться. Только перехватил бутерброд в буфете, как в молодые годы, на ходу. Еще две минуты книжку полистал.

Перед концом смены Сурин зашел к главному механику. Главный пошелестел нарядами, поднял голову.

— Два дня за свой счет можно? — спросил Сурин.

Механик вздохнул:

— А что?

— Личное, — уклонился Сурин, — долго объяснять.

Главный механик сразу переметнулся в собственное личное — у самого жена вторую неделю болеет, за детишками смотри, в магазин успеи, по дому всего полно...

— Только не больше, Никифорыч! Больше не могу, — вздохнул главный.

— Мне хватит, — сказал Сурин.

...Около четырех утра, когда небо еще только чуть бледнело и город сонно сопел трубами, на окраине Ашхабада у обочины стоял человек в сером плаще, какой не жалко в любую дорогу, с фанерным, почти карманным чемоданчиком. Мимо пылили ЗИЛы и неусыпные «газики». Кое-кто сердобольно тормозил, но человек стоял равнодушно, словно его не касалась дорога. Только когда показалась машина мелиоративного треста, ЗИЛ-157, номер 67-90, вполсилы груженная щебенкой, он неторопливо поднял руку.

Шофер Шукат крикнул, сбавляя ход до самого малого:

— В пустыню, дядя! К Серному...

И уже хотел газануть, потому что попутчики в пустыню просто так у обочины не валяются. Кому охота трястись в духоте? Туда самолетом больше. Но человек ответил, не удивившись:

— Знаю. Подкинь...

— Куда тебе, дядя? — теперь удивился Шукат. — Я ведь до самого Серного не доеду, раньше сверну.

— И не надо, — сказал человек, хозяйственно устраиваясь

в кабине. — Сбросишь на сорок первом километре за Ербен-том.

— Это мне рядом. Можно, — согласился Шукат, соображая, что там — на сорок первом. Вышка? Или экспедиция стоит? Может, кошара? Через минуту он отчетливо вспомнил, что на сорок первом ни хрена нет, кроме песка. Только особо крутой бархан, на котором буксуют.

— Зачем туда? — настраиваясь на затяжную беседу, спросил Шукат. Он был разговорчивым парнем и в рейсах прямо-таки страдал от одиночества.

— Надо, — хмуро сказал человек, отрезая расспросы. Но прежде чем впечатлительный Шукат успел серьезно задумать-ся, с каких это фиников темная личность в сером плаще рвется к центру пустыни и не следует ли по этому поводу свернуть в Безмеине к милиции, человек улыбнулся почти виновато и пояснил:

— Не умею я рассказывать, парень. Ездил там когда-то. А сейчас механиком в автокомбинате, может, слышал? Су-рин фамилия...

— У вас мой кореш работает, — сразу успокоился Шукат. — Назаров.

— Есть такой, — усмехнулся Сурин. — Драчливый у тебя кореш. Через Безмеин, что ли? А прямо совсем не ездят?

— Как это — прямо? — не понял Шукат.

С самого первого километра они знали эту дорогу по-разно-му. Вернее — знали разные дороги. Во времена шофера Сури-на сернозаводская трасса, вырвавшись из Ашхабада, круто уходила на север. С такыра на такыр, до самого Бахардока. Некоторые такыры раскисали зимой, и, обходя их, дорога на двадцать шестом километре резко виляла влево.

А на пятидесятом всегда разводили костер, самое костровое место — мелкий укрепленный песочек, заросли саксаула и цвет-ов. Там ночевали джейраны, прятали маленьких за барханом. Сурин как-то ружье там посеял, на такыре — девять километ-ров такырище. Шут его знает как вылетело из кабины. До сих пор жалко. Утром искали-искали...

— На пятидесятом джейраны еще ходят?

— На пятидесятом? — таращит глаза Шукат. — Джейраны?

Старой дороге, которую помнит по километрам Сурин-шофер, давно пришел конец. Те такыры вдрызг разбиты колесами. Потом порядочный кус оттяпал гражданский аэродром. Сделали было объезд, но в аккурат к нему подобрался канал и раз-лился ашхабадским морем. И барханы там превратились в пляж с шезлонгами, кремом для загара и лимонадом. И пар-ни — ровесники Шуката гоняют в пустыне под парусами. А вро-де Сурина, без пяти пенсионеры, кивают удочкой. Какая же там теперь дорога?

Теперь ездят шоссежкой на запад до Безмеина, республикан-ской трассой вдоль железнодорожного полотна и только оттуда, после чайной, сворачивают на север, в пески. Шукат три года водит, знает лишь этот путь. И пятидесятый ничем не отмечен

в его памяти. Километры в пустыне безлики, на взгляд Шуката, невозможно запомнить каждый. Только мозги компостировать. Смысла нет. Просто дорога от Безмеина сложена из трех перегонов: рывок до Бахардока, еще один — к Ербенту, потом — прямо до Серного. Три поселка — три крупные вежи. Кое-где посередке натканы буровые вышки — за них тоже цепляется глаз. В остальном проскакиваешь без всяких ориентиров, дорога — тебе ориентир, сама ведет, только с нее не сходи...

— Недавно у каротажников чуть шофер не погиб, — сказал Шукат для затравки и покосился на пассажира. Но этот механик — Сурин, кажется? — и глазом не моргнул, привык небось к асфальтовым гаражам, премиальным и теплой уборной. А в песках зимой примерзаешь к сиденью, а летом это чертово сиденье, черное, как нарочно, так и прожигает зад, почище скорородки... — В пустыне сдохнуть — раз плюнуть, — назидательно сказал Шукат, чувствуя себя заслуженным асом.

— Чего же он? Сбился с дороги? — наконец спросил Сурин.

— Сбился! — хмыкнул Шукат. — Горючее кончилось, не рассчитал, завяз на развилке. Надо было в машине сидеть, как по инструкции, а усидишь разве, когда кругом — один. Принял слегка для храбрости — и ходу. Думал, девять километров до буровой, а поперся к поселку, не туда свернул, там все тридцать...

— Бывает, — сказал Сурин.

— Вертолетами искали, — сказал Шукат. — Контрольные сутки прошли, все сразу забегали. Не на бульваре! Вездеход к машине выскочил — стоит, воды — ни капли, и человека нет. Потом уж по следам шарили-шарили...

— Горючее, говоришь? — усмехнулся Сурин. — Лучше надо считать.

— Как ни считай — пустыня, — обозлился Шукат. — Иной раз целый день на дороге сидишь — и ни одной встречной машины. Вон у меня как кардан полетел третьего мая, так...

— Сколько с собой берешь?

— Чего? — не понял Шукат.

— Карданов, к примеру...

— Ну, запасной обычно бывает, — замылся Шукат. — Целую мастерскую с собой же не будешь тягать!

— Угу, — усмехнулся Сурин. Спорить ему не хотелось. Парень, конечно, горячий, с амбицией, но ЗИЛ ровно держит. Шофер. Просто времена сейчас другие. Целый день, видите ли, ни одной встречной... А возле Серного, не доезжая, на семьдесят третьем километре, есть Правдинский подъем. Был, во всяком случае. Семь суток там Правдин бился в 30-м году. Семь суток сидел, и ни один дьявол не проехал мимо. Ни сзади, ни спереди. Только басмачи кругами ходили, как вороны. Счас-ть еще, что не жратву вез...

— Я на своего ишака надеюсь, — похлопал по баранке Шукат, — ломит хоп хны, запасу не надо. Разве кардан какой...

...Раньше они собирались в дорогу иначе. Подход другой был: на себя на одного надежда. Вот, к примеру, «рено». Полнос-

тью-то — «рено-Сахара»: карбидное зажигание, стартер, динамо. Всем заводом на Серном встречали — без глушителя далеко слышно, ползешь. Брали с собой в рейс бензину литров пятьсот, воды четыре бочки, автол — солидол, картошки — само собой, до мешка, хлеба, козлы покрепче, чтоб под машиной с удобствами корячиться, втулки сцеплений, полуосей — до десяти штук, карданов — этих до сорока брали.

— С карданом потерял сутки, — с удовольствием вспоминал Шукат, — тоже не промахнулся: под эту марку левака успел дать, сгонял километров за двести, юрту одним подкинул. Начгару наплел потом: трое суток, мол, сидел, репьи-колючки, кишки на сторону, ног не чую, отгул, говорю, гони, в санаторию!

...Хоть сколько чего бери, а уж если крепко засядешь... За Ербентом на восемнадцатом километре Сурин как-то четверо суток загорал. Хоть бы одна живая душа за то время! Ящери только, как собаки, — раззявят рот и хвост кверху. Тогда, правда, и ящерке рад, заговоришь с живьем по-хорошему. Не смог в тот раз починиться. Пришлось восемнадцать километров на своих топать. Последнюю воду из радиатора выпил и как пустился ночью, ощупью, по колее...

— Чего мозги компостировать? Юрта сразу на полмесячную зарплату тянет. Давно мотоцикл собирался купить, женился тут — то да се, монету надо. А с левака сразу пошел да купил.

...Тогда мотоцикл редкость был. Начальник автодора Каланов Александр Андрианович гонял на «харлее», а все глазели. Потом еще врезался он, зубы выбил себе, было дело. Каланова до сих пор старички шоферы добром вспоминают. Деликатный мужик был, понимающий. С него в Туркмении все автомобильное и пошло. Сам он из Курска, приехал и «курских соловьев» — так их все тогда звали — за собой привез: Юфаркина, Плешакова, Иван Иваныча, Серегу Рыжкова. Серега, значит, дом отхватил в Пятигорске, поближе к нарзану. Или в Кисловодске? Стареем! А первыми начинали с ним на трехосках. В гараже глядеть — самим себе завидно, машинка с иголки, одиннадцать скоростей, по полскорости набавлялось для удобства. В песках сразу слиняли. Едва на седьмой день добрались до Серного. То вентилятор летит, то кардан — к дьяволу, тележка не отрегулирована. Старый грузовик на что лучше шел. Трехтонка без выдумок. Оборотистая, преимистая...

Прямо с такыра Шукат влетел в Бахардок. Проскочил поселок на полной. Столовая закрыта еще, да все равно — пиво там трехнедельного срока, хуже лимона сводит. Магазин на учете. В общежитии у ребят пропустить — пассажир больно хмурый, неохота с собой тащить. У буровой кучей столпились машины, опять, видно, ЧП. Сколько Шукат эту вышку помнит, вечно вокруг нее, как возле елки, хоровод.

Сурин ничего не успел разглядеть. Были когда-то одни кибитки да деревянный сельсовет с флагом. А сейчас улицы-перекрестки, заблудиться в пору. Город почти. Если бы побродить, конечно, может, на кого из старых можно наткнуться, а так, пролетом, — совсем незнакомое место. Сурин хотел было по-

просить остановку хоть ненадолго, да не стал: парень — левак, сам говорит, минуты даром терять не будет для погляденья.

За Бахардоком выехали на старую сернозаводскую дорогу. Начались настоящие пески. Барханные холмы, которые стоят веками, плавно осыпаясь, плавно наращивая бока, играя на солнце желтыми песочными рогами. Сурин вглядывался и узнавал старые барханы. Только кустов меньше. Оголили место, что лесом. Бывало, как лесом, едешь. Только тем и спасались, что лесом. Шалманили на каждом подъеме. Шофер в руль вцепился, а помощник швыряет саксаул под колеса. «Шалманит» — по-местному...

За годы пустыня привыкла к дороге. Притерпелась к ее неизбежности, как и к караванным тропам в былое время. Замечает, конечно, под настроение, но машины снова идут, одна за одной, выравнивают колею. И сама дорога укаталась за годы, прибитая сверхбаллонами. Крепкой стала. Теперь на ней редко шалманят. Разве Змеинный такыр весной развезет. Как исключение...

— Гробовое место, — сообщил Шукат, выжимая третью. — Чуть зевни, наездишься юзом. Янык.

— Точно, Янык, — улыбнулся Сурин. И Шукат подумал, что лыбится старый еж так же не вовремя, как и хмурится. Ишш, на Яныке вдруг расплылся, когда машина дрожмя дрожит и того гляди влопаешься на несколько часов песчаного сида. Под руку лыбится.

А Сурину было приятно услышать — Янык. Приятно, что это название из его молодости дожило до сих пор, уцелело сквозь годы. И парень бросает его так же сердито, как Серега Рыжков лет тридцать назад. И так же хмурится над баранкой. В тридцать четвертом, когда тащили паровой котел в Дарвазу, чуть не кровью дался им этот Янык. Котел вообще — паршивая вещь: не разрежешь и не переправишь частями. А целиком он ни на одной машине не умещался. Его везли так: две пяти-тонки ползли помаленьку задом друг к другу, и на обеих сразу ехал треклятый котел. Его величество Котел. Один шофер всю дорогу рулил, стоя на подножке. Менялись через каждый километр...

— Все! Мотор перегрелся, — сказал Шукат, когда Янык, наконец, остался позади.

Мотор был еще хоть куда. Это на старых машинах через каждые триста метров кипит. Если на него внимание обращать, как по инструкции, лучше всего с места не трогать. Дальше первого бархана все равно не уедешь. Вот когда сухой пар повалит, значит — пора. Тут в него шуранешь три-четыре ведра, аж зашипит. В самый раз, значит, пришлось...

— Какой это перегрев! — не выдержал Сурин.

День еще только занимался над Каракумами, горячий, поздневесенний. Солнце еще только прицеливалось, рассеянно шаря лучами. Еще не было жарко. Всякое зверье спешно прыгало по барханам, завершая ночные дела, кто кого не доел, торопясь к прохладному дому, поглубже в песок. И в кабине еще дышалось легко.

— Не в том смысле, — засмеялся Шукат. — Отдых, значит!

— Верное дело, без прокола, — обрадовался Сурин.

Пока Шукат возился с машиной, Сурин упруго, по-молодому выскочил на бархан, огляделся, размял ноги, всем телом почувствовал забытую в городе свежесть, сладкую и горьковатую. Будто тебя посадили вдруг в самый сиреневый цвет, в лепестки. Это отцветал кустарник кандым. Но Сурин не помнил кандыма в лицо и названия не знал никогда. Так в его памяти гахла утренняя пустыня. И запах этот, пришедший из прошлого, был прекрасен.

Сурина охватила жажда действия. В момент он наломал саксаула, сложил костерок, запалил, давней усмешкой усмехнулся саксауловой ярости, тоже почти забытой. Притащил чемоданчик из кабины. Из чемоданчика появился на свет древний туркменский кумган, закоптелый, с отбитым носиком. Больше двадцати лет кумган провалялся в кладовке, но, собираясь в пески, Сурин вспомнил старого товарища. Отыскал. И теперь кумган привычно стоял на костре. И уже готовился закипеть, потому что из всех посуды, известных Сурину, это самая быстрокипящая посуда. Кумган ведь придумали кочевники, медлительные во всем, кроме подготовки чаепитий. Кумган закипал и пробовал голос, а Сурин уже нарезал колбасу...

— Порядок, — сказал Сурин, оглядывая стол на бархане.

— Быстрее моей бабы, — признал Шукат, пораженный прытью и хозяйственной предусмотрительностью хмурого спутника. Шукат очень, до неприличия, так что его этим поддразнивали на работе, любил свою жену. Влюбился еще перед армией, потом три года издалека любил, женился, наконец, и теперь еще больше любил. Поэтому за глаза он говорил о ней — «баба» и грубовато сипел голосом. На самом деле Шукату просто приятно лишний раз ее вспомнить вслух.

— Готово, — объявил Сурин, снимая кумган с костра.

— Покрепче для начала! — подмигнул Шукат, припечатывая бархан бутылкой. Для доброго отдыха у него припасены были «три звездочки». Не то чтобы большой любитель, но все-таки как у людей, полагается в дальней дороге. И вообще. В пустыне — солнце автоинспектор. Сурин крикнул, разливая в кружки. По-походному, как тридцать лет назад. «Звездочки» славно прошли — с колбасой, молодым луком и домашними конфетами. Полыхнуло внутри. Возникла потребность теплых, сближающих слов. И тогда Шукат вдруг сказал, о чем думал, без всякой рисовки, без желания пугнуть новичка:

— У нас парня завалило недавно, колодезного мастера...

— Завалило? Совсем?

— Совсем, — тяжело подтвердил Шукат. — Даже не достали. Разве достанешь? Там на него тонны этого песка! Щелку себе нашел и за минуту — тонны, на человека...

— А ты не думай, — сказал Сурин, — не думай.

Они выпили еще. И сразу хватили чаю. Чай обжег жарче коньяка.

— Я и не думаю, — сказал Шукат. — Просто, знаешь, сегодня я его вез, например, а завтра засыпало. Анекдоты заливая всю дорогу. Главное — вот сегодня рядом в кабине сидели, а завтра...

— Бывает, — сказал Сурин. — Вот у меня тоже...

— Работа у них такая, понимаешь? — перебил Шукат. — Если утром чего-нибудь чувствуешь — значит лучше не начинай. Предчувствие вроде. Как у саперов. Раз чувствуешь — не суйся. А у него предчувствия не было. Веселый встал утром...

— Судьба, — сказал Сурин. Шукат его перебил, вовремя перебил, Сурин все равно не смог бы так рассказать. Как надо.

— Судьба! — усмехнувшись Шукат. — Просто работа такая...

И они заговорили о колодцах. Что вокруг вон, поглядишь, бурят, разные там механизмы, шурупы-экскаваторы. А у них в тресте тонкая, ручная работа. Вручную перелопатить пустыню и выйти к воде. Ни одна машина не может заменить колодезных мастеров, кишка тонка у машины. Потому что особое чутье нужно на песок. Человечье. Чтобы этот колодец после тебя десятки лет в пустыне стоял. А чуть ошибся на миллиметр — на голову тебе...

— А ты не думай, — напомнил Сурин.

— Я не думаю. Раньше, говорят, старики рыли. А у нас в тресте парней молодых навалом. Роют...

— Много надо, — сказал Сурин. — В Каракумах без колодца — хана.

— Хана, — согласился Шукат.

Долго еще они сидели на высоком бархане и так разговаривали, соглашаясь друг с другом. Солнце набрало силу. Откуда-то сбоку на дорогу выкатился вездеход, попросил закурить и уполз в сторону Ербента, оставляя рубчатый след. Потом через рубчики поперек долго ползла черепаха. Уставала. Отдыхала, далеко, без опаски выбрасывая из-под панциря голову. Снова ползла. Сурин следил, как она загребает. Вспоминал.

Когда Лева, сын, был еще совсем шпингалетом, Сурин привез ему черепаху. Такую же маленькую. Маленькая, а дух от нее по квартире пошел настоящий звериный. Как ни убирай. Соседи крик подняли. Никаких звуков черепаха не отличала, кличку там или что. Только на мясо жадно разевала рот, прямо бросалась на тушенку. А палец прихватит случаем, так будто дверью прижмет...

— Вон зверь тоже, — сказал на черепаху Шукат. — В кипятке шугануть, хорошая пепельница будет. Двигаем, что ли?

— Ага, — поднялся Сурин. — Я наверху...

— Солнце сожрет. Как хотите, конечно, — сказал Шукат. Снова в нем поднялась неприязнь к пассажиру: думал, после бархана только и пойдет у них настоящий разговор. Легкий треп, сокращающий километры. Ан нет, в кузов его несет!

Шукат тронул резко нарочно, тряхнув Сурина наверху. Но Сурин только засмеялся. Покрепче устроился в гравии, ватник под себя подложил, мягко. Гравий спрессовался дорогой. Крупный, мытый — вроде песок в пустыню везем. Когда бетонируют водосборную площадку, без гравия не обойтись. Рядом громыхла бочка с водой. Сурин нашарил шланг, громко втянул, в шланге лениво булькнуло — пошла вода, тепловатая, с резиновым привкусом. Отличная вода. Сурин полил на голову и за шиворот. Освежился.

Сверху пустыня, не стесненная рамками кабины, вольно раздвинулась вширь. Будто ближе стала. Желтее и ярче. Хотя Сурин привык видеть ее сквозь шоферское стекло. Вдруг ему понравилось быть пассажиром. Подскакивать в кузове и безответственно глазеть вокруг, затягиваясь воспоминаниями, как папирсой. Век бы в кузове ехал. Один на один с собой. Не принуждая себя к разговору, который только мешает нужным мыслям...

В Ербенте Шукат разогнал прямо к столовой. Лихо затормозил, раздвигая сигналом собак, выскочил из кабины. Сурин спрыгнул сверху. Шукат взглянул на него и едва узнал: вместо бледного городского лица весело подмигивала Шукату кирпично-красная, прожженная рожа под седым ежиком. Солнце в Каракумах работало на совесть.

— Шкура слезет, — сказал Шукат.

— Пускай, — отмахнулся Сурин, — не жалко...

От столовой он отказался. Присел на ступеньку у кабины. Растерянно закрутил головой, разглядывая новый Ербент, большой современный совхоз вместо прежнего скромного кочевья. Памятник Тринадцати перед конторой... Раньше его не было. Контору он помнил. Стоит, как стояла. В тридцатом году Карпов и несколько человек с ним, горсточка наших, неделю держались в этой конторе против полутора тысяч басмаческих сабель...

Шукат выпил залпом три кружки пива. Холодное, как со льда. Потыкал вилкой в салат, поскучал один за просторным столом — днем нет народу в столовой — и осилил еще две кружки. Больше не лезло. Когда вернулся к машине, возле переднего колеса стояли близко друг против друга Сурин, кирпично сиявший, и полный бабай в барашковой шапке, со звездой Героя на халате. Они звучно хлопали друг друга по плечу и кричали радостно и бессвязно.

— А я тебя сразу узнал! — кричал Сурин.

— Хоп! — кричал бабай. — Это я тебя первый узнал!

— А Максим-ага где? — кричал Сурин.

— Помнишь? — кричал бабай. — Все помнишь? Здесь! Живой! В кошару сегодня уехал. Я бы тебя где хочешь узнал!

— В Ашхабаде на улице бы узнал? — кричал Сурин. — Я бы узнал!

— Зачем в Ашхабаде? — удивился бабай. — Я тебя в Ербенте узнал!

Шукат постоял рядом, послушал, как они орут, но так ничего и не понял. Включил зажигание:

— Едем...

Ербент давно остался позади, а Сурин все не мог успокоиться:

— Как же его? Тыфу, черт! Имя забыл. Как же его? Героя еще до войны дали. Мировой парень!

— Парень, — засмеялся Шукат. — Бабай.

— Ух, крепко он выручил нас, — сказал Сурин. И опять замолчал. Не получалось рассказывать — хоть ты что. Имени так и не вспомнил...

...В сорок третьем гнали они с Серного на ремонт пять автомобилей. Одно слово — автомобили. Лом! Труха на колесах! На своем горбу волокли! Зимой, в самую метель. Полтора месяца пробивались к Ербенту. Полтора месяца, как штык, и восемьдесят пять километров. Железная скорость. Обросли — маме родной не признать. Обносились в дым. Рубахами уши обматывали. Все равно поморозились. На ногах — опорки. Так и не дотянули до Ербента: пришлось машины в семи километрах кинуть и топать за жратвой. Ночью вышли к поселку, страшилища, банда. Ни в один дом не пускают — бояться, женщины все же, мужиков — раз, и обчелся. Хоть подыхай под окном в сугробе. Собак на них спустили, последние лохмотья рвут.

Только вот этот Герой и узнал. С фонарем вышел и сразу узнал Сурина. Памятливый, черт. Как-то из Ашхабада вез его, так он запомнил. Председателем он был тогда в Ербенте. Сразу им все: плов, полушубки, машины. Колесный свой лом — на прицеп. Дотащили.

— Как же его? Начисто вылетело, без прокола...

— Сыпуны пошли, — вздохнул Шукат, натужно выжимая подъем. — Самый паршивый участок до Серного.

...И тогда это был самый трудный кусок: до завода от Ербента. Каждую ездку дрожи. На пески-то тогда не глядели, сыпуны или как. Посидишь да вылезешь — обычное дело. Басмачи на этом участке нагло ходили, как дома. Прижало их со съестным, так на каждую машину кидались. Дежурных своих вдоль трассы держали, верховых бандюг, на верблюдах. Верблюду терьяку в пасть сунут, наркотика, он и врежет, не разбирая дороги, без малого в час тридцать километров.

Сурина, когда на ЯЗе первый рейс делал, застрял в Серном. Дней десять чинился. Только обратно собрался, директор подходит: «Погоди трогать! Вроде опять...» Васильев тогда был директором, мировой мужик. Знал пустыню, хоть и не местный. Хозяин! В любую мелочь входил: в столовой прирежут не ту овцу, так аж почернеет — негосударственно смотрите! А сам ходил, из кожанки мослы выпирали — зубы да глаза. Честный был мужик, из большевиков...

И тут не ошибся Васильев. Под вечер пришла, наконец, машина, которую ждали давно. С досками. Фары разбиты, будто камнями их колотили. Шофер — Окружнов? Танов? Забыл фамилию! — злющий вылез.

— Лучше бы они карбюратор! — кричит. — У меня есть запасной карбюратор. А где я фары другие возьму? Новые фары, только поставил!

Васильев ему усмехается:

— Это верно. Басмач нынче серый пошел. Чего им твой карбюратор? Они глаза зверю выжгли. Ликбез для них, что ли, организовать?..

Шофер полведра чаю выпил — отошел вроде. Рассказал по порядку. Окружили ночью машину, резину ему пробили, к-а-а-ак завоют со всех сторон — победный, значит, клич. Бросились на машину. Шофер все же успел в барханы удрать. Закопался в песок по самую глотку, так в пустыне часто спасаются, опыт-

ный. Способ тоже, конечно, со всяким концом. Было — один старик пассажира закопался, а басмачи, когда к своему лагерю возвращались, в аккурат на него вышли. Так старик в песке и остался. А голову потом уже на дороге нашли. Для страха подбросили, сволочи...

В общем шофер закопался и все слышал, как они у машины шумели. Искали муку, а там — одни доски. Раскидали их к дьяволу, фары побили — и ходу. Потому что дело к рассвету шло, а днем басмачи — от дороги подальше. Это они не любили — день. Шофер еще подождал сколько-то, потом из бархана вылез, камеру заменил, поднатужился — собрал доски и поехал дальше. Фары только его доконали — никак не мог простить. Сурин два дня с ним в одной комнате прожил, и все он басмачей за эти фары костил. Если бы карбюратор...

— О! — сказал Шукат. — Мой поворот! Две небольшие грядки пройти — и уже колодец. Давно наши роются.

— Какой километр? — спросил Сурин, охрипнув. Вдруг стало страшно, что проскочили, что не узнал места. И вообще... Больше тридцати лет прошло, мало ли. Еще тут задумался и почти перестал следить за дорогой...

— Тридцать первый от Ербента. Вам какой?

— Десять еще, — облегченно выдохнул Сурин. — На сорок первом...

— Это можно, — сказал Шукат, — это сейчас.

Он прибавил газу, как всегда, радуясь близкой цели. Тут, в урочище Бузлыджа, работала приятная Шукату бригада. У них в домике вполне налаженное хозяйство. Шукат вез им ворох новостей — устных. Кроме того, газеты и письма. Как каким-нибудь полярникам. Только сбросить на сорок первом старого ежа и побыстрее развернуться. Впрочем, в пустыне его одного не оставишь...

— Вы там надолго? — спросил Шукат. — Подождать, может?

— Не надо, — сказал Сурин. — Я посижу...

— Чего там сидеть? — удивился Шукат, но сразу махнул рукой — все равно не добьешься толку, пусть как знает.

Миновали барханный подъем, скатились в низинку меж двух песчаных холмов. Дорога вильнула вправо...

— Тут, — тихо сказал Сурин. Едва слышно сказал, одними губами, а будто толкнул в спину Шуката, так у него вышло. Шукат тормознул рывком, как врос ЗИЛом в песок.

На сорок первом километре дорога вильнула вправо, объезжая старую автомобильную раму. Как развернули ее боком когда-то, почти поперек трассы, так и осталась. Поржавела только. Не разберешь теперь. — от какой машины, «форд», ГАЗ-6 или ЯЗ. Просто рама, каких много рассеяно в Каракумах. Вместо памятников тем годам. Шоферский памятник — рама, других не ставят в пустыне.

Обыкновенная рама, каких много. Метров восемь длиной. Несколько кустиков вдоль, изгородь нарастила пустыня. Рыжая ржавчина. Никаких особых отметин. Только разве они шоферу нужны, когда под этой вот рамой сколько лежено, в холод ли, в зной? Когда каждый ее сантиметр, может, тыщу раз ощупан, оглажен твоими руками? Свою раму всегда узнаешь...

— Тут они меня и прижгли, — сам себе сказал Сурин.

Он слепо шагнул с дороги и опустился на раму. Провел ладонью, и ладонь стала красной от ржи. Сурин стряхнул ладонь и тогда, наконец, почувствовал, что приехал. Давно нужно было приехать, и он, наконец, приехал. Странное это чувство — через тридцать четыре года снова попасть на то место, где тебя очень старались убить. Старались, да не убили. А убили помощника, только что женатого парня, такого же молодого, как ты тогда.

— Тут... — повторил себе Сурин. И сразу будто увидел их всех, какими были тогда.

Себя, в гимнастерке, войлочной шляпе и в трусах, обычной своей форме, — у капота ЯЗа. Верную морду своего ЯЗа с разгоряченным радиатором. Уполномоченного Союзсеры Шишкина, толстяка с портфелем. Шишкин был в тот раз случайным попутчиком. И своего помощника Мишу Хвостикова, как он говорит: «Эту машину вместо собаки можно ставить дом сторожить». У ЯЗа и впрямь было какое-то собачье чутье на дорогу, но Хвостиков ничего такого не говорил — точно знает Сурин. А все равно помнится, будто говорил. Это Лоскутов написал, будто Хвостиков так говорил. И так теперь помнится Сурину. И книжка и как было — все переплелось в памяти. Одно дополняет другое. И то и другое — правда. Если бы не книжка, Сурин никогда больше не попал бы на сорок первый километр. Разве выберешься? А книжка толкнула...

— Я поеду пока, — нерешительно сказал Шукат. Он все стоял рядом, и что-то мешало ему тронуть. Он чувствовал напряженное волнение Сурина. Непонятное волнение. И оно передавалось Шукату. Хотя абсолютно не с чего было волноваться: тишина, обыкновенные Каракумы, старый еж на ржавой раме...

Но Сурин не ответил Шукату. Просто не слышал. Он снова видел их всех, какими были: ЯЗ с пыльной мордой, Мишу Хвостикова, уполномоченного Шишкина, такого толстого, что он с трудом ворочался в узкой кабине. И рядом с ними еще Лоскутова, хотя его не могло быть в ту ночь с ними. Но он написал, будто был. Будто все сам пережил. Хотя Сурин ему рассказывал кратко, неумело, как всегда, — больше трудными паузами, чем словами. Они лежали тогда у колодца Чагыл рядом в мешках и никак не могли заснуть, потому что очень ломило плечи и очень светили звезды. И Сурин разговорился под настроение, ночью легче. Это было через два года после ЯЗа, в тридцать третьем, в автопробеге, где Сурин и познакомился с Лоскутовым...

— Поеду, — громче сказал Шукат. — Часа через три заскочу за вами. — И почти крикнул, потому что этот Сурин совсем оглох на старой раме: — Хватит вам три часа?

— Три часа? — восторженно Сурин. — Конечно...

И сразу опять перестал слышать Шуката, будто выключился. Даже не заметил, как развернулся ЗИЛ, рыча, одолел подъем, мелькнул за дальним барханом. И вместе с ним исчезли для Сурина последние признаки современности.

Он пристально огляделся в своем прошлом. Да, сорок первый

не изменился ни в чем. Даже кусты селина желтели будто бы там, где и тридцать четыре года назад. Та же низинка и тот же спасительный склон впереди, до которого ЯЗу оставалось тогда буквально три метра. И вдоль дороги, справа, — та же длинная песчаная грядка, из-за которой стреляли. Может, и сейчас гильзы валяются...

— Тут они меня и стеганули, — громко сказал Сурин.

Это был тревожный сентябрь тридцать первого года. На Ербент налетали банды. Председатель аулсовета в Кызлтакыре, на которого вполне полагались, получил в районе пять кило чаю и вместе с ним сбежал к басмачам. Серный завод каждую ночь выставлял для самозащиты семьдесят пять винтовок. Директор Васильев, рябой, бессонный, сам проверял посты. За каких-нибудь девять дней на трассе Ербент — Серный басмачи обстреляли три машины. Шофер и помощник одной из них — «газика» с картошкой — были убиты в кабине наповал. Поговаривали, что где-то рядом басмаческий аул, вовсе неизвестный Советской власти.

В тот раз, восемнадцатого или девятнадцатого сентября, Сурин вез на Серный цемент. Много мешков, даже слишком много для работы ЯЗа. ЯЗ ревел от натуги. Но это была безотказная машина, на которую можно положиться. И еще в кузове лежали четыре драгоценных мешка с мукой. Муку сопровождали три милиционера. И муку и милиционеров Сурин сгрузил на тридцатом километре. Еще покурили на прощанье, и милиционер постарше сказал: мол, дорога у вас спокойная, цемент басмачей определенно не интересует, а информация у них дай бог поставлена, какой-то гад в Ербенте исправно докладывает по цепочке, и никак не дознаться кто. А Шишкин из Союзсеры в ответ посмеялся, что после муки самый ценный на ЯЗе — он, потому что у него в портфеле — инструкции. Но он все равно смелый и не слезет, даже без милиции.

И они поехали дальше...

Этот, из Небит-Дага, с насосом-«лягушкой», пожалуй, прав был насчет фамилии, Сурина самому нипочем бы не догадаться. А Лоскутов, конечно, нарочно поставил в книжке «Сурков» вместо «Сурин», потому что кое-что он все-таки написал по своему. Не так, как Сурин рассказывал. Не совсем так, хотя по существу — верно...

Вот у него написано, что они с Мишей Хвостиковым были не разлей друзья, в одну душу жили, а они, между прочим, даже не знали друг друга до этого рейса. Хвостиков только-только пришел в Автодор после армии. Едва жениться успел. Постоянный помощник Сурина тогда заболел, и ему дали Хвостикова. По правде сказать, больше всего запомнилось Сурину, как Хвостиков был здоров спать. Уж как завалится в кузове, в обе ноздри как дуванет, хоть за ноги его волокни, хоть под лед. На что уж толстый Шишкин храпел, но против Хвостикова...

Это все так. Но все-таки в книжке, когда перечитывал Сурин, как они с Хвостиковым дружили и с ЯЗом — все трое, чувствовал он какую-то непонятно-щемящую правду. Как будто Лоскутов знал о них больше, чем они сами. И помощник,

которого Сурин тогда не успел узнать, будто делался ему ближе. И нарастало чувство личной какой-то потери, так что сейчас, через двадцать четыре года, вдруг захотелось заплакать о Хвостикове, как о родном. Словно Лоскутов подсмотрел, как у них должно было быть с Хвостиковым и как, возможно, было бы потом, позже, если бы не та ночь...

— Эх, Мишка! — вслух сказал Сурин. Только ящерицы, совсем было переставшие замечать спокойного человека на раме, беззвучно пустились от него наутек, смешно приседая на лапках. Мирная тишь стоит сейчас в Каракумах. Разве газовый фонтан ударит или школьный звонок прозвенит над такыром. Мирная тишь, и мирные звуки.

— Тут они нас и ждали...

Шишкин быстро устал в тесной кабине и запросил привала. Воду в радиатор тоже пора было залить. Словом, Сурин остановил ЯЗ на сороковом километре. Буквально четыреста метров от этой низинки. Жгли костер, чай пили — все не торопя, чин чинарем. От сорок первого километра их отгораживал высокий бархан. Хвостиков вылез из кузова, вынул две кружки, пожаловался зевая: «Никак не привыкну ночью работать, спать ночью охота — страх...» Шишкин хохотнул в ответ: «Сразу молодожена видать!» Хвостиков смутился и снова полез наверх. Сурин глянул на часы — было двадцать минут второго. Самая ночь. Прохладное шоферское время. Только темно очень. Беззвездно и безлунно, так редко бывает в пустыне.

— Врежем сейчас до завода, — сказал Сурин, трогая ЯЗ. ЯЗ послушно полез на подъем. Сурин слегка беспокоился за передний мост, но ЯЗ лез отлично, на эту машину можно было положиться.

— Врежем, вколем, впилим, — поддержал Шишкин, веселый уполномоченный Союзсеры, смелый, со своим портфелем. Он опасался, как бы Сурин не уснул за рулем, и всячески его развлекал. Впрочем, в тот год на пассажиров в пустыне часто выпадала такая, несколько нервная, веселость...

ЯЗ плавно скатился в низинку на сорок первом километре. Сурин переключил вторую скорость. Под колесами хрустели фашины, участок тут довольно сыпучий, укрепляли не раз. Выбраться бы на следующую горюшку, там до Серного — уже проще. Шишкин уgomонился, присунулся к дверце, наконец, и его спорило. А Сурин даже любил эти ночи без сна, когда пустыня вокруг кажется лесом и только ЯЗ, всемогущий и гулкий, раздвигает черноту.

Вдруг справа, над низкой барханной грядкой, будто чиркнули спичкой. Одна, вторая, третья. Штук десять. Если бы руки были свободны, Сурин полез бы тереть глаза. Так это было внезапно. Вдруг — спички! Выстрелов он не услышал. ЯЗ громко гудел...

— Черт! — сказал рядом Шишкин будто издадека.

Снова чиркнули справа. Ясно, какие спички! Сурин вцепился в баранку: «ЯЗ, милый!» Выжал третью. ЯЗ ровно набирал ход. Пуля прошла по кабине навывлет, чуть выше головы. «Давай, ЯЗ!» Три каких-нибудь метра осталось подняться еще! А потом — спуск, скорость, потом им не догнать на верблюдах.



Рисунки В. КОВЫНЕВА

Чирк!

ЯЗ завадился на правый бок, тяжело осел кузовом. Резину подбили! Всем телом Сурин ощутил тяжесть цемента. ЯЗ тупо заскакал на дисках, по фашинам. На голых дисках не выжмешь...

Чирк!

Белый пар взметнулся над радиатором. Сурин из последнего рванул влево. Радиатор пробили! ЯЗ, горячо дрожа, зарылся в песок. Справа, из темноты, поднялись высокие шапки.

— Все! — крикнул Сурин, выпрыгивая из кабины. Чернота пустыни сразу поглотила его. По лицу хлестнул саксаул. Сурин бежал, увязая в песке. Первый бархан, второй, четвертый. Близко за ним бежали Шишкин и Хвостиков. Только барханы могли их спасти. Как можно больше барханов. Все...

Но когда Сурин, наконец, оглянулся, на него налетел только Шишкин. Один Шишкин.

— А Мишка? — крикнул Сурин. И сообразил, что кричать нельзя. Тогда он повторил шепотом-криком: — А Мишка?

Но толстый Шишкин совсем задыхался. Он не мог говорить. Он упал на песок и хватал воздух, как рыба. Потом он ответил:

— Не знаю. Наверное, раньше выпрыгнул...

Всю ночь два человека бродили в барханах. Старались не забираться слишком вглубь, чтобы не заблудиться, чтобы день не застал в песках без воды. Два раза подходили почти к дороге, но побоялись выйти. Они слышали голоса басмачей. Слышали крики. Потом в том месте, где остался ЯЗ, взметнулось зарево. Сурин стиснул зубы: никогда больше у него не будет такой машины, как этот ЯЗ... Голоса стали как будто громче. И два человека снова бежали в барханы, подальше от дороги. Потом они не могли ее найти. Все-таки закружились в песках...

Когда совсем рассвело, выбрались, наконец, на дорогу. День вставал круглый и солнечный. Неправдоподобно тихий. Мирно сновали ящери. Мирно посвистывали песчинки. Будто ничего не было...

Из-за бархана, со стороны Ербента, показалась машина. Она везла крупу. Крупу сопровождали милиционеры. Люди соскочили с машины, молча окружили Сурина и Шишкина. Милиционер постарше узнал:

— Вы?

— Мы, — сказал веселый уполномоченный Шишкин. Он опустился на песок перед машиной и закрыл лицо руками.

Когда подъехали к ЯЗу, он еще дымился. Мешки с цементом были аккуратно сложены в сторонке. И зло изрезаны ножом. Видно, их приняли за муку, осторожно сгрузили из кузова и лишь потом разобрались. Видно, басмаческая разведка, «длинное ухо» пустыни, на сей раз сработала плохо. Рядом с мешками лежал Миша Хвостиков, молодой парень, который еще не привык работать ночью, только-только женатый, новый помощник шофера Сурина. Он лежал мирно, будто отдыхал. Глаза его были закрыты, и солнце било прямо в глаза. Казалось, что солнце мешает Хвостикову...

«Мишка! — опять подумал Сурин, как тридцать четыре года назад. — Если б не спал, может, успел бы, Мишка!»

Хвостиков был убит наповал...

И еще одного до сих пор не мог позабыть Сурин. Когда они привезли в Ашхабад тело Хвостикова, первым человеком, которого они увидели во дворе Автодора, была жена Хвостикова. Она бежала навстречу машине и кричала. Этот крик Сурин не мог бы забыть еще за две жизни, страшный, раненый крик. Она бежала навстречу, ничего не спрашивая. Будто уже все знала. Хотя никакой телефон не мог раньше их принести ей из пустыни страшную весть. И все-таки она знала. Пока тело снимали с машины, она билась в руках у Сурина. И ничего так и не спросила — знала...

«Просто совпало», — сказал себе Сурин. И снова будто услышал ее крик и как она бежала к машине — нет, знала! «Любила Мишку», — вдруг благодарно подумал Сурин. И теперь, через тридцать четыре года, стало обидно, что никогда больше он не встречал этой женщины и никогда не поинтересовался, где она. Как? Жена его помощника Хвостикова, для которого вот этот сорок первый километр неожиданно стал последним...

И еще подумалось — зря он не рассказал о ней Лоскутову там, у колодца Чагыл. Лоскутов понял бы. Он умел понимать. Сурин вдруг вспомнил Музей бакинских комиссаров в Красноводске. Его торжественные, тихие комнаты. И как они, неловкие в комнатах после пустыни, слушали длинные объяснения экскурсовода и украдкой, как мальчишки, трогали застекленные стенды, будто боясь порезаться, удивляясь простому стеклу, как чуду. А когда хотели уже уходить, Лоскутов вдруг сказал:

— Вот что больше всего потрясает...

Сурин взглянул и увидел обыкновенные очки. С широким переносьем и гнутыми дужками. Одно стекло чуть-чуть треснуло. Такие домашние, они лежали в музее на видном месте. Но Сурин как-то сначала не обратил на них внимания.

— Очки, — подтвердил Лоскутов. — Очки одного из двадцати шести. Представьте: он в них читал, терял их каждое утро, быстро-быстро протирал их, когда волновался. В них он пошел на расстрел. Их же на месте расстрела нашли, посмотрите.

И больше всего Сурин почему-то запомнил эти очки. С длинными дужками и чуть треснувшие. Когда после войны снова попал в Красноводск, сразу пошел в музей. Но очков уже не было. И никто не мог сказать Сурину, куда они делись. Может, отправили в Москву? Может, потерялись?

— В вещах остается что-то от человека. Остается больше, чем можем мы себе объяснить, — сказал тогда Лоскутов. — Поэтому личные вещи нас так потрясают.

«Точно», — подумал Сурин. И снова провел по старой руке рукой. Бережно. Как проводил по живому ЯЗу. И рука снова стала красной. Еще Сурин подумал, что вот почему-то не смог поехать сюда без старого кумгана с отбитым носиком. Целый вечер ползал в кладовке, пока отыскал. С женой даже

поругался: куда девала? Будто кумган, как человек, тоже имел свое право непременно побывать еще раз на сорок первом километре.

Шукат приехал за Суриным уже в сумерках. Задержался. Слегка соснул после обеда: пока разгружался. И вообще, честно говоря, не шибко спешил. Пусть старый еж вволю насидится на солнце, если за тем потащился из Ашхабада в центр Каракумнии. Чтобы обнять ржавую раму, лично Шукат не сделал бы и шести шагов. Чего мозги компостировать?..

Сурин сидел на раме, как показалось Шукату, все в той же позе. Это уж слишком! Даже не взглянул на часы, не удивился, что поздно.

— Карета готова, — развязно сказал Шукат. Он чувствовал себя несколько смущенным. Даже, пожалуй, сбитым с толку. Во всяком случае, на сей раз он сам воздержался от разговора. Ехали молча.

Пока добрались до колодца, совсем стемнело.

— Урочище Бузлыджа, что-то вроде — «Соленый лед» по-русски, двести километров от Ашхабада, — любезно представил Шукат темноту. — Имеет почти готовый колодец и водосборную площадку в проекте!

Если бы не воспоминания, Сурина бы заинтересовало урочище Бузлыджа в новом своем виде. Дело в общем простое: берется гектар сухойшей пустыни, выравнивается бульдозером, бетонируется с уклоном к сардобам — огромным подземным резервуарам для будущей воды, — и площадка готова. Гектар каракумских дождей, собранных воедино, позволяет, оказывается, поить мощное стадо овец. И для колодца площадка большое подспорье. Ибо колодцы в пустыне нужно расходовать бережно, чтобы не пострадал водяной дебет-кредит...

Но Сурин просто увидел деревянный дом посреди пустыни, крохотную пристройку электрика, где тарахтел движок, бетонный сруб колодца невдалеке, доски, гравий, сгруженный Шукатом, и длинный навес, под которым была столовая. И еще увидел цистерну в сторонке. На цистерне каким-то чудом держалась кровать. На кровати лежал человек, задумчиво шевеля босыми ногами, и курил прямо в небо.

— Дизелист, — кивнул на него Шукат. — Фаланг опасается, вон как устроился...

— Верное дело, без прокола, — усмехнулся Сурин, подивившись хитрости дизелиста.

Тут к ЗИЛу высыпала вся бригада, ибо новый человек — подарок в пустыне. Сурина затормошили, забросали именами, знакомясь, потащили в дом. Почти весь дом занимали просторные нары на коллектив, устланные даже с некоторым кокетством цветными одеялами. В углу стоял узкий стол, крепкий, как сруб. У стола сидел крепкий, мосластый дядя в засученных брюках, и больше ни в чем, со шрамом через всю грудь. Он деловито стриг простыню, что-то из нее выкраивая. Когда поворачивался спиной к свету, между лопатками тоже проступал

шрам. Еще длиннее, чем на груди. Оставила след разрывная, навывлет...

— Занавесочки сносились, — певуче объяснил закройщик Сурина, откладывая ножницы, — хата вид потеряла.

Бригада в урочище Бузлыджа небольшая — одиннадцать человек. Они все, кроме дизелиста, который — новый и пока боится фаланг, давно работали вместе и сжились, как одна семья. Собственно, это и была наполовину семья, потому что бригадир, самый щуплый и невидный из всех, имел тут при себе двух сыновей, родного брата и лучшего друга, с которым партизанил еще в сорок втором. Этот друг и стриг сейчас простыню. Такая бригада способна перепахать все Каракумы и достать земное ядро через колодец.

— Жалко, младшего проводили, — сказал бригадир, освещая улыбкой. — Ревел парень...

— Куда проводили? — не понял Сурин.

— Домой, в Ашхабад, — объяснил бригадир. — В третий ходит, учиться же надо. А он ревет...

— С шести лет с папкой в песках, — засмеялся старший сын, такой рослый да крепкий, даже сразу не верилось, что бригадиров сын. — Заревешь!

— А сам-то? — закричали ему. — А сам?

— Чего сам? — засмеялся старший. — Сам — совершеннолетний, двадцать четыре стукнуло, восемь классов закончил...

Потом Сурина дружно кормили. Поставили ему борщ — украинский, наваристый! Кашу-гречу, ложкой не проворотишь! Миску кумыса, кисель, чайник литров на десять, хлеба наложили гору — ешь!

— Ой, гренки забыл! — крикнул курчавый парень, который больше всех хлопотал. Имя у него было Рахим, но все почему-то звали его Николаем. Он убежал под навес и притащил еще скворороду, здоровенную чугунку, которая стреляла жиром.

— Хватит, — взмолился Сурин.

— Невкусно? — огорчился Рахим-Николай.

— Не верблюд же, — засмеялся Сурин, наваливаясь на борщ. И спросил, чтобы сделать парню приятное: — Давно поваром?

— Не, мы по очереди, — объяснил Николай-Рахим. — У меня вообще-то четыре профессии: каменщик, штукатур, маляр, плотник...

— А ты не хвались перед человеком, — сказал бригадир. — Когда на электрика освоишь?

— Гони сразу на директора треста, — сказал партизан с ножницами.

— На главного инженера! — закричали вокруг. — На ночного сторожа!

В этой бригаде было тепло. Если люди заодно, с ними всегда тепло, хоть какой градус на улице. Сурин немножко осовел от еды, от этого длинного, полного прошлым дня. И сейчас ему было хорошо в настоящем, в дощатом домике посреди пустыни.

Но когда стали укладываться, он наотрез отказался от комнаты. Он лучше на воздухе. В кузове прямо. Давно не было ночи в кузове, забыл уже когда. Поняли. Не стали настаивать.

Улеглись, вздыбив цветные одеяла. Шукат — с краю на нарах. Но спать никому не хотелось, и бригадир скомандовал:

— Руби свет, Николай! Будем сумерничать...

В темноте Сурин пристроился у кого-то в ногах. Было удобно сидеть, привалившись к стене, и чуть-чуть кружилась голова. Разговор шел неторопливый, с подначкой и перепадами, как всегда, когда все переговорено, когда все свои. И еще оживляло, конечно, присутствие нового человека. Сурина ни о чем не расспрашивали. Видели, что не надо. Да и Шукат говорил, как ехали.

Просто смеялись над Николаем-Рахимом: в газировщицу парень влюбился, на перекрестке возле аэропорта, в Ашхабаде. Каждый раз по ведру самой дорогой воды хлещет, а она, шельма, только глазами стрижет да звенит красными бусами. Смеялся и сам Рахим-Николай, объяснял Сурину: «Уж замужем, опоздал!»

И как-то без перехода вдруг загрустили. Вспомнили парня, которого недавно засыпало. Черт его знает, как песок прорвало. Так и потек. Моментное дело, а человека нет. Веселый был парень, заводной, за всякую птицу лучше птицы кричал, кого захочет — изобразит, как пришьет. Начальство даже побаивалось его на сцену пускать на вечерах: покажет кого, так к тому и прилипнет...

— У нас начинал, — сказал бригадир. — Вон партизан его и учил.

— Добрый помощник был, — подтвердил партизан.

И вдруг будто что-то расслабилось в Сурине, отпустило его изнутри, и он заговорил. Как тогда, у колодца Чагыл. Темнота ему помогла, когда не видно лица. И не перебивали. Только слушали, согревая ответным волнением. Сдерживая дыхание, чтобы не помешать говорить. И Сурин опять будто заново пережил ту сентябрьскую ночь тридцать четыре года назад...

Как они заправились чаем буквально рядом, возле сорок первого. И Шишкин еще смеялся над Хвостиковым — мол, жена молодая, понятно. И как чиркнуло справа, словно спичка, и ЯЗ заскакал на дисках. И над песчаной грядой, все ближе, закачались высокие шапки-папахи. Как бежали потом по барханам, уходя от смерти, и Сурин близко за собой слышал обоих — Хвостикова и Шишкина. А потом оглянулся — и на него налетел, задыхаясь, только Шишкин. Один, а дышал за двоих. Как утром дымился ЯЗ, верная машина, и мешки с цементом были изрезаны вкось и вкривь. И аккуратно лежал на песке Миша Хвостиков, помощник шофера Сурина. Будто прилег отдохнуть на бархан...

— Рама вся проржавела...

Когда Сурин кончил, долго молчали в домике. Словно боялись спугнуть воспоминания. Только Шукат ворочался с краю на нарах. Мучительно стыдно было Шукату за дорожный свой треп: за шофера, который заблудился под пьяную лавку, за песчаные трудности, какие Шукат расписывал Сурину, за калымную юрту. Хорошо, что темно и лица не видно.

Потом бригадир осторожно спросил:

— Просто взял и поехал?

— Нет, — сказал Сурин, — просто навряд ли собрался бы. Книжка толкнула. Книжка, понимаешь, такая...

Он пошарил в темноте чемоданчик и достал «Следы на песке».

— Николай, вруби! — попросил бригадир.

И когда вспыхнул свет, шоферская книжка в тавотных пятнах, та, что Сурин нашел в старой кабине, медленно пошла по рукам.

— Там это есть, — сказал Сурин. — Про ЯЗ и про все...

— Лос-ку-тов, — прочитал бригадир. — Тоже был с вами?

— Тогда нет...

— Не видел, значит, — задумчиво сказал бригадир.

— Он тут все видел, — сказал Сурин. — Мы с ним все Каракумы исколесили. Когда на Серный еще первые котлы везли, он уже был. И потом — много. Он эти места любил...

— Покажи, — попросил бригадир. И Сурин нашел в книжке рассказ про шофера Суркова, про ЯЗ-5 и помощника Хвостикова.

— Читай вслух! — сказал бригадир Николаю-Рахиму. И снова все слушали не дыша то, что рассказал Сурин, и немножко будто иначе, потому что — из книжки и как-то иначе волнует. И словно книжка вся — про тебя, потому что вот он — сорок первый километр, под боком, можно просто сходить. И сидеть на раме от ЯЗа...



Хорошо читал Рахим-Николай. Даже Сурин будто по-новому слышал: «И в ночи где-то продолжался еще рев машины, пробивающейся через пески, продолжался ЯЗ-5 и автопробег, и падали еще очки с лица бакинского комиссара, и тысячи незаметных людей на огромном материке, лежащем за нашей спиной, поворачивали по-новому старую Азию...»

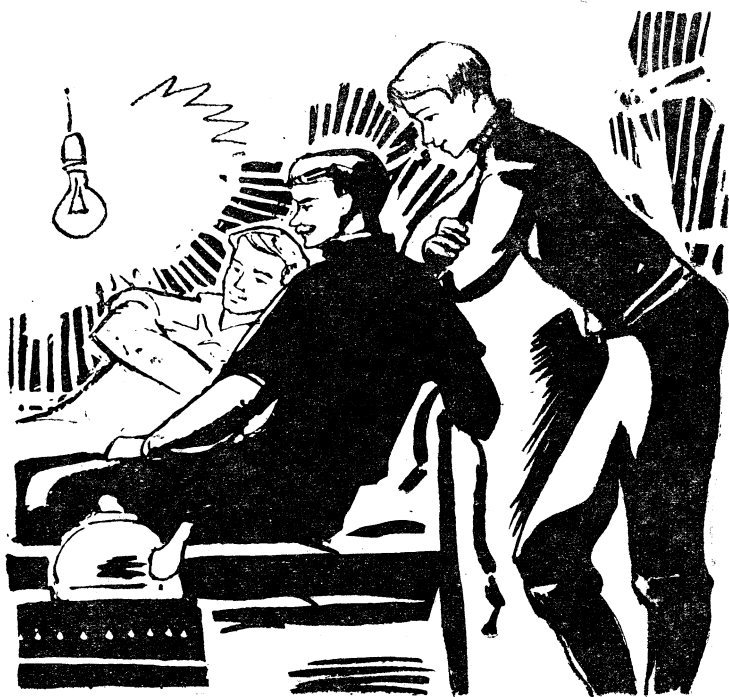
Когда Рахим кончил, снова долго молчали в домике посреди пустыни.

— Книгу оставь, — попросил бригадир.

— Ладно, — сказал Сурин, — я в Ашхабаде достану.

— Еще почитаем немножко! — сказал Николай-Рахим.

— Добре, — поддержал партизан. И они стали читать книжку сначала, ничего не пропуская. Сурин тихонько поднялся, взял матрац, какой ему полагался, и вышел в пустыню.



Он залез в кузов, укрылся ватником, вытянулся и почувствовал себя совсем дома. Мирно тарахтел движок. Отходило от дневного жара лицо. Тело отдыхало в прохладе. Но заснуть Сурин не мог. Звезды, крупные, как на колодце Чагыл, висели над ним. Светящейся шоссейкой лежал поперек Млечный Путь. Вдруг Сурин увидел, что одна звезда отделилась и поплыла. Она быстро скользила по небу. Маленькая и твердая, как зрачок. И тогда Сурин понял, что это спутник летит над старой пустыней.

Он заснул лишь под утро и проспал общий подъем. Это было еще не испытанное чувство — встать позже всех и никуда не торопиться. Сурин со вкусом позавтракал один и перемыл всю посуду под навесом. Потом медленно обошел урочище Бузлыджа — владения бригады.

По узкой приставной лестнице он спустился в глубь сардобы. В бетонном пузе пустыни было звучно и холодно. Сурин представил, как плещется вода. Хорошо, конечно. Много воды. Полная сардоба дождей. Сурин пожегся и полез обратно.

Неторопливо, как гость, прошел к колодцу. И успел как раз вовремя, чтобы увидеть. Курчавый Рахим, которого звали Николай, как раз размашисто выводил пальцем по свежему бетону сруба: «Колодец Лоскутова, год 1965-й». Склонив голову набок, Рахим-Николай придиричиво изучал свою работу. Выворачивал буквы. Обернулся к Сурину:

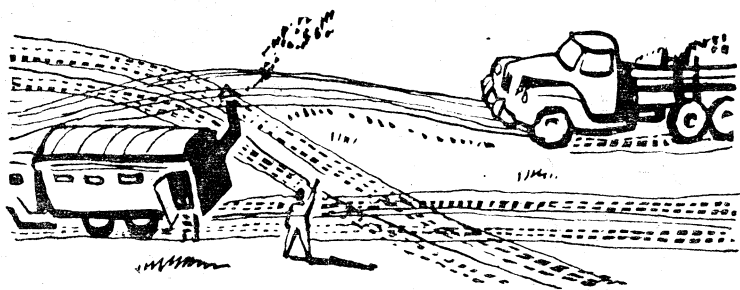
— Порядок! Доску еще потом напишем...

— А можно? — сказал Сурин, волнуясь.

— Имеем мы право колодец назвать?! — сказал Николай-Рахим.

— Имеем, — подтвердил, подходя, бригадир. — Раз бригада решила.

Сурин почувствовал вдруг, как он устал за прошедший день. И ночь, выходит, не освежила. Значит, стареем все-таки. Горело



лицо. И тело — слишком большое, тяжелое...

Пodbежал Шукат, доложил бригадиру:

— Закончил погрузку. Можно ехать.

Бригадир внимательно посмотрел на Сурина, сказал Шукату вполголоса, чтобы Сурин не слышал:

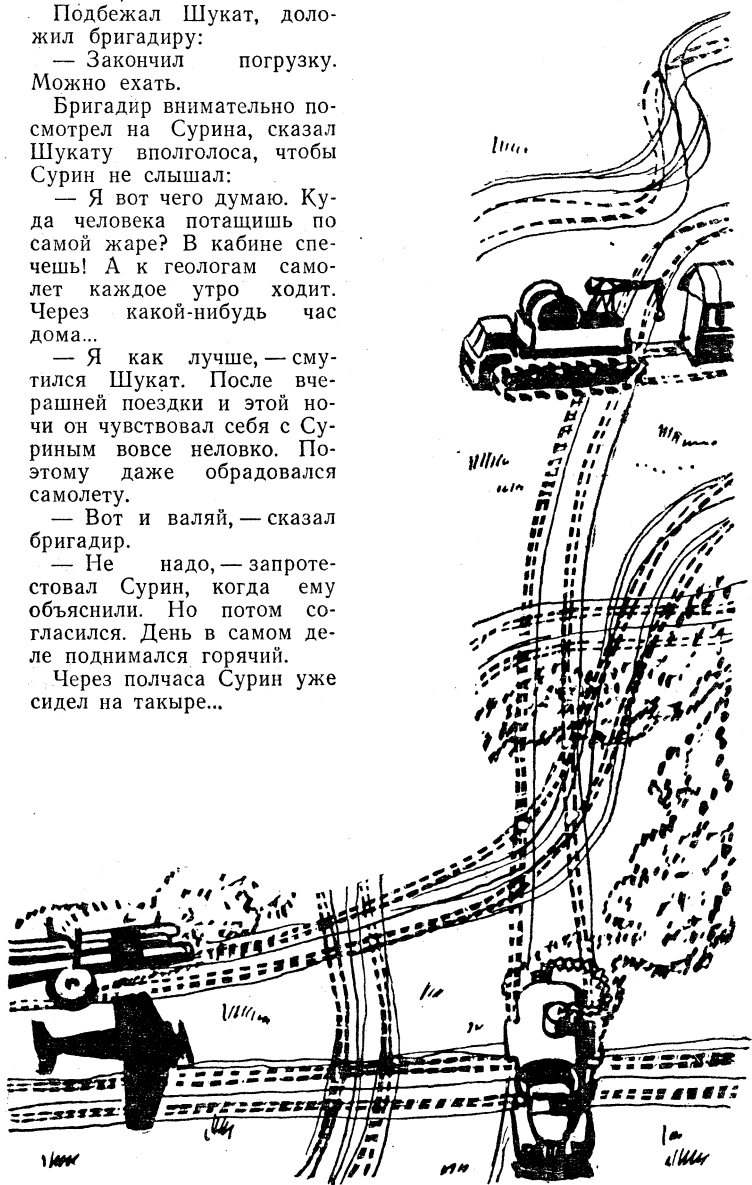
— Я вот чего думаю. Куда человека потащишь по самой жаре? В кабине спечешь! А к геологам самолет каждое утро ходит. Через какой-нибудь час дома...

— Я как лучше, — смутился Шукат. После вчерашней поездки и этой ночи он чувствовал себя с Суриным вовсе неловко. Поэтому даже обрадовался самолету.

— Вот и валяй, — сказал бригадир.

— Не надо, — запротестовал Сурин, когда ему объяснили. Но потом согласился. День в самом деле поднимался горячий.

Через полчаса Сурин уже сидел на такыре...



Самолет-водовозка, искрясь, возник в небе. Покружил над такыром, играя крыльями, прицелился, ловко подрулил прямо к Сурину, подняв песчаные смерчи. Дверь отдраилась, и во всю ширь показалась из нее молодая румяная физиономия летчика.

— Ловко?! — подмигнул летчик.

Потом они летели над пустыней. И сверху видели только желтое. Бесконечно желтое.

А Каракумы жили внизу своей рабочей жизнью.

И там, внизу, под крыльями самолета-водовозки, продолжался рев старого ЯЗа, пробивающегося через пески, — то пробивались другие машины, новые трехоски, у которых давление в шинах регулируется из кабины.

Там, внизу, под крыльями водовозки, медленно проворачивалась старая желтая пустыня, веками линиявшая под солнцем. И десятки тысяч людей по-новому кроили старую Азию...



Александр Ломм



Скафандр **АГАСФЕРА**

Фантастический рассказ

1

Когда Дориэль Реджан дошел, что называется, до ручки, иными словами, когда он вынужден был оставить Биолию и маленького Аркифа, чтобы не лишать их последнего куска хлеба, он встретил старика Вальмоска; в парке встретил, в осеннем холодном парке на скамейке.

У Вальмоска был очень потрепанный вид, еще более потрепанный, чем у самого Реджана.

«Вот существо в тысячу раз несчастнее меня!» — мысленно произнес Реджан, и вместе с естественно пробудившейся жалостью в нем шевельнулось эгоистическое чувство удовлетворенности: «Не я последний в этом мире!»

Старик действительно являл собой крайне убогое зрелище: одежда — сплошные лохмотья, изможденное лицо в грязных клочьях давно небритой бороды, красные, слезящиеся глаза, тощие, жилистые руки, судорожно вцепившиеся в суковатую палку. Можно было без особого труда угадать, что он много дней уже не наедался досыта и ночевал где попало.

Единственное, что никак не вязалось с нищим обликом старика, была собака — большой, породистый, упитанный дог темно-серой масти, с гладкой, лоснящейся шерстью. Он лежал под скамейкой, наполовину высунувшись наружу и положив свою великолепную умную голову на мощные передние лапы. В том, что он принадлежал старику, можно было не сомневаться. Слишком уж доверчиво прижимался этот гордый пес к худым и грязным башмакам нищего.

Бегло осмотрев странную пару, Реджан осторожно присел на край скамейки, раскурил только что поднятый полновесный окурок сигареты «Трино» и обратился к старику с обычным в таких случаях вопросом:

— Что, приятель, совсем плохи дела, да?

Старик медленно повернул к нему голову, внимательно оглядел его от бахромы на брюках до засаленной тульи шляпы и вдруг протянул к нему свою дрожащую, со скрюченными пальцами руку.

— Вальмоск... — сказал он при этом глухим, простуженным голосом.

— Как?! — переспросил Реджан.

— Меня зовут Вальмоск, профессор Вальмоск! — настойчиво повторил старик.

Реджан смешался, покраснел, но все же торопливо пожал протянутую руку и назвал свое имя.

— Безработный? — спросил после этого Вальмоск.

— Да, уже больше года, — признался Реджан.

— Бездомный?

— Да, то есть почти... Во всяком случае, я не вернусь домой, пока не устроюсь...

— Голодный?

— Да, да, черт побери! — прорычал Реджан, приходя вдруг в бешенство от этих дурацких вопросов. — Безработный, голодный, бросивший жену и сына! Еще что?! Еще злой, злой, как собака!..

На старика эта вспышка бессильной ярости не произвела ни малейшего впечатления. Когда Реджан докурил свою коротенькую сигарету и немного успокоился, Вальмоск снова обратился к нему с вопросом:

— А жить, поди, хочется?

— Бросьте издеваться... — буркнул Реджан, уже жалея, что затронул болтливого старика.

— Я не издеваюсь, — прохрипел Вальмоск, — я для дела спрашиваю. Хотите жить, Реджан?

— Вообще-то надоело... Если бы не Биолия и малютка Аркиф... Но, по совести говоря, хочу. Очень хочу! — с неожиданной для себя искренностью ответил Реджан.

— Тогда пойдемте! — Вальмоск навалился на палку и с трудом поднялся.

— Куда?! — оторопел Реджан.

— Ко мне. Посмотрите кое-что. Может быть, вам подойдет...

С этими словами чудаковатый старик пошел прочь, шаркая ногами и часто стуча палкой по мокрому асфальту. Великолепный дог вылез из-под лавки и пошел за ним. Несколько мгновений Реджан смотрел им вслед; но вот он отчаянно махнул рукой:

— Эх, была не была! Терять нам уже нечего!..

Он быстро догнал старика и пошел с ним рядом.

2

Из парка они вышли не через главные ворота, которые вели на оживленную улицу, а через узкую служебную калитку в противоположном конце. За калиткой простирался огромный пустырь, часть которого занимала свалка, а дальше начинался пригородный район с лабиринтом улочек и тупиков. Когда-то здесь жили богачи. Но после войны, во время которой многие дома были разрушены, место запустело и постепенно покрылось временками городской бедноты.

На пустыре, неподалеку от тропинки, свора бродячих псов рылась в кучах каких-то отбросов. Реджан невольно сравнил их с собакой Вальмоска. Любое из этих облезлых, голодных созданий могло бы составить нищему старику более подходящую компанию, чем его изумительный красавец дог. Реджан еще раз подивился гордой осанке и спокойной царственной поступи великолепного пса. Он уже хотел спросить Вальмоска, где тот взял этокое редкое сокровище, но в это время они приблизились к своре и вызвали в ней переполох.

Завидев дога, бродячие собаки разразились яростным лаем. Несколько крупных лохматых экземпляров отделились от своры и подбежали поближе к тропинке, делая вид, что готовы наброситься на дога и разорвать его в клочья. Реджан, наблюдавший в этот момент за догом, отметил в нем еще одну странность.

Дело в том, что красавец дог даже не обернулся на бешеный лай своих полудиких сородичей. Он смотрел вперед и вышагивал рядом с хозяином с невозмутимостью английского лорда. У него даже уши не дрогнули, а это было уже совсем не по-собачьи. Лишь когда Вальмоск замахнулся на бродяг палкой, дог тоже взглянул в их сторону, но опять-таки совершенно равнодушно, словно поднятый ими шум не имел к нему никакого отношения. Псы шарахнулись прочь, но продолжали с остервенением лаять, хотя от нападения их, по-видимому, сдерживала не палка старика. Они чуяли в поведении дога какую-то непонятную опасность и поэтому не решались вступить с ним в драку. Но тем сильнее они надрывались, стараясь устроить его, когда он проходил мимо них по тропинке.

Наконец пустырь остался позади. Путь продолжался по узкому, мощенному булыжником переулку.

— Скажите, профессор, почему ваша собака так странно ведет себя? — спросил Реджан у старика.



Рисунки В. ЧЕРНЕЦОВА

— Потому что она ничем не интересуется, — коротко бросил Вальмоск.

— Это как же? Может, она глухая?

— Да, и глухая и немая...

— Какая жалость! Такой великолепный экземпляр!.. А как звать ее, почтеннейший Вальмоск?

— Когда-то звали Ронги. Давно звали, лет сорок назад. А теперь ее никак не зовут...

— Сорок лет назад?! Уж не хотите ли вы меня уверить, что этой собаке перевалило за сорок лет?! — вскричал Реджан.

— Ей сорок шесть лет, — ответил Вальмоск.

— Бросьте городить чепуху! Собаки не живут так долго!

Старик остановился и окинул Реджана взглядом, полным досады и раздражения.

— Всею свое время, — проворчал он сердито. — Вот придете ко мне и все узнаете... А пока воздержитесь от грубых замечаний!

— Ну хорошо, хорошо, — успокоил его Реджан, — я подожду, пока вы мне сами все объясните...

После этого они двинулись дальше.

3

Дом, про который Вальмоск не без гордости заявил: «Это мой дом!», был огромной мрачной развалиной с выбитыми стеклами, провалившейся крышей и прочими следами разрушений, причиненных временем и стихиями. Развалина стояла посреди широкого двора, захламленного и запущенного до изумления.

— Здесь вы живете, почтеннейший Вальмоск?! — воскликнул Реджан, когда они вошли во двор и старик тщательно запер за собой ржавый замок ободранной железной калитки.

— Да, Реджан, здесь я живу, — с достоинством ответил Вальмоск, словно перед ним были не жалкие руины, а шикарный дворец. Затем он добавил:

— Полвека назад этот дом был предметом зависти многих богачей нашего города! Его так и называли — «Особняк Вальмоска».

— Полвека назад? Это в два раза больше, чем я прожил на свете!.. Но как вы не боитесь в нем жить? Ведь он с часу на час угрожает рухнуть!

— Он крепче, чем вы думаете, Реджан. Не бойтесь, входите!

Старик открыл высокую, обитую ржавыми листами железа дверь, которая зловеще при этом заскрипела, и ввел гостя в дом. Ронги спокойно вошел вместе с ними.

Сначала они очутились в высоком вестибюле, который еще больше поразил Реджана видом полнейшего запустения. Здесь царил полумрак. Скучный свет проникал лишь через выбитые стекла высоких окон, на которых кое-где еще уцелели железные ставни. Пол был завален мусором, обломками статуй, ворохами бумаги. С ободранного, когда-то лепного потолка свисали целые гирлянды пыли и паутины.

Не дав Реджану хорошенько осмотреться в вестибюле, Вальмоск повел его дальше. Они вошли в сводчатый коридор, в конце которого светлело овальное окно, совершенно лишенное стекол. Из него тянуло сырым сквозняком. Не доходя до окна, Вальмоск свернул на лестницу, уходящую круто вниз. На первой площадке он нашарил рукой выключатель, и тут же над лестницей загорелись пыльные лампочки. После пятого лестничного марша старик снова повел Реджана по длинному коридору, потом отомкнул литую дверь и, осветив новую вереницу лестниц, пошел еще глубже в подzemелье, из которого веяло промозглым холодом. Наконец Вальмоск отомкнул последнюю дверь и ввел гостя в небольшую комнату, освещенную старинной хрустальной люстрой.

— Вот и мои апартаменты! Располагайтесь, Реджан! — прохрипел старик, едва дыша от усталости, и в полном изнеможении повалился на старый диван, стоявший у стены направо.

Ронги улегся возле дивана на голом полу, а Реджан с любопытством осмотрелся и присел на колченогий стул. Пошарив в карманах, он нашел еще один окурок «Трино» и закурил. Это его успокоило, и он принялся более внимательно осматривать квартиру странного профессора.

Первое, что он с удивлением отметил, была еще одна дверь. Она находилась в конце левой стены. Перед этим Реджан думал, что жилье Вальмоска завершает анфиладу коридоров и лестничных маршей, но теперь убедился, что это не так. Интересно, что там за дверью? Неужели еще коридоры и лестницы, уходящие вглубь?! Какой это странный дом, этот полуразвалившийся «Особняк Вальмоска»!..

Кроме дивана и стула, в комнате был еще стол, заваленный остатками какой-то пищи, черная электроплитка на табуретке, куча тряпья в углу за диваном и шкаф с десятком пыльных книг и папок. На всем лежал отпечаток ужасающей нищеты, из которой докатился владелец когда-то богатейшего в округе дома.

Вальмоск на диване дышал часто, со старческими хрипами. Ронги замер в полной неподвижности и походил скорее на изваяние, чем на живую собаку.

Осмотрев комнату, Реджан занялся догом. Теперь этот удивительный пес внушал ему, кроме жгучего любопытства, какой-то мистический ужас. Вероятно, действовала обстановка. Нервы у Реджана были напряжены, и не удивительно, что он вздрогнул всем телом и чуть не закричал, когда справа от него послышался шорох и из темного угла, где лежала куча старого тряпья, вышел вдруг огромный сиамакский кот. Сердце Реджана забилося как сумасшедшее. Чтобы немного себя успокоить и подавить приступ страха, он поманил кота:

— Кис, кис, кис! Иди сюда, котик!

Но кот даже не обернулся на зов. Он важно подошел к догу, осмотрел его своими человеческими глазищами, потом прыгнул на диван, заглянул в лицо хозяину и тотчас же снова удалился в свой угол. Реджан еще раз попытался позвать его, но тут раздался хриплый голос Вальмоска:

— Не утруждайте себя напрасно, Реджан! Кот Флипп такой же глухой и немой, как и Ронги!.. Потерпите, я отдохну немного, и тогда приступим к делу...

4

Старик отдыхал не менее часа. За это время Реджан прикончил все свои окурки и табачные крошки, вытрясанные из карманов. Дым в комнате не скоплялся. Вероятно, несмотря на отсутствие окон, комната как-то проветривалась. Когда табак кончился, Реджана стал мучить голод. Он поднялся и подошел к столу в надежде найти на нем что-нибудь съестное.

Среди заплесневевших корок хлеба, картофельной шелухи и прочих отбросов валялся ломтик сыра, завернутый в относительно чистый обрывок бумаги. Реджан с жадностью вонзил в него зубы. Но не успел он прожевать первый кусок, как за спиной у него послышалось злобное старческое брюзжание:

— Оставьте мою еду в покое! Я привел вас не на ужин! Мне самому нечего есть!

— Бросьте прикидываться нищим, профессор! — отозвался Реджан, с трудом прожевывая сыр. — Небось зверюг своих чем-то кормите! Ишь, какие они у вас упитанные!..

Тогда Вальмоск, кряхтя, поднялся с дивана и подошел к столу. Понюхав отброшенную Реджаном бумажку, он спросил с укором:

— Вы съели мой сыр, Реджан?

— Да, почтеннейший Вальмоск, я съел ваш сыр и не чувствую ни малейших угрызений совести. Если вы припасли его для Ронги, то на сей раз вашему красавцу догу придется поужинать без сыра!..

— Ронги и Флипп не нуждаются в пище, — тихо сказал старик. — Уже сорок с лишним лет прошло с тех пор, как они ели последний раз!.. А я?! Трудно даже представить себе ту гору пищи, которую за это время перемололи мои зубы!.. Бывает, Реджан, я завидую этим тварям!..

— Но почему они не нуждаются в пище?! — вскричал Реджан, пораженный этим новым открытием.

Старик не ответил. Схватив со стула сухую корку, он с жад-

ностью принялся ее сосать. Занимаясь этим делом, он вернулся на диван. Реджан смотрел на него, как на помешанного. Да и не удивительно — в поведении и словах старика было слишком много странного, непривычного, ни с чем не сообразного. Понаслаждавшись коркой минут пять, старик вдруг вынул ее изо рта и указал ею на ободранный стул, на котором только что сидел Реджан.

— Это было давно. Очень давно... — промямлил он, мечтательно сощурившись. — Вы и представить себе не можете, Реджан, кто сидел на этом стуле тридцать восемь лет назад! Вам и во сне такое не приснится! На нем сидел сам Эрм Грунзолл, богатейший человек в мире! Да, да, миллиардер Эрм Грунзолл! Только не теперешний Эрм Грунзолл Пятый, а его покойный дедушка — Эрм Грунзолл Третий. Он сидел на этом стуле, как на троне, и все говорил: «Нет, Вальмоск, это мне не подходит!» Потом он ушел, и с ним ушли пятьсот миллионов суремов, которые я по праву считал своими... С тех пор я нищий... Но я еще хочу взять свое! Я еще буду есть на золотых блюдах и разъезжать в самых шикарных автомобилях! Только бы нашелся человек, умеющий по-настоящему желать!.. Вот вы, Реджан, съели у меня последний кусок сыра. Если я спрошу вас: «Можете вы вернуть мне мой сыр?» — вы скажете: «Нет, Вальмоск, это невозможно! Я тоже нищий!» А ведь это неправда! Вы можете мне вернуть не только этот жалкий кусок сыра! Вы можете мне вернуть все мои богатства! Вы можете осчастливить всех, кого любите, и наказать всех, кого ненавидите! Для этого вам достаточно сказать одну только фразу: «Да, Вальмоск, мне это подходит!» Одну эту фразу, да...

Оборвав свою странную речь, Вальмоск снова занялся коркой. Но в нем все заметнее появилось какое-то беспокойство. Почмокав с минуту, он вдруг резким движением отшвырнул корку на стол и поднялся.

— Идемте, Реджан! Я покажу вам кой-какие чудеса. А потом мы с вами поговорим...

С этими словами Вальмоск бесцеремонно пнул ногой свою великолепную собаку. Ронги поднялся, величественно прошел в угол и вытолкнул оттуда кота Флиппа. После этого старик открыл ту самую дверь, за которой Реджан подозревал новые мрачные коридоры и лестницы. Щелкнул выключатель, и проем двери озарился ярким белым светом. Ронги и Флипп спокойно вошли в нее. Вальмоск торжественным жестом указал на двери:

— Заходите, Дориэль Реджан! Вас ждет необычайное!

Реджан заглянул в дверь через плечо старика. То, что он увидел, глубоко его поразило.

5

Там оказалась просторная зала, залитая дневным светом десятка неоновых ламп. В строгом порядке в ней были размещены шкафы, полные приборов, сверкающих стеклом и никелем, столы с мраморными досками, большие сложные аппараты под колпаками и без них. Все предметы поражали немислимой чистотой. Реджан терялся в догадках: «Что это? Лабо-

ратория? Мастерская? Химический цех?» Однако от вопросов он пока воздержался.

Вальмоск пропустил вперед Реджана и плотно закрыл двери. Потерев свои вечно коченеющие руки, он с довольным видом осмотрел залу и сказал:

— Начнем с Ронги!

Взяв собаку за шиворот, он молча повернул ее мордой к одному из аппаратов, напоминавших своей конструкцией гильотину. Это был стол с железной стоячей рамой. Внизу рамы зияло круглое отверстие, вверх сверкало устрашающих размеров стальной нож с остро отточенным лезвием.

Собака спокойно прыгнула на мраморную доску стола и просунула голову в круглое отверстие. Сердце Реджана невольно застучало быстрее, ладони вспотели. Вальмоск спокойно нажал рычаг. Тяжелый нож молнией скользнул вниз и обрушился лезвием на шею собаки. Послышался тупой удар. Реджану показалось, что голова собаки отделилась от туловища. Но это был обман зрения — ожидаемое он воспринял как действительное. На самом деле собака даже не дрогнула, так как нож не причинил ей никакого вреда. Старик рванул рычаг, нож снова поднялся и снова рухнул вниз, но опять безрезультатно.

— А теперь вместо собаки просуньте в отверстие вот это дубовое полено! — приказал Вальмоск.

Ронги слез со стола и даже не отряхнулся. Реджан просунул в отверстие дубовый кругляш сантиметров двадцать в диаметре. Нож, сверкнув, упал вниз и рассек полено, словно оно было из воска.

— Смотрите дальше! — нетерпеливо прохрипел Вальмоск.

Он схватил собаку и подтащил ее к большому чану. Собака сразу поняла, что от нее требуется. Она прыгнула в чан и свернулась на его дне в клубок. Вальмоск открыл над чаном кран, из которого хлынула какая-то прозрачная жидкость. Резкий запах ее ударил Реджану в нос и заставил его отшатнуться.

— Отойдите в сторону! Это крепкая соляная кислота! — крикнул Вальмоск и, мучительно раскашлявшись, нажал кнопку. В колпаке над чаном засвистел мощный вентилятор и принялся отсасывать ядовитые пары.

Вскоре к чану можно было приблизиться и заглянуть в него. Уровень кислоты быстро поднимался, пока не достиг красной черты. Ронги лежал под ее поверхностью без движения с широко открытыми глазами. Он спокойно смотрел на склонившихся к нему людей.

— Хотите убедиться? — криво усмехнувшись, спросил Вальмоск.

Не дожидаясь ответа, он извлек откуда-то живую белую мышь. Зажав ее длинными металлическими щипцами, он на мгновение погрузил ее в жидкость.

— Смотрите!..

Реджана передернуло от отвращения.

Выпустив кислоту из чана, старик обмыл Ронги каким-то раствором и знаком приказал ему покинуть чан. Дог выпрыгнул из смертельной купели как ни в чем не бывало и улегся в стороне.



— А теперь возьмемся за Флиппа! — сказал Вальмоск. — Он может проделать те же операции, что и Ронги, но не стоит повторяться. На Флиппе мы покажем кое-что иное!

Он взял кота и положил его в большой тигель. Сверху набросал на него множество обломков железа. Затем включил рубильник. Тигель начал быстро нагреваться. Через некоторое время железо в нем расплавилось и закипело. Вальмоск подал Реджану защитные дымчатые очки.

— Смотрите! Смотрите!..

Реджан заглянул в тигель и вздрогнул. В кипящем железе, пышущем в лицо нестерпимым жаром, спокойно кувыркался и плавал гладкий сиамский кот. У него даже усы не загорелись!

Дав Реджану насладиться необычайным зрелищем, Вальмоск выключил рубильник, выпустил жидкий металл в закрытую форму, остудил тигель холодным воздухом и лишь тогда позволил Флиппу из него выскочить.

— Я мог бы вам показать еще целый ряд таких же опытов, Реджан, но думаю, что и эти достаточно убедительны! — заявил потом Вальмоск.

— Да, да, конечно! — поспешно согласился Реджан. — Но я не знаю, в чем вы меня хотите убедить, почтенный профессор!

— Только в одном, Реджан, только в одном! Я хочу вас убедить, что эти животные абсолютно неуязвимы, что они бессмерт-

ны! Их можно бросить в жерло вулкана, на них можно обрушить горы, и они не почувствуют этого! Даже водородная бомба не способна причинить им вред! Они не нуждаются ни в пище, ни в воздухе, ни в тепле! Умрет Земля, погибнет Солнце, распадется в пыль Галактика, а эти двое будут носиться в космическом пространстве такие же, какими вы их видите теперь! Над ними не властны ни случай, ни время, ни стихии! Они бессмертны, и бессмертными их сделал я, профессор Вальмоск!

— Но как вы сумели такое?!

— Как? Хорошо, я расскажу вам об этом...

6

Старик выгнал своих удивительных питомцев обратно в грязную комнату и увел за ними Реджана. Здесь он снова прилег на диван, а гостю указал на единственный стул. В руке у старика снова оказалась хлебная корка, которую он, вероятно, прихватил со стола. Посасывая корку с таким наслаждением, что у Реджана набегал полный рот слюны, Вальмоск принялся излагать:

— Я всю жизнь посвятил этой проблеме, Реджан. Проблема бессмертия! Мне хотелось разгадать тайну не продления жизни, не относительного бессмертия с возможностью случайной гибели, а бессмертия абсолютного, исключающего смерть полностью и навсегда. Как же я рассуждал, подбираясь к этой проблеме? А вот как я рассуждал...

Старик задумчиво почмокал губами и продолжал:

— Человек — фиктивная единица! Он единица лишь в собственном воображении, точнее, в собственном сознании. На самом же деле он неразрывно связан со своей биологической средой, от которой полностью зависит. Смерть заложена в нем самом, ибо смерть — это непреложный закон биосферы, в которой человек развился и в которой живет до сих пор. Чтобы стать единицей фактической, единицей абсолютной, человек должен уничтожить свою зависимость от биосферы, изолироваться от нее! Став абсолютной единицей, человек одновременно обретет и абсолютное бессмертие... Я понятно объясняю, Реджан?

— Понятно, профессор. Об этом, конечно, можно спорить, но... продолжайте!

— Спорить не о чем! Я доказал свою правоту на деле!.. Впрочем, слушайте дальше. Изоляцию я принял как закон бессмертия. Этот закон, в свою очередь, подсказал мне идею скафандра. Каким образом? Очень просто. Человек, желая проникнуть в чужую и опасную среду, давно уже пользуется различными скафандрами. Таковы скафандры подводные, огнеупорные, антирадиационные, космические. Поскольку земная биосфера угрожает человеку неизбежной смертью, ее тоже следует рассматривать как чуждую для человека среду, от которой нужно изолироваться скафандром. Конечно, я понимал, что скафандр бессмертия должен быть неизмеримо сложнее и совершеннее любого иного скафандра. Ведь он должен не только изолировать человека от биосферы, но и служить ему неуязвимой броней. Что и говорить, задача была сложная

и трудная. Однако, уловив правильно принцип, я довел ее до окончательного решения. В конечном счете скафандр абсолютного бессмертия стал не просто внешней оболочкой, которую можно снимать и надевать по желанию, а неким комплексом сложнейшей обработки живого организма. Такая обработка представляет собой необратимый процесс. Объяснять детали я вам не буду — вы все равно ничего не поймете. Скажу лишь, что доступ в организм для внешней среды закрываешь наглухо и навечно. Общение с миром поддерживается только при помощи зрения...

— Значит, Ронги и Флипп...

— Вот именно, Ронги и Флипп стали первыми живыми существами, которые ушли из этой жизни не в тьму небытия, а в абсолютное бессмертие!

7

Реджан был глубоко поражен сообщением Вальмоска. Он даже забыл про терзавший его нестерпимый голод. Еще бы! До еды ли человеку, когда перед ним раскрываются такие изумительные перспективы! Но почему старик, сделав свое гениальное открытие, впал в такую ужасную нищету? Почему, наконец, он сам себя не сделал бессмертным, как Ронги и Флиппа?.. Реджан облизнул пересохшие от волнения губы и спросил:

— А человека вы не пытались еще обработать таким же вот способом, почтеннейший профессор?

— Человека? Для кого же я это делал, если не для человека! Но... впрочем, я уже говорил вам про Эрма Грунзолла Третьего... Когда я разработал план конструкции и составил смету, я понял, что генератор бессмертия поглотит все мое состояние. А я был тогда далеко не бедняк, Реджан! Одними наличными у меня было тридцать пять миллионов суремов! Помимо этого, десяток доходных домов, три имения и собственный приборостроительный завод. Однако рисковать я не хотел. Я связался с Эрмом Грунзоллом Третьим и предложил ему абсолютное бессмертие за пятьсот миллионов. К сожалению, я не мог ему показать ничего, кроме планов и сметы. Эрм согласился, но денег вперед не дал. Сказал, что уплатит тотчас же, как только станет бессмертным. Для меня его слова было достаточно. Я начал строить генератор за свой счет. Он создавался в подzemелье этого дома, еще ниже опытной лаборатории, которую вы видели. У меня было занято пятьсот человек, из них более сотни специалистов. Никто не знал, что и для чего тут строится, но платил я щедро, и все были довольны. Постепенно на постройку ушел весь мой наличный капитал, а потом дома, имения и завод. Когда генератор бессмертия был готов и опробован на Ронги и Флиппе, я стал уже фактически нищим. Тогда я пригласил к себе Эрма и все ему показал. Собака и кот подверглись двадцати пяти различным операциям. Двое суток провел у меня Эрм, вникая во все, а потом он сел на этот стул и сказал: «Нет, Вальмоск, мне такое бессмертие не подходит». Это было тридцать восемь лет назад...

Старик задумался и, казалось, позабыл о присутствии гостя.
— А потом?! Неужели вы ни разу... — начал было Реджан, но старик тотчас же оживился и перебил его:

— Что ни разу? Я тысячи раз пытался привлечь клиентов! Я залезал в долги и давал объявления в газетах! Противно вспоминать! Меня либо считали шарлатаном, либо, ознакомившись с моим принципом бессмертия, наотрез от него отказывались! Люди глупы, Реджан! Они падки на всякие удовольствия, и бессмертие им нужно такое, чтобы вечно есть, пить, любить женщин, болтать, слушать музыку, обонять цветы! А мое бессмертие не дает ничего, кроме вечной жизни, вечного действия, вечного мышления...

— Ну, а почему же вы себя не сделали бессмертным, почтеннейший Вальмоск?

Задав этот вопрос, Реджан так и впился в старика глазами. Вальмоск ответил не сразу. Он задумчиво сосал корку и смотрел куда-то вверх погрузневшими глазами. Потом он заговорил виновато и тихо:

— Вы имеете право знать правду, Реджан. Я не мог заставить себя принять абсолютное бессмертие. Это предрассудок, но это сильнее меня. Я люблю жизнь со всеми ее радостями и наслаждениями. Приняв абсолютное биологическое бессмертие, я лишил бы себя всего этого... Если вы тоже...

— Нет, нет! — поспешно вскричал Реджан. — Я не видел от жизни никаких радостей! Я готов! Но, профессор... Если уж на то пошло... Впрочем, какие тут оговорки! Вы ведь, наверное, не просто так, не ради моих прекрасных глаз подарите мне бессмертие?! У вас, наверное, есть условия!..

— Да, Реджан, у меня есть условия. Вы вернете мне то, что я израсходовал на постройку генератора. Пятьсот миллионов суремов — вот цена того ломтика сыра, который вы у меня съели!

— Пятьсот миллионов?! Но где же я возьму их?!

— Бессмертному все доступно. Все сокровища мира будут ваши! Вы сможете доставать их со дна океана или спускаться за ними в жерла вулканов! Об этом не беспокойтесь, я научу вас, где и как доставать золото!

— В таком случае я готов, Вальмоск!

— Отлично! Время для нас дорого. Идемте!..

8

Прошла неделя, и Реджан снова сидит на ободранном стуле в комнате Вальмоска. Старик только что привел его из подземелья, где он ровно семь дней находился в генераторе бессмертия. Об этом времени у Реджана не осталось никаких воспоминаний — сознание его было отключено. Когда он возвращался через залу, где испытывали животных, его пошатывало. Вспоминался плававший в расплавленном железе Флипп, и от этого воспоминания его всего передернуло.

Добравшись до стула, он тяжело на него рухнул. Голова Реджана была полна каких-то шумов, но это были внутренние шумы, вызванные резкой перестройкой всего организма. Сердце

его болезненно сжималось, все внутренности горели огнем. Ему хотелось кричать, стонать, но рот его был запечатан накрепко и навечно.

Старик взял лист бумаги и, набросав на нем несколько слов, поднес его к глазам Реджана. Буквы расплывались, прыгали, но Реджан все-таки прочел:

— Как вы себя чувствуете, дружище?

Сжав карандаш непослушными пальцами, он ответил:

— Плохо! Наверно, умру!

Вальмоск, в свою очередь, написал:

— Мужайтесь! Это естественная реакция. Ронги и Флиппу тоже было плохо сразу после выхода из генератора. Но это быстро прошло! Ощущаете ли вы какую-нибудь потребность? Голод, жажду?

Реджан ответил:

— Не знаю. Наверное, я слаб от голода. Ведь я ничего не ел перед операцией, кроме кусочка сыра!

Вальмоск возразил:

— Голод тут ни при чем. Генератор привел ваш организм в полное равновесие: убрал лишнее, добавил недостающее. Со временем энергии у вас будет прибывать за счет ненужных органов. Мозг и нервная система укрепятся и приобретут стабильность. Ваше мышление достигнет необыкновенной ясности и четкости! А пока нужно потерпеть! Помните, что у вас в запасе вечность и что вам ничто уже не может угрожать!

Реджан настаивал на своем:

— Мне плохо, старик! Я хочу прилечь! Уступите мне свой диван!

— Ложитесь на пол! — ответил Вальмоск. — Для вас теперь все равно где лежать — что на перине, что на булыжниках!

Реджан сполз со стула и растянулся на полу. Глаза его не закрывались и не мигали. Но все вокруг ему виделось расплывчатым, искривленным, словно сквозь текущую воду. К нему подошел Ронги и взглянул ему в лицо. Взгляд собаки был умным и печальным. Реджану даже почудилось в нем настоящее человеческое сострадание. С трудом подняв руку, он погладил дога по голове и мысленно произнес:

— Вот и я стал таким же, как ты, Ронги! Что нас ожидает в будущем?..

Пес отошел и лег на свое место у дивана.

На Реджана надвинулось странное забытие. Он все видел, но перестал сознать окружающее. На него наплывали бредовые образы, чередуясь с черными провалами полного беспамястства. Он метался, словно в горячке, потрясал кулаками, стучал головой об пол. Вальмоск не знал, что с ним делать. Помочь ему ничем он не мог. Наконец, схватив из кучи в углу охапку старого тряпья, он накинул его на Реджана. Через несколько минут Реджан успокоился и погрузился в глубокий сон.

Измученный старик улегся на диван и закутался в свое резиновое пальто. Он снова сосал корку и с беспокойством наблюдал за Реджаном. Когда Реджан замер в полной неподвижности, старик толкнул рукой собаку и плаксиво спросил:

— Неужели не вынесет? Неужели зря? Эх, Ронги, Ронги, Ронги, почему мы с тобой такие несчастные?!

Дог в ответ даже не стукнул об пол хвостом. Его взгляд был полон глубокого безразличия...

9

Реджан проснулся через пять часов. Первое, что он воспринял сознанием, была глубочайшая тишина и непроницаемая тьма. Но в теле он чувствовал необыкновенную легкость — казалось, оттолкнись — и пари в воздухе, как птица. Темноту он приписал ночи и поэтому не испугался ее. Однако лежать без движения не хотелось. Он вскочил на ноги, тряпки с его головы упали, в глаза ударил желтый свет пыльной люстры. Он увидел себя в комнате Вальмоска и разом все вспомнил.

Старик на диване спал. Реджан подошел к нему и бесцеремонно растолкал. Он увидел, как глаза Вальмоска раскрылись, а губы быстро зашевелились, произнося какие-то слова.

«Надо научиться понимать речь по движению губ», — подумал Реджан и, разыскав бумагу и карандаш, размашисто написал:

— Самочувствие отличное! Хочу убедиться в своей неуязвимости, а затем приступить к работе! Вставайте, почтеннейший Вальмоск!

Старик прочел написанное, удовлетворенно закивал и торопливо написал ответ:

— Поздравляю с бессмертием, Дориэль Реджан! Вы увидите необыкновенные вещи! Вы прославите мое имя во всей вселенной! Через миллиарды лет вы станете властелином вселенной! А пока, если хотите убедиться в своей неуязвимости, идемте в лабораторию!..

Они прошли в соседнюю залу, и здесь профессор стал указывать Реджану поочередно на все аппараты. От гильотины Реджан отказался, от чана с соляной кислотой тоже. На тигель он ответил утвердительным кивком. Вальмоск выколотил из формы слиток металла, положил его в тигель и включил рубильник. Реджан, не отрываясь, смотрел, как в тигле накаляется и плавится железо.

Когда металл закипел, пузырясь и разбрызгивая огненные искры, Реджан стал осторожно подносить к нему руку. Ни малейшего жара он не ощущал. Все ближе, ближе ослепительная клокощущая поверхность. Вот рука коснулась ее. Ничего — ни боли, ни тепла, лишь чуть заметное сопротивление жидкости. Тогда Реджан окунул в кипящий металл обе руки и принялся их полоскать, словно это была обыкновенная вода.

Сияя от восторга, он отряхнул потом руки, так что взметнулся каскад ослепительных брызг, и бросился к Вальмоску, желая его обнять. Но старик в ужасе от него отшатнулся, указывая на его руки. Реджан понял, что чуть не нанес старику серьезные ожоги. Желая, однако, поскорее высказаться и поделиться своими ощущениями, он взял карандаш и бумагу, но те вспыхнули у него в руках и моментально сгорели. Вальмоск укоризненно покачал головой, принес новую бумагу с огрызком карандаша и написал:

— Не сходите с ума, Реджан! Поверхность ваших рук раскалена до тысячи градусов! Охладите руки водой, прежде чем к чему-либо прикасаться! Иначе вы подожжете дом!

Реджан прочел эти строки и сейчас же направился к сосуду с водой. Когда он погрузил руки в воду, из сосуда рванулся вверх целый столб пара. Охладив руки и удостоверившись, что они больше не жгут, Реджан взял у Вальмоска карандаш:

— Могу ли я ослепнуть от слишком яркого света?

— Нет, — ответил Вальмоск. — Как вы сами видели, Флипп купался в расплавленном металле, и зрение его от этого ни сколько не пострадало. Запомните: даже свет сверхгорячих звезд не в силах вас ослепить!

— Хорошо, профессор, я верю вам.

— Хотите еще подвергнуть себя испытаниям? У меня есть пресс в тысячу атмосфер. Отличная штука! Или, если угодно, вакуумная камера!

— Нет, довольно. Я хочу теперь работать. Научите меня, где взять золото. Я хочу с вами рассчитаться, Вальмоск. Я хочу поскорее отдать вам ваши пятьсот миллионов за ваш ломтик сыра!

— Слава всевышнему! Кончились мои муки мученические!.. Идите к столу, Реджан, я должен вам дать подробные указания!

Они вернулись в комнату. Вальмоск расчистил на столе место и принялся писать руководство по добыче золота, а Реджан занялся пока Флиппом и Ронги. Его очень интересовало, узнают в нем звери себе подобного или не узнают...

10

В последующие недели Реджан с увлечением выполнял инструкцию Вальмоска. Начали с самого простого: с золота, затонувшего вместе с кораблями в недоступных глубинах.

Реджану нравилось бродить по морскому дну в таких чудовищных безднах, куда не достигали еще даже самые совершенные батискафы. Перед ним раскрывался сказочный мир невиданных доселе животных, сохранившихся без изменения миллионы лет под многокилометровой толщей воды, в царстве вечного мрака и вечной тишины.

Он бродил под трассами старых морских путей в поисках затонувших сокровищ и находил их в несметном количестве. Кое-что для начала он насыпал к себе в железный ящик и выносил на берег, но за главными грузами Вальмоск снарядил потом судно, которое рейс за рейсом отвозило тонны добытого Реджаном золота.

В каждое плавание Вальмоск отправлялся лично и зорко следил за тем, чтобы никто из команды не разгадал цели его предприятия. Лебедка опускала под воду литую батисферу с завинчивающейся крышкой. Стальные тросы достигали порой длины десяти километров. Иногда они обрывались, и тогда, к удивлению матросов, оборвавшийся конец травили под воду со специальным грузилом; концы троса каким-то чудом сами находили друг друга и соединялись в неведомой глубине проч-

ными зажимами, а потерянная батисфера поднималась на палубу. Ее разгрузку в трюме совершали двое доверенных людей Вальмоска.

Последний месяц Реджан вообще не выходил на поверхность. Работа под водой несколько не утомляла его. Она казалась ему забавой. В промежутках между рейсами он всячески развлекался, наслаждаясь своей полной неуязвимостью. Перед его подвигами бледнели все измышления досужих фантастов, все мифы и легенды о чудо-богатырях и титанах древности. А для него это были не подвиги, а просто шалости от нечего делать.



Он вступал в единоборство с гигантскими кальмарами неслыханных и невиданных размеров и всегда, поиграв с ними, убивал их медленно, но верно, с помощью обыкновенного кинжала. Однажды он умышленно позволил проглотить себя чудовищной рыбе с тысячеzubой пастью, а потом вспорол ей брюхо и вышел из нее невредимым. Вокруг него в полном молчании происходила беспощадная борьба: одни чудовища пожирали других и сами тут же становились жертвой еще более ужасных созданий. Один Реджан был вне этой извечной борьбы и чувствовал себя неограниченным властелином океана.

Когда при одном из очередных спусков батисфера принесла в глубину прикрепленный к крюку небольшой якорь — условный знак о прекращении работы, — Реджан почувствовал досаду и раздражение. Ему не хотелось покидать подводное царство, которое своим молчанием было очень сродни его собственному вечному молчанию. Однако он не хотел пока порывать с Вальмоском, так как у него было еще на суше немало собственных дел. Подавив в себе досаду, он вошел в батисферу и задрал изнутри крышку люка.

На сей раз батисферу в трюме не вскрывали. Вальмоск приказал взять курс к порту. Судно развернулось и направилось к родным берегам. В океане разыгрались осенние штормы. Работы у команды было по горло. Про загадочную батисферу забыли. Сам Вальмоск пластом лежал у себя в каюте, страдая от жестокого приступа морской болезни.

По прибытии в порт Вальмоск распорядился разгрузкой судна, щедро расплатился с командой и лишь тогда спустился в трюм, где, заключенный в батисферу, томился Реджан. С трудом отвинтив тяжелую крышку, старик осветил внутренность батисферы карманным фонариком и помог Реджану выбраться.

На бессмертном не было никакой одежды, лишь пояс с кинжалом в ножнах и футляр с электрическим фонарем. Но ему это не мешало — холода он все равно не ощущал. Вальмоск провел его к себе в каюту, где для него было приготовлено отличное платье, соответствовавшее сезону и моде. Реджан быстро оделся и подсел к столу, на котором лежали бумаги и карандаш.

— Какова дальнейшая программа, Вальмоск? — размашисто написал он.

— Пока никакой, — ответил профессор. — Я займусь восстановлением дома, а вы отдыхайте. Позже мы предпримем путешествие в земные недра. Это будет поинтереснее морских глубин, Реджан!

— Хорошо, — согласился бессмертный. — Занимайтесь своим делом. Я тоже займусь своими делами. Мне пора уже навестить и устроить семью. Сколько вы можете ассигновать на мои нужды, Вальмоск?

— Сколько угодно, дорогой Реджан! Десять миллионов вас пока устроят?

— Устроят. Пока. Пишите чек!..

11

Три месяца прошло с тех пор, как Реджан покинул свою семью. За это время он не подал о себе ни единой весточки. Биолия кое-как перебивалась на случайных заработках, смотрела за маленьким двухлетним Аркифом и терпеливо ждала возвращения мужа. Она знала его характер и понимала, что он не даст о себе знать, пока чего-нибудь не добьется.

Однажды ночью Биолия проснулась от стука в дверь. Вскочив с постели, она в одной рубашке бросилась к двери и спросила:

— Кто там?

Никто не ответил, но стук повторился, сначала просто, а потом в темпе «Марша трубадуров», который так любил насвистывать Реджан. Сердце Биолии сразу почувствовало, кто это стучит, и затрепетало от радости.

Повернув ключ и сняв цепочку, Биолия распахнула дверь. На пороге стоял Дориэль Реджан. Но ее ли это Дориэль? Откуда на нем такая богатая, дорогая одежда?! Впрочем, при чем тут одежда! Конечно, это ее родной Дор! Это его прекрасное мужественное лицо, его спокойные любящие глаза!..

— Милый! — тихо простонала Биолия и бросилась на грудь мужу.

Реджан подхватил ее на руки и внес в комнату, прихлопнув за собой дверь ногой.

С минуту он стоял посреди комнаты, держа жену на руках и глядя на нее каким-то странным и нежным и вместе с тем грустным взглядом. Потом, так и не поцеловав ее, хотя она именно этого ждала, он бережно опустил ее на кровать, а сам по-прежнему молча присел к столу, вынул блокнот, авторучку и принялся что-то писать.

— Дор, что с тобой?.. — с мольбой прошептала Биолия, испуганная непонятым молчанием мужа.

Вместо ответа Реджан протянул ей блокнот. Биолия с недоумением взяла его и прочла следующие строки:

— Не пугайся, Оли! Все хорошо! Я стал богат, как Крез, но за это потерял способность говорить и слышать. Я сделал это ради того, чтобы ты и Арик никогда ни в чем не нуждались. Напиши, как твоё здоровье, как наш малыш?

Он подал ей авторучку, знаками приглашая ее писать. Но Биолия вскрикнула, уронила блокнот на пол и бросилась к мужу. Она стала с лихорадочной горячностью ощупывать его, гладить его по лицу, рукам, иступленно целовать его, заливаясь слезами. Вскоре она заметила, что руки и лицо его холодны как лед. В сердце ее шевельнулась страшная догадка. Она вдруг рывком распахнула на нем пальто и припала ухом к его груди, к тому месту, где должно было биться его сердце. Но грудь его была неподвижна, без малейшего признака дыхания, а сердце молчало, словно его и не было.

— Ты мертв! Ты призрак! — крикнула Биолия и, отпрянув от мужа, забилась в угол кровати. Глаза ее расширились, наполнились диким, суеверным ужасом.

Проснувшись в своей постельке и громко заплакал маленький Арик. Биолия метнулась к нему и, прижав его к груди, снова укрылась в своем углу. Она громко выкрикивала молитвы и какие-то бессвязные заклинания.

Реджан молча смотрел на нее, и взгляд его был полон грусти, недоумения и горечи. Несколько мгновений он стоял в нерешительности, с беспомощно опущенными руками. Он понял причину ее ужаса и сначала совершенно растерялся, так как не ожидал ничего подобного. Но вот он поднял с пола блокнот, снова присел к столу и долго что-то писал.

Биолия тем временем несколько успокоилась. Призрак мужа был все-таки слишком материален, глаза его были слишком живы и по-земному добры. Нет, Дор не причинит ей вреда! Дор любит ее, он любит Арика! Поэтому, когда Реджан вновь подал ей блокнот с густо написанным листом, она с жадностью схватила его, уверенная, что узнает, наконец, всю правду.

И она узнала правду.

И тогда снова были слезы, снова Биолия гладила лицо мужа, снова целовала его. Потом она поднесла к нему сына. Мальчик узнал отца и потянулся к нему ручонками, но Реджан не посмел его приласкать, боясь, что ребенок испугается его ледяных прикосновений.

Наконец Биолия схватила карандаш и написала такие слова:

— Мне ничего не надо, милый! Пусть мы будем нищими, пусть мы будем голодными, только будь таким, как раньше. Отдай своему профессору все, но пусть он вернет тебе твой прежний облик, твою прежнюю жизнь!

Реджан горестно покачал головой и ответил:

— Оли, это невозможно! Когда я согласился на операцию, я думал только о тебе и нашем мальчике. Я думал только о том, чтобы вырвать вас из этой проклятой нищеты! А теперь уже поздно! Но ты не отчаивайся, я все равно люблю тебя, только тебя одну, и никого больше! Я буду приходить к тебе! А потом, когда рассчитаюсь с Вальмоском, я останусь с вами навсегда!

Он писал все это совершенно искренне, сам еще не понимая, что уже не сможет быть для Биолии мужем, не сможет любить ее. А она это уже поняла и поэтому плакала безутешно, словно он в самом деле умер. Для нее он стал просто дорогим призраком, холодным, недоступным и далеким. В этом убедили ее



прикосновение его холодных рук, его гробовое молчание, его каменная, бездыханная грудь, в которой она не могла уловить биение его сердца...

12

О доме Вальмоска снова заговорили. Развалина, которую муниципалитет уже занес в списки строений, подлежащих сносу, неожиданно преобразилась.

Всю зиму во двор свозили строительный материал и возводили леса. Весной начался капитальный ремонт, и в самый разгар лета леса убрали, и дом засверкал, как сказочный дворец. Старик Вальмоск, перебравшийся на время ремонта в лучшую гостиницу города, торжественно отметил свое вселение в обновленный дом. На званом обеде присутствовали многие видные горожане и сановники, среди них и Эрм Грунзолл Пятый, самый богатый человек в мире.

Шеренги отлично вышколенных лакеев подавали на серебре и золоте изысканно приготовленные яства, дорогие вина искрились в хрустальных бокалах.

Профессора Вальмоска трудно было узнать. Он преобразился не менее чудесно, чем его дом: лицо его разгладилось и сияло довольством; он был острижен по последней моде, гладко выбрит и надушен самыми тонкими духами; черный фрак и белоснежная манишка делали его изящным и ловким; на руках его сверкали перстни с бриллиантами.

Открывая торжественный обед, Вальмоск произнес короткую речь, полную загадочных намеков. Он говорил о божественном провидении, которое помогло ему вырваться из полосы неудач и вернуться в высший свет, где он прежде занимал далеко не последнее место. Он вспомнил о дружбе с Эрмом Грунзоллом Третьим и в связи с этим произнес таинственную фразу о том, что прощает дому Грунзоллов старый долг чести, который с процентами достиг к настоящему времени семисот миллионов суремов. Гости были удивлены, а Эрм Грунзолл Пятый, сидевший на почетном месте справа от хозяина, презрительно усмехнулся и, наклонившись к своей соседке баронессе Мильгуасс, сказал довольно громко:

— Наш любезный хозяин, видимо, ошалел от радости. О прошлом у него сохранились весьма туманные представления!

Баронесса хихикнула, а Вальмоск покраснел и скомкал конец своей речи...

Во время десерта и кофе, которые подавались в голубой гостиной и курительном салоне, гости, разбившиеся на отдельные группы, оживленно обсуждали этот прощенный долг в семьсот миллионов и замечание Эрма Грунзолла Пятого. Самая большая группа собралась вокруг престарелого Висторма, бывшего полвека назад мэром города. Этот девяностолетний крепыш во всеуслышание разглагольствовал о неудачной торговле бессмертием, на которой Вальмоск когда-то давно вылетел в трубу.

— Я ставлю десять миллионов против одного, что Вальмоску удалось-таки всучить свое идиотское бессмертие какому-нибудь доверчивому простаку-иностранцу! — пищал Висторм, брызгая слюной.

Бессмертие, бессмертие, бессмертие... Кто-то что-то слышал об этом, кто-то где-то читал... Висторму поддакивали, но общее мнение склонялось к тому, что Вальмоск просто получил наследство.

Однако, несмотря на это недоразумение, прием прошел благополучно, если не считать странного эпизода, происшедшего под самый занавес.

Откуда ни возьмись среди гостей появился странный тип, которого никто не знал. Это был прекрасно сложенный молодой человек, одетый безукоризненно, но поведением своим смутивший очень многих. Дворецкий не докладывал о его приходе. Он явился об руку с хозяином, медленно прошел по всем залам, с нескрываемым любопытством осмотрел гостей и, не сказав ни слова, никому не поклонившись, скрылся неизвестно куда.

Когда Вальмоск, проводив странного незнакомца, вернулся к обществу, дамы окружили его и принялись наперебой расспрашивать о «прекрасном немом». Вальмоск пожимал плечами, щелкал перстнями, расточал улыбки, но толкового ответа так и не дал. Лишь Висторму он ответил более-менее правдиво. Бывший мэр оттащил его в сторону и спросил напрямик:

— Это человек, купивший у вас бессмертие, Вальмоск?

Взяв Висторма доверительно под руку, профессор вполголоса ответил:

— Да, старина, это несчастный, который никогда не умрет. Это единственный из людей, который переживет и Землю, и Солнце, и Галактику, и даже самого господ бога!

— Во сколько же это обошлось?

— Мне это обошлось в один ломтик сыра!..

Висторм выпучил глаза и поспешно отошел от Вальмоска.

13

Когда гости разъехались, а слуги, наскоро прибрав залы, удалились на покой, Вальмоск спустился в подzemелье дома, в комнату, которую он недавно занимал сам и в которой теперь обитали Реджан, Ронги и Флипп. Обновление дома не коснулось этого глубокого подвала. Здесь все было по-прежнему: грязь, запустение и полная тишина.

Реджан сидел на диване, закрыв лицо ладонями. Ронги лежал на своем месте и пристально смотрел на пыльную люстру; Флипп по своему обыкновению прятался в темном углу, за кучей тряпья.

Входя в комнату, Вальмоск хлопнул дверью. Люстра чуть заметно дрогнула. Ронги отвел от нее взгляд и посмотрел на хозяина. Реджан даже не пошевелился. Он был все еще в вечернем костюме, в котором недавно приходил поглядеть на гостей Вальмоска. Профессор брезгливо оттолкнул ногой собаку и, схватив Реджана за волосы, резким движением запрокинул его голову. Реджан спокойно глянул на Вальмоска и легким кивком дал понять, что принял его приход к сведению.

Тогда Вальмоск заговорил, старательно двигая губами:

— Дориэль, слушайте меня внимательно! Вы два месяца про-

вели на дне океана, три месяца в недрах земли и добыли за это время сказочные сокровища. Вы вернули мне в сто раз больше, чем я вложил в генератор абсолютного бессмертия! Что вы намерены делать дальше?

Бессмертный внимательно следил за губами старика. Он понял каждое произнесенное им слово. Вынув из кармана блокнот с золотым обрезом и дорогую авторучку, он написал на чистом листе:

— Я не знаю, Вальмоск, чем мне заняться. С вами я рассчитался сторицей, семью обеспечил. Жена и сын живут в собственной вилле и имеют отличный постоянный доход с капитала, который я положил в банк на их имя. У меня были враги, которых я ненавидел и хотел уничтожить. Теперь я могу это сделать, но у меня пропала охота заниматься врагами. Вальмоск, мне все доступно, но мне ничего не нужно! Когда я был на дне океана, мне нравилось там и казалось, что я смогу провести там многие тысячелетия. А в недрах земли, в причудливом кипении огненной лавы, мне даже миллионы лет не представлялись страшными. Но теперь мне и это кажется утомительно однообразным и недостойным внимания.

Вальмоск на это сказал:

— Равнодушие — это единственная болезнь бессмертного. Гоните его от себя, Дориэль! Разнообразие развлечений для вас неисчерпаемо. Вы можете прочесть все книги, написанные людьми, — у вас хватит на это времени! Вы можете осмотреть все культурные сокровищницы мира и даже сделать их своей собственностью! Более того, вы можете сами стать писателем, художником, скульптором — у вас достанет времени развить в себе любой из талантов! Или займитесь науками и станьте самым ученым, самым мудрым из людей! А если вам хочется почестей, славы, неограниченной власти, вам и это вполне доступно. За двести-триста лет вы можете исподволь выдвинуться и сделаться бессменным, вечным правителем! Словом, займитесь чем угодно, только не предавайтесь меланхолии, безразличию, скуке!

Реджан написал:

— Зачем мне все это, Вальмоск? Я чувствую, как во мне угасают желания. Люди не интересуют меня, и заботы людей мне чужды. Вот я сижу и думаю: кто я? Жив я или мертв? Может быть, права Биолия, которая считает меня призраком? Ведь живым принято называть того, кто двигается от рождения к смерти и стремится за это короткое время сделать как можно больше. Я родился, но я никогда не умру, мне не нужно спешить! Значит, меня нельзя считать живым! Только мертвые пребывают в состоянии абсолютного постоянства. Но я и не мертвый! Я хожу среди живых, я двигаюсь, я мыслю, я чувствую, я вижу окружающий мир, я могу совершать поступки и переделывать этот окружающий мир по вкусу! Кто же я?.. Молчите! Вы тоже ничего не знаете! Вы создали бессмертие, но даже отдаленно не представляете себе, что это такое!.. Знаете, Вальмоск, о чем я вспоминаю? Вы думаете, о прежней жизни, о похождениях под водой и под землей? Нет, вспоминаю вкус сыра, который съел у вас, прежде чем стать бессмертным! Это было последнее и самое яркое впечатление моей смертной жизни, и оно оста-

лось во мне навсегда, чтобы преследовать меня бесконечно миллиарды лет!.. В настоящую минуту я без колебаний отдал бы бессмертие за возможность съесть кусочек сыру!.. Молчите! Ваш генератор несовершенен! Давая бессмертие, он должен одновременно убивать память о прошлой, то есть вынимать из человека его человеческую сущность... Впрочем, теперь уже все равно. Для себя, Вальмоск, я ничего не хочу, но для вас я мог бы еще кое-что сделать. Меня удивляет и забавляет ваша жадность и ваша страсть к обыкновенной жизни, которой у вас осталось не более десяти-пятнадцати лет. Вам нужны богатства, власть, слава! Хотите, я отберу у Эрма Грунзолла Пятого его идиотские миллиарды и отдам их вам?

Вальмоск подумал:

«Пусть занимается чем угодно, лишь бы не предавался скуке. Эта скука может смениться приступом бешенства, и тогда он натворит такое, что и сам не рад будет. А человечество немного потеряет, если дом Грунзоллов перестанет существовать...»

Вслух он сказал:

— Отлично, Дориэль! Эрм Грунзолл Пятый позволил себе на сегодняшнем банкете довольно грубое замечание на мой счет. Его стоит проучить. Действуйте!..

14

Высокое общественное положение несет с собой много неприятных обязанностей. Вальмоск завертелся как белка в колесе: визиты, приемы, встречи, деловые разговоры. За всей этой сумятицей он на время забыл о новом задании, которое взял на себя Реджан. Вспомнил лишь через месяц и, ужаснувшись своей беспечности, поспешно позвонил своему поверенному в делах:

— Каково положение дома Грунзоллов? Не слышать ли чего?

— А что должно быть слышно, ваша честь? — с любопытством переспросил поверенный.

— Да ничего определенного, я вообще спрашиваю...

— Если вообще, то пока ничего не слышно. Дом Грунзоллов стабилен, как никогда!

— Благодарю вас!

Вальмоск повесил трубку и бросился по коридорам и лестницам в подzemелье.

Когда он вошел в «убежище бессмертных» (так он теперь называл свое прежнее жилище), он опять увидел Реджана сидящим на диване. Бессмертный смотрел прямо перед собой в одну точку и о чем-то размышлял. На коленях у него на сей раз примостился кот Флипп, а красавец Ронги по-прежнему лежал у ног.

При появлении Вальмоска группа бессмертных даже не пошевелилась. Вальмоск несколько раз с силой тряхнул Реджана за волосы и тут же чихнул от столбом поднявшейся пыли. Реджан с трудом очнулся и вопросительно глянул на профессора.

— Почему вы до сих пор не отправились выполнять свое обещание, Реджан?! — заорал старик, неистово двигая губами.

Реджан пожал плечами. В глазах его было совершенно искреннее недоумение.

— Да отвечайте же, черт вас побери! Где ваш блокнот, где авторучка?!

Он сам выхватил из кармана Реджана письменные принадлежности и сунул ему в руки. Реджан взял их и написал:

— Вы сердитесь, профессор?

— Вы еще спрашиваете?! Почему вы до сих пор не отправились приводить в исполнение приговор, который сами вынесли Эрму Грунзоллу Пятому?! В какое положение вы меня ставите перед светом? Я уже предсказал падение дома Грунзоллов! Уже месяц назад предсказал! Вы хотите, чтобы я прослыл лжецом и хвастуном?! Что вы тут делали целый месяц?

— Я не знал, что уже прошел целый месяц, — спокойно написал Реджан. — Я думал, что вы ушли полчаса назад! Как, однако, быстро летит время, Вальмоск. Вы удивили меня. Так ведь недолго прозевать и всю вечность... Но не волнуйтесь, вам вредно в вашем возрасте. Сегодня я обязательно займусь Грунзоллом. Он лопнет, как мыльный пузырь, так что треск пойдет по всем биржам мира! В океане, Вальмоск, я убивал гигантских кальмаров. А помните вулкан, через который я проник под землю. Он бездействовал пятьсот лет. А я разбудил его, и он до сих пор беснуется и клокочет... Так и людей... Я могу раздавать троны, как мелкую монету. Но могу и давить промышленных королей, как тараканов... Ступайте, Вальмоск, не мешайте мне готовиться к выступлению! Ничего, что прошел месяц. Сегодня я наверстаю упущенное время.

— Хорошо, Дориэль, я верю вам, — сказал Вальмоск, прочитав эти строки. — Я верю, что вы выполните свое обещание и спасете мою репутацию. Чтобы не стеснять вас своим присутствием, я отправляюсь путешествовать. Надеюсь, к моему возвращению Эрм Грунзолл Пятый будет повален, а его миллиарды станут миллиардами Вальмоска. Я приду через полгода, Дориэль. Желаю вам успеха!

15

Будучи уверен, что на сей раз Дориэль возьмется за дело основательно, профессор Вальмоск в тот же день отправился путешествовать. Благо, собираться ему было недолго: поднял трубку телефона, заказал каюту в трансатлантическом лайнере, сунул в карман чековую книжку и — в путь!

Дворецкому своему он велел временно рассчитать лишних слуг и никого постороннего в дом не пускать. Поверенному приказал зорко следить за положением дел Эрма Грунзолла Пятого...

Вальмоск исколесил весь мир, развлекаясь в полное свое удовольствие. Ровно через полгода он вернулся домой. Теперь ему не нужно было запрашивать поверенного. Он и без того знал из газет, что положение дома Грунзоллов не только не пошатнулось, но, напротив, укрепилось на несколько новых миллиардов.



Предчувствуя недоброе, Вальмоск отправился сначала к жене Реджана. Он застал молодую женщину в глубоком трауре. Описав ей подробно состояние бессмертного, Вальмоск сказал:

— Вы должны помочь мне расшевелить его, Биолия. Он должен чем-нибудь заниматься. Его депрессия таит в себе грозную опасность! Когда-нибудь он поднимется и совершит ужасное! Это может закончиться всемирной катастрофой!

Биолия подумала и ответила так:

— Профессор Вальмоск, я считаю вас убийцей моего мужа. Я ненавижу вас! Но я все же помогу вам. Не ради вас, а ради моего сына, ради всех людей.

Вальмоск сдержанно поклонился и повел Биолию к машине.

Сердце молодой женщины болезненно сжалось, когда она очутилась в мрачных подвалах Вальмоска. У нее было такое чувство, словно она всходит в могильный склеп. Вальмоск отмыкал дверь за дверью и, наконец, привел Биолию к «убежищу бессмертных».

В комнате было темно. Все лампочки в люстре, вероятно, перегорели. Профессор вынул сильный ручной фонарь и осветил им внутренность комнаты. Биолия вскрикнула, увидев группу бессмертных. Они сидели в тех же позах, в каких Вальмоск оставил их полгода назад, но грязь, пауки и мыши преобразили их до неузнаваемости.

Лицо, волосы, одежда Реджана были покрыты слоем пыли. Между грудью и телом Флиппа повисла густая сетка паутины. На спине Ронги свили себе гнездо мыши.

Глаза Реджана были раскрыты, но на них тоже лежала серая пыль. На свет они явно не реагировали. Вальмоск вынул платок и стер пыль с лица Реджана, словно это был не человек, а каменная статуя. Бессмертный оставался неподвижен, как изваяние.

Вальмоск долго раскачивал голову Реджана и светил ему в глаза фонарем, прежде чем тот стряхнул с себя оцепенение и сознательно посмотрел на пришедших. Он сразу узнал Биолию. Но это не вызвало в нем ни малейшего оживления. Медленными движениями он нашарил в кармане блокнот и авторучку. Чернила в авторучке высохли, Реджан бросил ее на пол и достал карандаш. Жестом приказав Вальмоску светить хорошенько, он написал следующее:

— Дорогая Оли, зачем ты пришла? Тебя привел этот сумасшедший старик, да? Не связывайся с ним!.. А вы, Вальмоск, не беспокойте меня понапрасну! Придет время, я сам позову вас. Эрм Грунзолл осужден на смерть. Разве вам этого мало? Умрет Грунзолл, умрете вы! Бросьте дурить! Вам ничего больше не нужно!

Биолия прочтала написанное и своим нервным мелким почерком набросала ответ:

— Дор, милый, опомнись! Того, что случилось, не вернешь, но зачем ты бросил меня и Арика? Почему я должна носить траур при живом муже? Идем со мной, Дор! Тебя ждет сын! Ты отец, ты должен помочь мне воспитать Аркифа! Встряхнись, Дор! Ты ведь живой, ты можешь жить добрыми делами, а этого достаточно, чтобы не потерять вкус к жизни!

Но горячее воззвание Биолии оставило Реджана равнодушным. Его ответ был коротким и категорическим:

— Мне ничего не нужно, Оли. Желания во мне иссякли. Но я не хочу наблюдать, как состаришься и умрешь ты, как состарится и умрет мой сын! Я не хочу бродить по земле среди сплошного кладбища! Кого мне любить? Все умрут! Все! Прощай, Биолия! Прощайте, Вальмоск!

Профессор направил луч фонаря на свое лицо и отчетливо произнес:

— Мы больше с вами не увидимся, Доризель. Извинитесь за меня перед далекими потомками, когда они обнаружат вас здесь через тысячу или через десять тысяч лет! Я убедился, что бессмертие человеку не нужно. Прощайте, Доризель. Не оставляйте своих товарищей по бессмертию, Ронги и Флиппа. Они скрасят вам не одно тысячелетие, когда вам надоест дремать в подземелье и вы отправитесь бродить по нашему столь неустойчивому, но все же прекрасному миру. На то будущее время желаю вам доброго настроения и благих помыслов. А по-

ка приятных вам грез, Дориэль Реджан! Приятных грез и легкой скуки!..

Реджан внимательно слушал эти слова, но в ответ на них лишь заметно кивнул. Вальмоск стер еще пыль с Ронги и Флиппа и попрощался с ними, грустно заглянув в их широко раскрытые глаза, полные глубочайшего безразличия ко всему на свете. После этого он покинул подземелье, уводя с собой истерически рыдающую Биолию.

Вскоре Вальмоск приказал наглухо замуровать все входы в подземелье, в котором остался похоронен генератор бессмертия, а вместе с ним Дориэль Реджан, Ронги и Флипп.

На земле о них никто больше не слыхал.

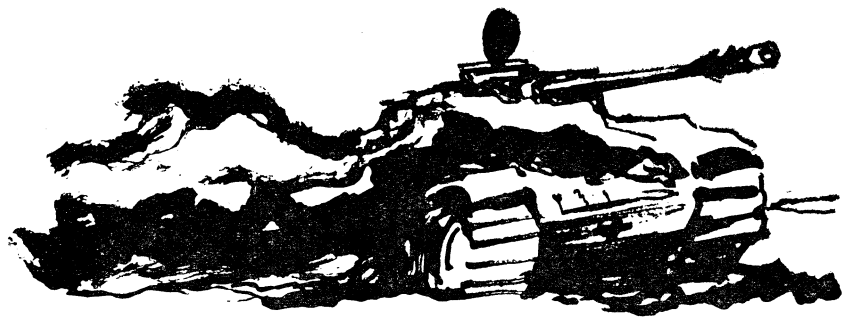




Борис СМАГИН

ПРОСЕЛКИ ФРОНТОВОГО ПОДМОСКОВЬЯ

Документальный рассказ



В битве за Москву впервые в истории военного инженерного искусства навстречу гитлеровским танкам, рвавшимся к столице, вышли ОЗ — отряды заграждений. Наряду с другими частями там были бойцы особой чекистской бригады — студенты института физкультуры, рабочие, инженеры, врачи. Бои под Москвой стали их первым боевым крещением.

Герои этого рассказа носили другие фамилии. Иных из них нет уже в живых... Но все, что здесь рассказано, было.

Это было так...

...Рука в желтой перчатке небрежно прошла по карте.

— По сути дела, я предлагаю вам прогулку! Ленинградское шоссе — прекрасная дорога. Разведка сообщила, что минирование еще не начато. Учитывая славянские темпы, они не успеют ничего сделать. Калинин — Клин — Москва!

Последние слова генерал произнес торжественно. Он встал. Встал и собеседник — коренастый танкист.

— Может быть, именно ваши танки, Отто, первыми ворвутся в большевистскую столицу. Вы войдете в историю великого рейха! Шестьдесят машин в вашем распоряжении. Помните девиз Гудериана: «Вперед, вперед, не оглядываясь, вперед». Так было под Антверпеном, на Вогезах, в Греции. Так будет и здесь. Хайль Гитлер!

— Хайль, — эхом отозвался танкист.

Он немного помедлил и затем сказал:

— Прошу утвердить мне запасной маршрут.

— Запасной? — удивился генерал. Он сделал два шага и стал вплотную к танкисту. — Вы что, не верите в реальность моего плана?

— Я солдат и выполняю приказ, господин генерал. Но я воюю с русскими уже четвертый месяц. Мне кажется, обходной путь по лесным дорогам надежнее, господин генерал.

— Вы что, испугались, Отто?

— Нет. Просто я хочу, чтобы мои танки вошли в Москву, а не застряли по дороге.

Генерал прошелся по комнате. Затем он повернулся к столу, и желтая рука снова занесла карандаш над беззащитной картой.

— Вот так?

— Так точно.

— Хорошо. Действуйте, как вам подсказывают опыт солдата и совесть офицера. Мы пойдем прямо! До свидания, Отто. До встречи в Москве.

...Рука надежно прикрывала с севера многочисленные кварталы большого города. Как легко было прикрыть его вот так, на карте. Мины, мины, мины... Они должны появляться везде, вставать на пути вражеских танков, появляться и рвать, уничтожать их, не давать пощады, не дать прорваться...

А сколько путей ведет к пригородам Москвы! На карте они бегут извилистыми бледными линиями проселочных дорог. Каждая такая извилина опасна, смертельно опасна. Один рывок, и танки выходят к самым пригородам... Тогда под ударом кварталы Москвы.

Нужны подвижные группы минеров. Такого не знала еще война... Но мало ли чего она не знала.

— Товарищ майор, к вам пришли.

Шперов поднял голову, оторвался от карты.

— Да, знаю. Просите.

В комнату вошли пятнадцать человек.

— Товарищ заместитель командира бригады. Группа бойцов отдельной бригады прибыла по вашему приказанию. Докладывает старший группы сержант Малышев.

— Садитесь, ребята. Садитесь, садитесь. Комсомольцы?

— Так точно, товарищ майор.

— Трудностей не боитесь?

— Никак нет.

— Сядьте, сядьте... Дело, которым вам предстоит заняться, новое. И необычайно ответственное. Смотрите... Танковая группа генерала Готта собирается совершить бросок на Москву. Эдакий марш Калинин — Москва. Сейчас они вот здесь. По шоссе им далеко не пройти. Мы его заминировали начисто.

Остаются проселочные дороги. Их много. Мы не успеем подготовить сюрпризы на всех дорогах. Но мины надо ставить лишь там, куда заведомо сунутся танки. Под самый нос им.

Этим и займутся группы нашей бригады. Мы готовили вас для немецкого тыла. Но подождите, пойдете и туда. А сейчас вам тоже предстоят нелегкие схватки. Один на один против танков. Увидел, поставил мину, взорвал на пути, не дал пройти. Закрывать танкам все возможные пути — вот задача ваша и других групп. Мины и карты получите в штабе.

...Головной танк остановился. Он долго стоял, словно прислушиваясь.

Потом медленно свернул с дороги на плотный, чуть заметный проселок. Уже светало. Густая изморозь покрыла голые ветви деревьев. Где-то недалеко начиналась перестрелка.

Фронт просыпался. Один за другим танки углублялись в сказочный при блеклом свете лес. Все происходило безмолвно, словно во сне.

Лишь иногда хрустела ветка, да птица, затаившаяся среди деревьев, вспархивала в сторону, желая предупредить своих. «Здесь враг, враг!» — кричала птица.

Отто фон Вангель сидел в третьем танке. Все произошло, как он и предполагал. Шоссе оказалось минированным. На прямой наводке стояли батареи. Потеряв десятки танков, он избрал обходный путь. Не успеют же русские заминировать все проселки! Это просто невозможно. Танки шли спокойно, как на параде. Слева и справа по тропинке брели автоматчики. Кругом расстиралось ржавое, густое болото. Пусть там сидит противник.

Что они сделают танкам?

Словно ответом на этот вопрос раздался яростный взрыв. За ним посыпались резкие автоматные очереди.

— Что случилось? — фон Вангель бежал к головному танку. — Засада?

— Минное поле.

— Что? Вы же докладывали, что путь свободен, черт вас поberi!

Пехотный обер-лейтенант стоял, вытянувшись перед дюжим танкистом.

— Так точно, господин майор. Я лично проверял. Вчера вечером мы облазили всю эту местность. Русские отошли днем. Все было пусто и свободно.

Перестрелка стихла. Уже не прячась, они подошли к первому танку. Он стоял, нелепо развернувшись, покосившись набок, стоял, жалобно выставив раненую гусеницу.

Несколько солдат с миноискателями торопливо проверяли путь.

— Откуда взялись эти мины? — смущенно говорил обер-лейтенант.

— Очевидно, свалились с неба! — фон Вангель бросил в сторону длинный прут, заменявший ему стек. — Проверьте все впереди. Сигнал — ракета.

— Сигнал — ракета, понял? Красная ракета.

Восемь человек сидели в болоте. На небольшой кочке чернели мешки. Это было самое драгоценное. Можно было намочнуть самому, даже замочить оружие, но этот груз священ- ный. Он главное.

— Сколько они проторчали?

— Почти пять часов.

— Хорошо! Надо еще пару раз остановить. Тогда на сегодня хватит...

— Как в «кошки-мышки».

— Да-да, фрицы — мышки, а мы — кошки.

Торопливые шаги замолкли. Малышев долго вслушивался.

Лязг гусениц нарастал. Негромко пели моторы. Научен- ные горьким опытом, фашисты не спешили. Автоматчики, а за ними тридцать три танка.

«Тридцать три богатыря, — подумал Малышев. — Надо их уменьшить».

Он хорошо видел отсюда кусок проселка, по которому, словно на параде, не спеша двигались танки. Вот прошел первый, второй, третий, пора...

Он почему-то затаил дыхание и соединил провода.

Три взрыва один за другим разорвали тишину. А затем стрельба, беспорядочная стрельба рассвирепевших фашистов. И красная ракета, и взрывы где-то впереди...

Только к вечеру они двинулись дальше. Из тридцати трех танков осталось тридцать.

Они стояли и стреляли наугад в мрачную тишину ноябрьского подмосковного леса. Багровые зарницы выстрелов озарили белые стволы берез, серую паутину орешника и одинокие листья, устилавшие редкие дорожки.

— Итак, мы потеряли день. — Желтое пятно фонарика лихорадочно бегало по карте. По ассоциации фон Вангель вспомнил желтые перчатки генерала. Там все получалось очень гладко и удачно. Куда двинуться дальше? Сплошной линии фронта тут нет. Где ждут русские?

Назад и влево. Это мысль... Ночью рывок. И утром на окраинах Рогачева! А пехота... Пусть идет прежним маршрутом.

Командир роты сопровождения молча выслушал приказ. В глубине души он был рад. Тем лучше. Эти неуловимые русские явно охотятся за танками. Пусть себе воюют между собой.

— Господин майор, — почтительно сказал обер-лейтенант, — есть такая игра у русских. Называется она «кошки-мышки»...

— Кто кого обманет? Ну что же. Днем они играли с нами, теперь наша очередь. Счастливо оставаться. Продолжайте двигаться прежним путем. Утром я надеюсь вас приветствовать на окраинах этого древнего русского поселения...

— Похоже, теперь гитлеровцы захотели поиграть с нами, — сказал Малышев. — Слышите, моторы загудели?

— Сматываются?

— Держи карман шире. В обход пошли. Надо разделиться. Вы пятеро идите прежним курсом. А мы с Прибытковым и Правдиным пойдем наперерез. Места я эти знаю как свой дом. Встреча в Рогачеве.

Все могут танки. Идут через реки, через пашню, сшибают на своем пути дома, форсируют рвы. Только вот тихо не умеют работать. Далекое урчание моторов служило Малышеву путеводителем.

Еще до того, как стал студентом института физкультуры и спорта, полюбил он эти места. Дядя здесь поселился с начала тридцатых годов, стал лесником. И Павел часто гостила у него. Теперь пригодилось. Готовились в фашистские тылы... И в самом деле в тылах. Надо спешить. Бегом, наперерез, туда, где кончается лес. Если танки выскочат раньше, если их там не ждут... Тяжелый мешок замедлял движение, из-за него каждый шаг отдавался тяжелым дыханием, стучал в висках.

Скоро начнет светать... Надо спешить... Еще быстрее... Мы же физкультурники, мы же комсомольцы, мы же...

— Стой, кто идет? — И звук затвора.

— Свои, — отозвался приглушенно, тихо, словно боялся, что танки услышат, повернут сюда, раздавят этих неожиданно возникших людей.

— Кто свои? Старший, ко мне!

Рука в кармане шинели, в руке пистолет. Малышев быстро идет по коридору, созданному узким лучом фонарика.

— Свои, свои!

Это в самом деле были свои.

Три зенитных орудия на прямой наводке. И они поворачиваются, поворачиваются в ту сторону, откуда вот-вот появятся танки.

Настал рассвет, еще один рассвет для этого отряда. И они показались. И орудия встретили их, как положено, как должны встречать прорвавшиеся танки бывшие зенитки, начавшие и кончавшие свою земную жизнь. Зенитки били в упор. И танки били в упор.

Солнце вылезло полностью. Два орудия уже замолчали навсегда.

Но и три танка пылали, горели ярким пламенем. Малышев сидел в узком окопчике, напряженно ожидая, когда танки подойдут к тому месту, где ждал их смертоносный гостинец, — там уже стоял фугас. А последнее орудие уже огрызалось из последних сил, уже не оставалось ни одного человека, не тронутого осколками, уже, казалось, оставалось лишь сыграть последний прощальный залп, как вдруг опушка ближайшего леса, до той поры безмолвная, плюнула в сторону танков дружным залпом. Еще одна батарея вышла на борьбу.

И тут настала очередь Малышева. Танки пошли в обход, они сунулись туда, где он их ждал... Снова грохот, и еще два танка закрутились, не в силах сдвинуться с места. А третий полез прямо на пригорок, туда, где сидел Павел. Стало нестерпимо страшно. Хотелось выскочить и бежать, только бы не смотреть на эту бронированную махину, не спеша взбирающуюся на холмик. Танк развернулся и краем гусеницы засыпал окопчик...

— Товарищ майор, группа Малышева свое задание выполнила. Трое ранено. Уничтожено пятнадцать танков.

— Двигаются дальше?

— Так точно. Не так рьяно, но прут вперед. Направление то же.

— Хорошо. Направление наших групп то же. Малышев тяжело ранен?

— Да. Его вытащили прямо из-под танка. Здорово помяло.

— Усиьте группу до пятнадцати человек. Старшим пойдет Брагин. Он теперь обстрелянный.

— Господин генерал, радио от майора фон Вангеля.

— Что там?

— Большие потери. Осталось всего двадцать пять танков.

— Бросьте ему в сопровождение мотобатальон. И пусть идет прежним курсом. Как шоссе?

— Абсолютно непроходимо...

— Передайте Вангелю, что мы встретимся у канала Москва — Волга в районе Дмитрова...

— Ну вот, теперь и у нас хорошие мотоциклы появились! Откуда это ты такой красивый?

— Трофеи наших войск. Шик, а не мотоциклы.

Они сидели на нейтральной полосе.

«Комсомольский патруль» — сторожа фугасного поля. Привычное положение: ночью тяжелая работа — ставить фугасы, утром — танки, и взрывы потрясают воздух. Сколько таких дней уже прошло? Много... И танков много. Семен Брагин, бывший слесарь, минер-подрывник, сидит у большого поваленного дерева. Рядом конопатый паренек, который примчался к ним на мотоцикле.

— Так удобней! Фрицы за своего принимают.

Весь груз мотоцикла уже «посадили» в землю — много он притащил мин.

А теперь в ожидании танков можно и поговорить.

— Есть такая деревушка Каменка, недалеко от Лобни. Мы там завалы ставили и минные поля, конечно. На ночь в лес ушли, а когда совсем стемнело, ребята в разведку отправились, потому что в деревню много мотоциклов понаехало. Разведчики пришли и доложили командиру: фрицы совсем обнаглели, приехали в деревню и решили побаниться. Вши их, что ли, заели? Один гад, в плен мы его взяли, сказал, что, мол, в Москву хотели чистыми приехать. В общем разожгли баню, начали мыться. И даже боевого охранения не поставили. Наш капитан Гунько выслушал разведчика и решил устроить им баню. Вошли мы со всех сторон в деревню, видимо, правду сказали разведчики. Жителей не видно, а на улице шум, хохот. Мотоциклы парами на дороге стоят, и ни одного часового. Такое зло насхватило, думаем, ладно, будет вам баня. Окружили мы этих любителей чистой воды и как начали стальным кипятком шпарить!.. Вся свалка продолжалась не больше получаса. Сколько могли мотоциклов, мы в лес угнали, думали, нет ли еще фашистов поблизости. Никого не оказалось. Эти мотоциклисты одни в деревню затесались. Ну там, значит, и остались. Навечно.

Брагин усмехнулся.

— Ну что же. Эти тоже лягут навечно.

У моста показались танки. Они сначала остановились, а потом осторожно ступили на мост.

Брагин махнул рукой. И мост рухнул, погребая под собой танки.

Это были последние танки отряда фон Вангеля. А последние танки всей танковой группировки генерала Готта добрались лишь до Дмитрова и остались там навечно.

30 ноября закончился переход Калинин — Москва. Закончился преждевременным финишем у города Дмитрова...

УТРО

ПОБЕДЫ

Дважды Герой Советского Союза Дмитрий Данилович Лелюшенко командовал одной из армий, оборонявших столицу с северо-запада. Так сложились обстоятельства на этом участке фронта, что наступление армия Д. Д. Лелюшенко начала именно с того самого места, на котором нашли свой конец последние танки группировки Готта. В беседе с нашим корреспондентом Б. Смагиным Д. Д. Лелюшенко вспоминает...

Тридцатого ноября мы услышали сильный взрыв со стороны Дмитрова. Саперы генерала Галицкого взорвали мост через канал. Это был последний оборонительный взрыв.

Второго декабря захлебнулось наступление фашистов. Их танки уткнулись в нашу оборону и замерли. Дмитров устоял бастионом на пути бронированных колонн.

Настал наш черед.

Полночь пятого декабря. Тихо. Очень тихо. Лишь изредка доносится редкая пулеметная стрельба. Это передовая. Части приготовились к рывку. Части ждут сигнала. Вчера прибыли свежие войска. Сибиряки. Крепкие, привыкшие к лишениям люди, смелые охотники, отважные солдаты.

Почти все добровольцы, обученные только что, вооруженные только что, они показали себя настоящими героями, настоящими патриотами.

Памятная передовая «Известий». Ее читали в частях накануне великого дня наступления.

«Пусть проверяет нас время, борьба — ее тяготы и невзгоды не согнут и не сломят нас. Золото очищается в огне, человек раскрывается в огне борьбы. Пройдут годы, и когда наши дети или внуки спросят нас: «Что ты делал в дни Отечественной войны?» — каждый из нас, современников Великой Отечественной войны, должен иметь право ответить, гордо подняв голову: «Я исполнял свой долг, я бился вместе с народом, я отдавал борьбе все силы свои, все способности и все умение свое, я внес свою лепту в дело нашей победы!»

Вот о чем думали мы все в этот день, в эту длинную, бесконечно длинную ночь перед началом наступления.

Время тянулось нестерпимо медленно. Но вот шесть часов. Неслышные, поднялись цепи в белых халатах.

И вот уже прорвана оборона фашистов, захвачено тридцать восемь танков и знамя, первое вражеское знамя в наших руках.

Мы шли вперед шаг за шагом, километр за километром, освобождая родную землю, на которой никогда больше не должен появиться враг.

Пятнадцатого декабря наши войска освободили город Клин, город русской старины, город Чайковского, город, который стал с той поры городом славы советского оружия!

«...Чувствую себя теперь препаршиво в этой ужасной России. За это время я пережил страшные вещи, — так писал один из гитлеровских солдат домой. Письмо не дошло, ибо его адресат нашел себе смерть под Клином. — У канала Москва — Волга встретили страшное сопротивление русских. Под их нажимом началось наше отступление. Просто вспомнить о нем не решаюсь. То, что здесь совершили с нами, словами описать невозможно. Преследуемые русскими на земле и с воздуха, рассеянные, окруженные, мы мчались назад по четыре-пять автомобилей в ряд... Я со своим товарищем оставил машину и топал дальше без пищи и сна. И так продолжалось день за днем. Идут суровые бои. Русские беспрерывно атакуют нас, чтобы отбросить еще дальше... Народ здесь сражается фанатически, не останавливаясь ни перед чем, лишь бы уничтожить нас...»

Автор этого письма был прав, только слово он выбрал неудачное. Бойцы сражались не фанатично, они сражались самоотверженно, сражались, как герои. Это был не фанатизм, а страстная любовь к Родине, для которой отдавалось все. И если нужно, то и жизнь.

...Двенадцатое декабря, разгар боев, разгар наступления. Около небольшой деревни Мало-Щапово мощный дот. Пулеметный огонь не дает возможности продвинуться дальше. Два бойца и командир взвода младший лейтенант Николай Шевляков идут на приступ. Под свирепым огнем пулеметов они подползают к доту. Ползут долго, но упрямо, ползут

к своей цели. Дымовые гранаты летят в дот. Герои уже совсем близко, уже рядом с амбразурой. Шевляков бросает туда боевую гранату, закрывает отверстие своей фуфайкой. Дот замолчал, цепи встают, полк наступает. И вдруг пулемет снова заговорил. Дот ожил, поливая наступающие цепи смертельным веером пуль. И тогда Коля Шевляков, раненый, истекающий кровью, бросился на амбразуру, закрыл ее своим телом...

Севернее Клина у села Рябиновки сержант Слава Васильковский совершил такой же подвиг, дав возможность своим однополчанам наступать, выбить гитлеровцев из села.

Два героя, два Героя Советского Союза, два молодых человека, отдавших свою жизнь во имя Родины...

Смелым парнем оказался политрук Коля Бочаров. Был уже вечер, перестрелка немного утихла, гитлеровцы закрепились, остановились. Утром мы должны были снова наступать, а пока что части приводили себя в порядок. Обычная передышка перед броском вперед. Но врагу мы передышки не давали. Коля Бочаров со своими бойцами — он заменил раненого командира роты — задумал смелый маневр. Идет снег, метель поднимает его высоко, бросает в лицо, заметает дороги. Группа людей в белых халатах плохо видна врагу. Они прорываются сквозь боевые порядки закрепившихся гитлеровцев. Оружие — автоматы и винтовки. «Вот бы сюда артиллерию», — думает Бочаров, увидев, что на окраине маленькой деревушки скопилось много вражеских солдат.

Стоят автомашины с грузом, солдаты греются у весело горящего костра. А совсем недалеко расположилась фашистская батарея. Очень удобно стоит она. Если направить стволы орудий на гитлеровцев, можно прервать их отдых.

Бесшумно сняты артиллеристы у орудий, и вот... Выстрел нарушил тишину. Один, другой, третий... Что это? Вражеские солдаты разбегаются, ничего не понимая. Орудия стреляют по своим!..

Герой Советского Союза политрук Бочаров уничтожил в этом бою вражескую роту и прибыл в часть на трофейных автомашинах, захватив с собой одиннадцать немецких пулеметов.

Еще один смелый рейд. Ночью четырнадцатого декабря капитан Александр Антонович Тоцев, командир батальона, идет в тыл врага.

Сплошной обороны у гитлеровцев давно уже нет. Но два последних дня они закрепились. Может быть, даже думают, что русское наступление захлебнулось. Как бы не так! После полуночи мы снова пойдем в атаку, после полуночи снова начнутся бои.

А пока все тихо. Бойцы капитана Тоцева пробираются далеко за вражеские передовые части. Там будет организована засада. За Клином, за городом, где фашисты собираются зимовать и где им оставаться еще лишь считанные часы...

Наступление началось.

Через два часа один из полков 371-й дивизии врывается

в Клин. Гитлеровцы с боями отходят из города. Но уйти им тоже не так просто. Отступающий враг взят в клещи бойцами 371-й. Там, в тылу, им преградила путь группа капитана Тощева. Два батальона пехоты и пятнадцать танков — таков личный счет отважных.

Под ударами наших войск враг отступает в беспорядке. В его рядах все перепуталось, перемешалось. И храбрый майор Лебединцев с маленькой группой бойцов ухитрился проникнуть в тыл пехотной гитлеровской дивизии, буквально разогнал ее штаб, уничтожив восемь танков и шесть орудий, охранявших «мозг» одного из крупных фашистских соединений.

«Один в поле не воин», — гласит старая поговорка. Но так ли она верна?..

Танкист-стрелок Володя Литовченко воюет недавно. Всего лишь месяц. Но уже видел многое. Танковый бой под Калининском и упорная оборона у канала. Там наши танки стояли, как доты, потому что каждый знал — дальше фашистов пускать нельзя, дальше Москва. А командир Володи — Семен Горобец — обстрелянный боец. Уже успел побывать два раза в госпитале: ранило, контузило. Но все равно возвращается в родную 21-ю бригаду.

...В поле холодно. Поднялась сильная метель. Пока что стало еще холоднее, но, наверное, потеплеет. Друзья сидят на завалинке, покуривают. В темноте сыплются махорочные искры.

Утром снова в бой. Утром опять поведет свою поредевшую бригаду полковник Лесовой. Говорить особенно не о чем. Все и так переговорено. Перед боем хочется посидеть молча, подумать, помечтать. Завтра мечтать уже будет некогда. Да и сегодня не придется. Оба вскочили, приветствуя командира батальона.

— А ну, быстро. Комбриг зовет. Вот у той хаты...

Семен подошел строевым, отрапортовал:

— Товарищ полковник, по вашему приказанию сержант Горобец прибыл.

— Замерз небось?

— Нет, что вы, товарищ полковник! В танке жарко. Распарились. До рассвета потерпим.

— Нет, до рассвета терпеть не придется. Мне тебя тут расхвалили, как классного разведчика и смелого парня. Это верно?

— Со стороны виднее.

— Ну ладно, соловья баснями не кормят. Пойдем в хату, я тебе расскажу, зачем потревожил... Да и погреться там можно.

Назад Семен возвращается бегом. Вместе с Володей Литовченко они быстро забрались в люк, танк развернулся и покатил... в тыл. Бойцы удивленно провожали глазами одинокую «тридцатьчетверку». Так мало осталось машин, а тут отдыхать посылают.

Танк скрылся за поворотом дороги и уже затих вдалеке. Лишь чуткое ухо танкистов все еще различало далекое пенье мотора. Потом и его не стало слышно...

Пройдя километр, «тридцатьчетверка» резко свернула влево и через несколько минут появилась на фланге обороны фашистов. Одинокий танк легко проскочил жидкую фланговую линию врага. Отступающим гитлеровцам было не до него. Они помнили, что один в поле не воин.

Остановились у небольшого пригорка.

Семен открыл люк и выскочил на землю. После бешеного рывка было непривычно тихо и спокойно. Лишь сзади словно нехотя поднимались красные ракеты.

Стало гораздо светлее. Метель утихла, и день обещал быть морозным. Где-то справа послышалась речь. Володя по знаку командира выключил мотор. Говор нарастал, к ним приближались. И когда небольшой отряд фашистов вышел на дорогу, танк взревел и ринулся на спокойно шагавших солдат.

Давя и расстреливая гитлеровцев, они проскочили ложину и вылетели на широкую просеку. Володя вел танк на самой большой скорости, прыгая через препятствия, круто поворачивая.

Снова танк застыл на опушке леса, снова смотрели они в туманную мглу. Путь выбран правильно. Недалеко село и развилка дороги. Метель помешала авиаразведке, но танку она не помешала.

А сзади заговорила передовая. Нарастал гул орудий, зачастили пулеметы. Началось!

Танк выскочил на шоссе, когда там уже собралась большая колонна. Первые снаряды разворотили две автомашины. Машины загорелись. При свете пожара было видно, как разбегаются солдаты. У крайнего дома стояла небольшая пушечка. Она не успела сказать танку свой «привет». Володя опередил вражеских артиллеристов.

Прямой наводкой по орудью прямой наводки. Столб дыма и огня, и танк метнулся влево. Он объехал приземистую хату и буквально столкнулся нос к носу с фашистским Т-4. Еще один столб пыли, и грудой полурасплавленного металла осел на дорогу вражеский танк. В селе поднялась оглушительная стрельба.

Рассвет — самое удачное время для неожиданной атаки. Кажется, что все хорошо видно, но на самом деле глаза уже отвыкли от темноты и не привыкли к свету. И в этом полумраке метался по деревне советский танк.

По нему стреляли со всех сторон, но он был поистине неуловим. Снаряд попал в башню, от удара машина вздрогнула, затряслась, но по-прежнему хлестко поражала врагов.

«Давай, давай!» — кричал самому себе Семен. А Володя как будто чувствовал все, что он хочет сделать. И каждый маневр этой машины, словно слившейся с волей двух солдат, нес еще один выстрел, еще один удар... Разбитых машин стало уже около двадцати, подбитых вражеских танков — шесть, а неуловимая «тридцатьчетверка» все еще вела свою игру в прятки среди домов маленькой деревни.

И столь же стремительно, столь же неожиданно танк выскочил из всей этой сумятицы, устроенной им. И помчался в поле навстречу нашим наступающим частям.

Вслед ему понеслись снаряды, но никто не стал преследовать один танк. Фашистам было уже не до него.

Вот и один в поле воин.

Долог был наш путь к славным дням мая 1945 года, когда красное Знамя Победы поднялось над рейхстагом. Но заря победы, ее утро было помечено декабрём 1941 года, когда могучими усилиями нашей социалистической Родины, всего советского народа был развеян миф о непобедимости фашистских орд, когда бойцы армии нашей сделали первые метры, первые километры на долгом пути к Победе, на пути до Берлина.





Фантастический рассказ



Печатаемый рассказ известного американского фантаста Эрика Фрэнка Расселла отражает присущую ряду его произведений сатирическую направленность против солдафонства и бюрократизма, насаждаемых американской военщиной.

Давно уже на борту корабля «Бастлер» не было такой тишины. Он стоял на огромном бетонном поле космопорта Сириус с выключенным двигателем, холодными дюзами. Испещренной многочисленными шрамами защитной поверхностью корпуса корабль был похож на измученного бегуна на длинные дистанции после финиша марафона. Для такого вида у космического корабля «Бастлер» были все основания: он только что вернулся из продолжительного полета, где далеко не все шло гладко.

И вот теперь в космопорте гигантский корабль наслаждался заслуженным, хотя и временным, отдыхом. Тишина, наконец тишина. Никаких тебе тревог, никаких беспокойств, никаких за-

труднений, возникающих в свободном полете по крайней мере два раза в сутки. Одна тишина, тишина и покой.

Капитан Макнаут сидел в кресле, положив ноги на письменный стол и расслабив все мышцы своего крепкого тела. Он до предела использовал тишину и покой своей каюты. Атомные двигатели были выключены, и в первый раз за много месяцев грохот машин корабля не бил капитана по голове подобно паровому молоту. Почти вся команда к. к. «Бастлер» была в увольнении, и все они, почти четыреста человек, предавались самому безудержному веселью в соседнем большом городе, залитом яркими лучами солнца. Вечером, как только первый помощник капитана Грегори вернется на борт, капитан Макнаут сам сойдет с корабля и отправится в благоухающие сумерки, чтобы насладиться плодами освещенной неоном цивилизации.

Как приятно находиться, наконец, на твердой земле! Команда получает возможность отвлечься, «выпустить лишний пар», индифферентно говоря. Что каждый делает по-своему. Никаких забот, никаких обязанностей, никаких опасностей. Безопасность и покой — награда усталым скитальцам!

Бурман, старший радиоофицер, вошел в каюту. Он был одним из шести членов экипажа, вынужденных остаться на борту корабля, и его лицо ясно показывало, что ему известно по крайней мере двадцать более приятных методов времяпрепровождения.

— Только что прибыла радиogramма, сэр, — он протянул листок бумаги с печатным текстом и остановился рядом, ожидая ответа.

Капитан Макнаут взял радиogramму, снял ноги со стола, выпрямился и, заняв приличествующее командир корабля положение, прочитал вслух содержание:

— ЗЕМЛЯ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ БАСТЛЕРУ тчк ОСТАВАЙТЕСЬ СИРИПОРТУ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ тчк КОНТР-АДМИРАЛ У. КЭССИДИ ПРИБЫВАЕТ СЕМНАДЦАТОГО тчк ФЕЛДМАН ОТДЕЛ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ СИРИСЕКТОР.

Капитан поднял лицо, с которого мгновенно исчезли все следы удовлетворения и покоя, и громко застонал.

— Что-нибудь случилось? — спросил Бурман, чуя неладное. Макнаут показал на стопку тонких книг у себя на столе.

— Средняя. Страница двадцать.

Бурман поспешно перелистал несколько страниц и нашел нужный параграф: «Вэйн У. Кэссиди, контр-адмирал. Должность — главный инспектор кораблей и складов».

У Бурмана неожиданно пересохло в горле, и он тщетно пытался сделать глотательное движение.

— Это значит...

— Да, — подтвердил Макнаут без всякого удовольствия. — Опять как в военной школе и тому подобное. Краска и мыло, чистить и полировать. — Он придал лицу непроницаемое выражение и заговорил до тошноты официальным голосом: — Капитан, инвентаризация показала, что у вас в наличии всего семьсот девяносто девять аварийных пайков, а по штатному расписанию числится восемьсот. Запись в вахтенном журнале о недостающем пайке отсутствует. Где он? Что с ним случилось?

Почему у одного из членов экипажа отсутствует пара казенных подтяжек? Вы сообщили об их исчезновении?

— Почему он взялся именно за нас? — спросил Бурман с выражением ужаса на лице. — Он никогда раньше нас не замечал.

— Именно поэтому, — сказал Макнаут, глядя на стену с видом мученика. — Теперь наша очередь получить взбучку. — Отсутствующий взгляд капитана остановился, наконец, на календаре. — У нас есть еще три дня — за это время многое можно сделать. Ну-ка, вызови ко мне второго офицера Пайка.

Бурман ушел с несчастным выражением на лице. Через некоторое время в каюту вошел Пайк. Выражение его лица подтверждало древнюю истину, что плохие новости распространяются очень быстро.

— Немедленно выпиши требование на сто галлонов краски, темно-серой, высшего качества. И второе требование, на тридцать галлонов белой эмалированной краски для внутренних помещений. Немедленно отправь требования на склад космопорта и позаботься о том, чтобы краска вместе с необходимым количеством кистей и пульверизаторов была здесь к шести вечера. Прихвати весь протирочный материал, который у них плохо лежит.

— Команде это не понравится, — заметил Пайк, делая слабую попытку к сопротивлению.

— Ничего, понравится, — заверил его Макнаут. — Чистый, с иголочки корабль оказывает благоприятное воздействие на моральное состояние экипажа — именно так записано в Уставе Космической Службы. Давай принимайся за дело и немедленно посылай требования на краску. Затем возьми списки оборудования и инвентарного имущества и приходи ко мне. Мы должны провести инвентаризацию до прибытия Кэссиди. После того как он приступит к проверке, мы уже не сможем пополнить нехватку одних предметов табельного имущества или сбавить с корабля другие, которые окажутся в избытке.

— Есть, сэр, — Пайк повернулся и вышел из каюты. На его лице было такое же траурное выражение, как у Бурмана.

Откинувшись на спинку кресла, Макнаут бормотал что-то себе под нос. Им владело смутное подсознательное чувство, что в последнюю минуту все усилия пойдут прахом. Недостаток табельного имущества — достаточно серьезная вещь, если исчезновение не было отмечено в предыдущем отчете. Избыток же табельного имущества — гораздо более серьезная штука. Если первое означает небрежность или халатность в хранении, то второе может значить только преднамеренное воровство казенного имущества при попустительстве командира корабля.

Возьмите, например, недавний случай с Уильямсом, командиром тяжелого космического крейсера «Свифт», слухи о котором распространились по всему флоту; Макнаут узнал об этом от знакомого капитана, когда «Бастлер» пролетел мимо Вутса. При проверке табельного имущества на борту крейсера «Свифт» выяснилось, что Уильямс незаконно имел на корабле одиннадцать катушек провода для электрифицированных заграждений, в то время как по штатному расписанию ему полагалось только десять. В дело вмешался военный прокурор, и понадобилось длительное разбирательство этого из ряда вон выходящего слу-

чая. Правда, в конце концов оказалось, что этот лишний моток провода — который, между прочим, пользовался исключительным спросом на одной из отдаленных планет, — не был украден из складов Космической Службы, или, на космическом жаргоне, «телепортирован» на корабль. Тем не менее Уильямс получил фитиль, что мало помогает продвижению по служебной лестнице.

Он продолжал размышлять, ворча что-то себе под нос, когда дверь распахнулась и вошел Пайк с папкой, раздувшейся от бумаг.

— Собираетесь начать инвентаризацию немедленно, сэр?

— Нам ничего другого не остается, — капитан выпрямился, посылая последнее «прощай» своему отдыху в городе и его ярким праздничным огням. — Нам потребуется куча времени на осмотр корабля от носа до кормы, так что осмотр личного имущества экипажа проведем в конце.

Выйдя из каюты, Макнаут направился в нос корабля; за ним тащился Пайк с видом мученика.

Когда они проходили мимо главного входного люка, их заметил корабельный пес Пизлейк, гревшийся на солнышке рядом с трапом. В два прыжка Пизлейк взлетел по трапу и замкнул шествие. Это был огромный пес, родители которого обладали неисчерпаемым энтузиазмом, но мало заботились о чистоте породы. Пизлейк был полноправным членом экипажа и с гордостью носил ошейник с надписью «ПИЗЛЕЙК — имущество к.к. «Бастлер». Основной обязанностью пса, с которой он превосходно справлялся, было не допускать местных грызунов к трапу корабля и в редких случаях обнаруживать опасность, недоступную человеческому глазу.

Все трое маршировали по коридору: Макнаут и Пайк с мрачной решимостью людей, жертвующих собой во имя долга, а Пизлейк, тяжело дыша и высунув язык на целый фут, был готов начать любую игру, какую бы ему ни предложили.

Войдя в носовое помещение, Макнаут тяжело опустился в кресло пилота и взял папку из рук Пайка.

— Ты знаешь все в этом аквариуме лучше меня — мое место в штурманской рубке. Поэтому я буду читать, а ты проверять наличие. — Он открыл папку, взял верхний лист и начал читать: — «К1. Компас направленного действия, тип Д, один».

— Есть.

— «К2. Индикатор направления и расстояния, электронный, тип ДжДж, один».

— Есть.

— «К3. Гравиметрические измерители левого и правого бортов, модель Кэсэйн, одна пара».

— Есть.

Пизлейк положил голову на колени Макнаута, посмотрел на него понимающими глазами и негромко завыл. Он понял, чем занимаются эти двое. Проверка каждого предмета по списку длиной в милю была чертовски скучной игрой. Макнаут успокаивающим жестом положил руку на голову пса и начал ласково перебирать его уши, не забывая в то же время выкликать очередной предмет.

— «K187. Подушки из пенорезины, две, на креслах пилота и второго пилота».

— Есть.

К тому времени как первый офицер Грегори поднялся на борт корабля, они уже добрались до крохотной рубки внутренней связи и копались там в пыли и полумраке. Пизлейк, полный невыразимого отвращения, уже давно ушел.

— «M24. Запасные громкоговорители, трехдюймовые, тип T2, один комплект из 6 штук».

— Есть, — донесся заунывный ответ.

Вывучив от удивления глаза, Грегори заглянул в рубку и спросил:

— Что здесь происходит?

— Скоро нам предстоит генеральная инспекция, — ответил Макнаут, поглядывая на часы. — Пойди проверь, прибыли ли окрасочные материалы, и если нет, то почему. Затем приходи сюда и помоги мне с проверкой. Пайку надо заняться другими делами.

— Значит, увольнение в город отменяется?

— Конечно, до тех пор, пока не уберется этот начальник венников и командующий пайками. — Капитан посмотрел на Пайку. — Когда будешь в городе, постарайся найти и прислать на корабль как можно больше ребят. Никакие причины или объяснения во внимание не принимаются. Никаких алиби или задержек. Это приказ.

Лицо Пайки приняло еще более несчастное выражение. Грегори сердито посмотрел на него, вышел, через минуту вернулся обратно и доложил: «Окрасочные материалы придут через двадцать минут». С грустью на лице он посмотрел вслед уходящему Пайку.

— «M47. Телефонный кабель, витой, экранированный, три катушки».

— Есть, — сказал Грегори, проклиная себя. И угораздило же его вернуться на корабль именно сейчас!

Работа продолжалась до позднего вечера и была возобновлена рано утром. К этому времени уже три четверти команды было занято работой как внутри, так и снаружи корабля, с видом людей, приговоренных к каторге за задуманные, но еще не совершенные преступления.

Передвигаться внутри корабля по узким коридорам и переходам приходилось наподобие краба, на четвереньках, что еще раз доказывало, что высшая форма жизни на Земле страдает хроническим страхом перед свежей краской. Капитан объявил во всеуслышание, что тот, кто коснется свежеекрасочной поверхности, будет горько жалеть о своем проступке и что жизнь несчастного сократится по меньшей мере на десять лет.

Именно в этих условиях, на исходе второго дня, оказалось, что зловещие предчувствия Макнаута начинают оправдываться. Они уже заканчивали девятую страницу инвентарного списка в кухне корабля, а шеф-повар Жан Бланшар подтверждал присутствие и действительное наличие перечисляемых предметов, когда они, образно говоря, натолкнулись на рифы и стремительно пошли ко дну.

Макнаут пробормотал скучным голосом:

— «В1097. Кувшин для питьевой воды, эмалированный, один».

— Здесь, — ответил Бланшар, постучав по нему пальцем.

— «В1098. Офес, один».

— Что? — спросил Бланшар, широко раскрыв от изумления глаза.

— «В1098. Офес, один», — повторил Макнаут. — Ну чего ты смотришь на меня, как громом пораженный? Это корабельный камбуз, не правда ли? Ты шеф-повар, верно? Кто, по-твоему, должен знать, что находится в камбузе? Ну, где этот офес?

— Первый раз о нем слышу, — решительно заявил повар.

— Ты должен был слышать о нем. Он записан вот в этом списке табельного имущества камбуза четким и понятным шрифтом. «Офес, один», — написано здесь. Список табельного имущества составлялся при приемке корабля. Мы сами проверяли наличие этого офеса и расписались в этом.

— Ни за какого офеса я не расписывался, — Бланшар отрицательно покачал головой. — В камбузе нет такой штуки.

— Посмотри сам! — с этими словами Макнаут сунул ему под нос инвентарный список.

Бланшар посмотрел на список и осуждающе покачал головой.

— Послушай, у меня есть электрическая печь, одна. Кипятильники, покрытые кожухами, с увеличенной вместимостью, один комплект. Есть сковороды, шесть штук. А вот офеса нет. Я никогда даже не слышал о нем. Представления не имею, что это такое. — Он выразительно развел руками и покачал головой. — Нет у меня в кухне офеса.

— Но ведь должен же он где-то быть, — настаивал Макнаут. — Если Кэссиди обнаружит, что его нет, поднимется черт знает какой шум.

— А вы сами поищите его, — язвительно предложил Бланшар.

— Послушай, Жан, у тебя диплом выпускника Кулинарной Школы Международной Ассоциации отелей, у тебя диплом Колледжа поваров Гордон Блю, у тебя есть, наконец, диплом с тремя похвальными отзывами Центра Питания Космического Флота, — напомнил ему Макнаут. — И при всем этом ты не знаешь, что такое офес!

— Святая дева! — завопил Бланшар, яростно жестикулируя обеими руками. — Я уже сказал вам десять тысяч раз, что у меня нет никакого офеса. И никогда не было. Сам Эскуафье не смог бы его найти, ибо никакого офеса в кухне нет. Что я, волшебник, что ли?

— Этот офес — часть кухонного имущества, — стоял на своем Макнаут. — И он должен где-то быть, потому что он упоминается на девятой странице инвентарного списка. А девятая страница означает, что ему надлежит находиться в помещении корабельной кухни и что лицом, ответственным за его хранение, является шеф-повар.

— Черта с два, — огрызнулся Бланшар. — Усилитель внутренней связи, он что, тоже мой? — спросил повар, указывая на металлический ящик в углу под потолком.

Макнаут подумал несколько мгновений и ответил примирительно:

— Нет, он относится к имуществу Бурмана. Его хозяйство расползлось по всему кораблю.

— Вот и спросите его, куда он дел свой проклятый офес! — заявил Бланшар с нескрываемым чувством триумфа.

— Я так и сделаю. Если офес не твой, он должен принадлежать ему. Давай только закончим сначала с кухней. Если инвентаризация не будет тщательной и систематической, Кэссиди разжалует меня в рядовые. — Глаза капитана вернулись к списку. — Продолжаем. «В1099. Ошейник с надписью, кожаный, с бронзовыми бляхами, для собаки, один». Можешь не искать его, Жан. Я только что видел его на собаке. — Макнаут поставил аккуратную «птичку» около ошейника и продолжал: — «В1100. Корзина для собаки, плетеная, из прутьев, одна».

— Вот она, — сказал повар, пинком отшвыривая ее в угол.

— «В1101. Подушка из пенорезины, комплект с корзиной, одна».

— Половина подушки, — поправил его Бланшар. — За четыре года он изжевал другую половину.

— Может быть, Кэссиди позволит нам выписать со склада новую. Ну ладно, это не имеет значения. Пока налицо хотя бы половина, все в порядке. — Макнаут встал и закрыл папку. — Ну, с кухней покончено. Пойду поговорю с Бурманом относительно исчезнувшего табельного имущества.

Бурман выключил приемник УВЧ, снял наушники и вопросительно посмотрел на капитана.

— При осмотре камбуза выявилась недостача одного офеса, — объяснил Макнаут. — Как ты думаешь, где он?

— Откуда мне знать? Камбуз — царство Бланшара.

— Не совсем так. Твои кабели проходят через камбуз. Там у тебя два конечных приемника, автоматический переключатель и усилитель внутренней связи. Так где же находится офес?

— В первый раз о нем слышу, — озадаченно пожал плечами Бурман.

— Перестань болтать глупости! — заорал Макнаут, теряя всякое терпение. — Бланшар утверждает, что он никогда о нем не слышал. Ты утверждаешь, что никогда о нем не слышал. Послушай, где вы все были, когда четыре года тому назад производилась приемка всего корабельного имущества? Четыре года назад у нас был офес. Посмотри на инвентарные списки! Это корабельная копия списка, и под ней стоит моя подпись. Мы проверили наличие имущества и расписались в этом. Значит, мы расписались и за офес. Поэтому он должен где-то быть, и его надо найти до приезда Кэссиди.

— Очень жаль, сэр, — выразил свое сочувствие Бурман, — но я ничем не могу вам помочь.

— Подумай еще раз, — посоветовал Макнаут. — В носу расположен указатель направления и расстояния. Как вы его называете?

— Напрас, — признался Бурман, не понимая, куда клонит капитан.

— А как, — продолжал Макнаут, указывая на пульсовой передатчик, — ты называешь вот эту штуку?

— Пуль-пуль.

— Детские слова, а? Напрас и пуль-пуль. А теперь напряги свои извилины и вспомни, как назывался офес четыре года тому назад.

— Насколько мне известно, — ответил Бурман, — у нас никогда не было ничего похожего на офес.

— Тогда, — потребовал Макнаут, — почему мы за него расписались?

— Я ни за что не расписывался. Это вы расписывались за всех.

— Да, в то время как вы все проверяли наличие. Четыре года тому назад, очевидно, в камбузе, я произнес: «Офес, один», — и кто-то из вас, ты или Бланшар, ответил: «Есть». Я поверил вам на слово. Мне приходится верить начальникам служб. Я специалист по штурманскому делу и хорошо знаком со всеми новейшими навигационными приборами, но я ничего не понимаю в других областях. Таким образом, мне пришлось положиться на слово кого-то, кто знал, что такое офес.

Внезапно Бурману пришла в голову отличная мысль:

— Когда производилось переоборудование корабля, масса самых разнообразных приборов и приспособлений была рассована по коридорам, около главного входного люка и в кухне. Помните, сколько времени потребовалось, чтобы установить их в надлежащих местах? Этот самый офес может оказаться теперь где угодно, совсем не обязательно у меня или у Бланшара.

— Я поговорю с другими офицерами, — согласился Макнаут. — Он может быть у Грегори, Уорта, Сандерсона или еще у кого-нибудь. Как бы то ни было, а офес должен быть найден. Или, если он отслужил свой срок и пришел в негодность, об этом должен быть составлен соответствующий акт.

Капитан вышел. Бурман соорудил вслед ему гримасу, надел на голову наушники и возобновил копание в радиоприемнике. Примерно через час Макнаут вернулся с расстроенным лицом.

— Несомненно, — заявил он с некоторой долей раздражения, — на борту корабля нет такого прибора. Никто о нем не слышал. Мало того, никто не может даже предположить, что это такое.

— Вычеркните его из инвентарных списков и доложите о его исчезновении, — предложил Бурман.

— Это когда мы находимся в космопорту? Ты знаешь не хуже меня, что все случаи утраты или повреждения имущества должны немедленно докладываться на базу. Если я скажу Кэсиди, что офес был утрачен, когда корабль находился в полете, он сейчас же захочет узнать, где, когда и при каких обстоятельствах это произошло и почему не было сообщено о случившемся на базу. Представь себе, какой будет скандал, если вдруг выяснится, что эта штука стоит полмиллиона кредитов. Нет, я не могу так просто избавиться от этого самого офеса.

— Что же тогда делать? — простодушно спросил Бурман, попадая прямо в ловушку, приготовленную хитрым капитаном.

— У нас есть один и только один выход! — объявил Макнаут. — Ты должен изготовить офес!

— Кто? Я? — испуганно спросил Бурман.

— Ты, и никто другой. Тем более что я почти уверен, что офес принадлежит к твоему имуществу.

— Почему вы так думаете?

— Потому что это слово типично для твоих приборов. Все эти детские словечки, знаешь: напрас, пуль-пуль, офес. Я готов поспорить на месячный оклад, что офес — это какая-нибудь высоконаучная аламагуса. Может быть, он имеет отношение к туману. Какой-нибудь прибор слепой посадки.

— Датчик слепой посадки называется «шупак», — проинформировал капитана Бурман.

— Вот видишь! — воскликнул Макнаут, как будто слова радиоофицера подтвердили его теорию. — Так что принимайся-ка за работу и состряпай офес. Он должен быть готов к шести вечера завтрашнего дня и доставлен ко мне для осмотра. И позаботься о том, чтобы офес выглядел убедительно, более того, приятно. То есть я хочу сказать, чтобы его назначение и действие выглядели убедительно.

Бурман встал с опущенными руками и сказал хриплым голосом:

— Как я могу изготовить офес, когда не знаю даже, как он выглядит?

— Кэссиди тоже не знает этого, — напомнил ему с радостной улыбкой Макнаут. — Он больше интересуется количеством, чем другими вопросами. Поэтому он считает предметы, смотрит на них, соглашается с советами экспертов относительно степени их изношенности. Нам нужно всего-навсего состряпать убедительную аламагусу и сказать адмиралу, что это и есть офес.

— Святой Моисей! — воскликнул проникновенно Бурман.

— Давай не будем полагаться на сомнительную помощь библейских персонажей, — упрекнул его Макнаут. — Лучше воспользуемся серыми клетками, данными нам Создателем. Берись сейчас же за свой паяльник и состряпай к шести часам первоклассный офес. Это приказ!

Капитан отбыл, страшно довольный собой. Бурман, оставшись один в своей каюте, удрученно посмотрел на стену и облизнул губы, один раз, затем второй.

Контр-адмирал Вейн У. Кэссиди прибыл точно в указанное радиogramмой время. Он оказался коротеньким толстым человеком с красным лицом и глазами мертвой рыбы. Он не ходил, а важно выступал.

— А, капитан, я уверен, что все у вас уже в полном порядке.

— Как всегда, — заверил его Макнаут, не моргнув глазом. — Я считаю это своей основной обязанностью. — Голос его звучал с непоколебимой уверенностью.

— Отлично! — с одобрением отозвался Кэссиди. — Мне нравятся командиры, серьезно относящиеся к своим хозяйственным обязанностям. К сожалению, очень многие не принадлежат к их числу.

Адмирал торжественно поднялся по трапу и через главный люк вошел на корабль. Его рыбы глазки сейчас же обратили внимание на белую эмалевую краску.

— Как вы предпочитаете начать осмотр, капитан, с носа или с кормы?

— Инвентарные списки начинаются с носа и идут к корме. Потому лучше начать с носа. Это упростит дело.

— Отлично, — и адмирал, повернувшись, торжественно зашагал к носу. По дороге он остановился потрепать по шее Пизлейка и попутно глянул на его ошейник. — Хорошо ухоженная собака, капитан. Она оказалась полезной на корабле?

— Пизлейк спас жизнь пятерым членам экипажа на Мардии, когда его лай предостерег команду, сэр.

— Несомненно, детали этого происшествия занесены в бортовой журнал?

— Так точно, сэр! Бортовой журнал находится в штурманской рубке в ожидании вашего просмотра.

— Мы проверим его в надлежащее время, — войдя в носовую рубку, Кэссиди расположился в кресле первого пилота, взял протянутую капитаном папку и начал проверку. — «K1. Компас направленного действия, тип Д, один».

— Вот он, сэр, — сказал Макнаут, указывая на компас.

— Удовлетворены его работой?

— Так точно, сэр!

Инспекция продолжалась. Адмирал проверил оборудование в рубке внутренней связи, вычислительной рубке и других местах и добрался, наконец, до камбуза. У плиты стоял Бланшар в отутюженном ослепительно белом халате и подозрительно смотрел на адмирала.

— «B147. Электрическая печь, одна».

— Вот она, — сказал Бланшар, презрительно тыкая пальцем в плиту.

— Довольны ее работой? — спросил Кэссиди, глядя на повара рыбьим взглядом.

— Слишком маленькая, — объявил Бланшар. Он развел руками, как бы охватывая весь камбуз. — Все слишком маленькое. Слишком мало места. Все такое маленькое, что негде повернуться. Этот камбуз похож на чердак в собачьей конуре.

— Это военный корабль, а не пассажирский лайнер, — огрызнулся Кэссиди. Нахмурившись, он посмотрел на инвентарный список. — «B148. Автоматические часы, электрическая печь, объединены в одну установку, один комплект».

— Вот он, — ткнул пальцем Бланшар, готовый выбросить их через ближайший иллюминатор, если, конечно, Кэссиди беретса оплатить их стоимость.

Кэссиди продвигался все дальше и дальше, приближаясь к концу списка, и нервное напряжение в кухне продолжало расти. Наконец он достиг критического пункта и произнес: — «B1098. Офес, один».

— Черт побери! — завопил Бланшар с пеной у рта. — Я говорил уже тысячу раз и снова повторяю...

— Офес находится в радиорубке, сэр, — поспешно прервал его Макнаут.

— Вот как? — Кэссиди еще раз взглянул в список. — Тогда почему он числится в кухонном оборудовании?

— Во время последнего ремонта офес был помещен в камбуз, сэр. Это один из портативных приборов, которые находятся там, где они более всего необходимы в настоящее время.

— Хм! Тогда он должен быть занесен в инвентарный список радиорубки. Почему вы не сделали этого?

— Я полагал, что лучше получить ваше указание, сэр.

Рыбки глазки несколько оживились, и в них промелькнуло одобрение.

— Да, пожалуй, вы правы, капитан. Я сам перенесу офес в другой список. — Он собственноручно вычеркнул прибор из списка номер девять, расписался, внес его в список номер шестнадцать и снова расписался. — Продолжим. «В1099. Ошейник с надписью, кожаный, с медными...» Ну ладно, я сам только что его видел. Он был надет на собаке.

Адмирал поставил «птичку» около ошейника. Через час он промаршировал в радиорубку. В середине ее стоял, расправив плечи, Бурман. Несмотря на решительную позу, руки и колени радиоофицера мелко дрожали, а выпученные глаза неотступно следовали за Макнаутом в молчаливой мольбе. Он походил на человека с горячим утюгом в штанах.

— «В1098. Офес, один», — произнес Кэссиди голосом, не терпящим возражения.

Двигаясь угловатыми движениями плохо отрегулированного робота, Бурман взял со стола небольшой ящик с многочисленными шкалами приборов, переключателями и цветными лампочками. По внешнему виду прибор напоминал соковыжималку в кошмарном сне радиолюбителя. Поставив ящик на стол около адмирала, радиоофицер щелкнул двумя переключателями. Цветные лампочки ожили и замигали самыми разнообразными комбинациями огней.

— Вот он, сэр, — с трудом произнес Бурман.

— Ага! — прокаркал Кэссиди и нагнулся к прибору, чтобы получше рассмотреть его. — Что-то я не помню такого прибора. Впрочем, за последнее время наука идет вперед такими шагами, что всех не упомнишь. Он функционирует нормально?

— Так точно, сэр!

— Это один из основных приборов на корабле, — прибавил Макнаут для пущей убедительности.

— Каково же его назначение? — спросил адмирал, поворачиваясь к радиоофицеру и давая ему возможность внести свою лепту в сокровищницу мудрости.

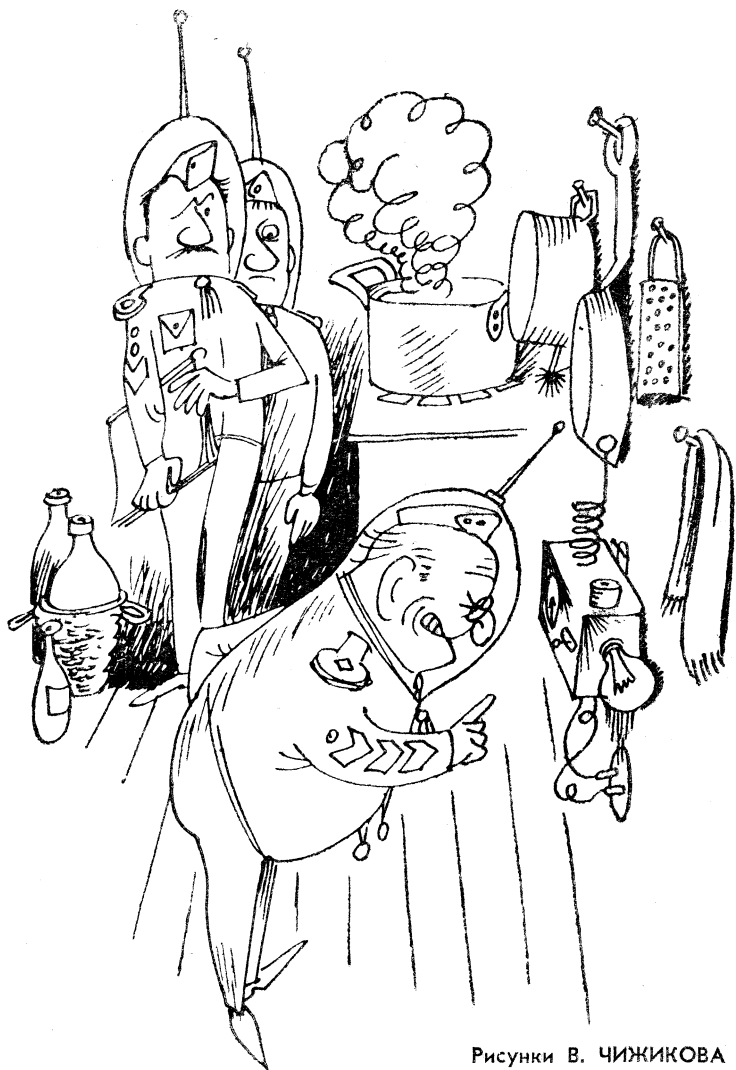
Бурман побледнел.

Макнаут поспешил ему на помощь:

— Видите ли, адмирал, подробное объяснение назначения и функций прибора слишком сложно и запутанно, но вкратце офес позволяет нам установить надлежащий баланс между противоположными гравитационными полями. Вариации цветных огней указывают на степень разбалансировки в уровне и размере гравитационного поля в каждый данный момент.

— Это очень тонкий прибор, — прибавил Бурман, исполненный внезапно отчаянной смелости, — основанный на константе Финагле.

— Понимаю, — кивнул Кэссиди, не поняв ни единого слова. Он устроился поудобнее в кресле, поставил «птичку» около офеса и продолжал инвентаризацию. — «Ц44. Коммутатор автоматический, на 40 номеров внутренней связи, один».



Рисунки В. ЧИЖИКОВА

— Вот он, сэр.

Кэссиди посмотрел на коммутатор и вернулся к списку. Офицеры воспользовались этой минутой, чтобы вытереть пот с лица.

Итак, победа завоевана.

Все в порядке.

В третий раз, ха!

Контр-адмирал отбыл с к.к. «Бастлер» довольный, наговорив кучу комплиментов в адрес капитана. Не прошло и часа, как вся команда кинулась в город продолжать прерванные удовольствия. Макнаут наслаждался веселыми городскими огнями по очереди с Грегори. В течение следующих пяти дней на корабле царили мир и покой.

На шестой день Бурман принес радиogramму в каюту командира, положил ее на стол и остановился, ожидая реакции Макнаута. Лицо радиоофицера так и сияло, что легко можно было объяснить содержанием радиogramмы: **ШТАБ-КВАРТИРА КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ БАСТЛЕРУ тчк ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ НЕМЕДЛЕННО ДЛЯ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА И ПЕРЕОБОРУДОВАНИЯ тчк БУДЕТ УСТАНОВЛЕН НОВЕЙШИЙ ДВИГАТЕЛЬ тчк ФИЛДМАН УПРАВЛЕНИЕ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ СИРИСЕКТОР.**

— Назад на Землю, — прокомментировал Макнаут со счастливым лицом. — Капитальный ремонт означает по меньшей мере месяц отпуска. — Он перевел взгляд на Бурмана. — Передай дежурным офицерам мое приказание: отправиться в город и немедленно вернуть на борт корабля весь личный состав. Когда команда узнает причину тревоги, они побегут сломя голову.

— Так точно, сэр, — ухмыльнулся Бурман.

И спустя две недели, когда Сирипорт остался далеко позади, а Солнце уже виднелось как крошечная звездочка в носовом секторе звездного неба, все продолжали улыбаться. Еще одиннадцать недель полета, но на этот раз лишения были оправданы. Летим домой! Ура!

Улыбки внезапно исчезли в капитанской рубке, когда Бурман явился однажды с неприятным открытием. Он вошел в рубку и остановился посередине комнаты, жуя нижнюю губу и ожидая, пока капитан окончит запись в бортовом журнале.

Наконец Макнаут окончил запись, оттолкнул журнал, увидел Бурмана и нахмурился.

— Что с тобой случилось? Живот болит или что другое?

— Никак нет, сэр. Я просто размышлял.

— А что, это так болезненно?

— Я размышлял, — продолжал Бурман похоронным тоном. — Мы возвращаемся на Землю для капитального ремонта. Знаете, что это означает? Мы уйдем с корабля, и орда экспертов оккупирует его. — Он посмотрел на окружающих с трагическим выражением на лице. — **ЭКСПЕРТОВ**, я сказал.

— Конечно, экспертов, — согласился Макнаут. — Оборудование не может быть установлено и проверено группой кретингов.

— Потребуется что-то большее, чем знания и квалификация, чтобы установить и отрегулировать офес, — напомнил Бурман. — Для этого нужно быть гением.

Макнаут откинулся назад, как будто к его носу поднесли головешку.

— Святой Иуда! Я совсем забыл об этой штуке. Когда мы вернемся на Землю, вряд ли мы сумеем потрясти этих парней своими познаниями особенностей офеса.

— Нет, сэр, не сумеем, — подтвердил Бурман. Он не прибавил слова «больше», но его лицо как бы говорило: «Ты впутал меня в эту грязную историю. Ты должен теперь спасти меня».

Он подождал несколько мгновений, пока Макнаут что-то лихорадочно обдумывал, затем спросил: — Так что вы предлагаете, сэр?

Медленно лицо Макнаута озарилось довольной улыбкой, и он ответил:

— Разбери этот дьявольский прибор и кинь его в дезинтегратор.

— Это не решит проблемы. У нас все еще будет не хватать одного офеса.

— Нет, не будет. Я собираюсь сообщить о его гибели в связи с непредвиденными обстоятельствами и трудными условиями космического полета. — Он выразительно подмигнул Бурману. — Мы находимся сейчас в свободном полете. — С этими словами он протянул руку за блокнотом с бланками радиogramм и написал, не замечая ликующего выражения на лице Бурмана: «К. К. БАСТЛЕР ШТАБУ КОСМИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ НА ЗЕМЛЕ тчк ПРИБОР 1098 ОФЕС РАСПАЛСЯ НА СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ПОД МОЩНЫМ ГРАВИТАЦИОННЫМ ДАВЛЕНИЕМ ВО ВРЕМЯ ПРОХОЖДЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЕ ДВУХ СОЛНЦ СЕКТОР МЕДЖОР МАЙНОР тчк МАТЕРИАЛ БЫЛ ИСПОЛЬЗОВАН КАК ТОПЛИВО ДЛЯ РЕАКТОРА тчк МАКНАУТ КОМАНДИР БАСТЛЕРА».

Бурман выбежал из капитанской рубки и немедленно радировал послание капитана Земле. На следующее утро, когда он снова вбежал в рубку, он выглядел озабоченным и встревоженным.

— Циркулярная радиogramма, сэр, — объявил он, тяжело дыша, и всунул послание в протянутую руку капитана.

ШТАБ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ВО ВСЕ СЕКТОРА тчк ВЕСЬМА СРОЧНО И КРАЙНЕ ВАЖНО тчк ВСЕМ КОРАБЛЯМ НЕМЕДЛЕННО ПРИЗЕМЛИТЬСЯ В БЛИЖАЙШИХ КОСМОПОРТАХ тчк НЕ ВЗЛЕТАТЬ ДО ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ тчк УЭЛЛИНГ КОМАНДИР СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ЗЕМЛИ.

— Случилось что-то серьезное, — заметил Макнаут, ничуть не обеспокоенный. Он лениво встал и двинулся в штурманскую рубку. Там он посмотрел на карты, набрал номер на внутреннем телефоне и, когда Пайк на другом конце провода поднял трубку, распорядился: — Принят сигнал тревоги. Всем кораблям дан приказ приземлиться. Нам придется повернуть к космопорту Закстедпорт, примерно в трех летных днях отсюда. Немедленно изменить курс. Семнадцать градусов на правый борт, наклонение десять. — Он бросил трубку и проворчал: — Мне никогда не нравился Закстедпорт. Вонючая медвежья дыра. Пропал наш месячный отпуск. Представляю, какое настроение будет у команды. Впрочем, я не могу их винить в этом.

— Как вы думаете, что случилось, сэр? — спросил Бурман. Он выглядел каким-то беспокойным и удрученным.

— Это одному богу известно. Последний раз циркулярная радиogramма была послана семь лет тому назад, когда Старайдер взорвался на полпути между Землей и Марсом. Штаб приказал всем кораблям оставаться на Земле, пока они расследовали причины катастрофы. — Он потер подбородок, подумал немного и продолжал: — А перед этим была разослана цирку-

лярная радиограмма, когда вся команда к.к. «Блоуган» сошла с ума. Что бы это ни было, это серьезно. Рано или поздно нам сообщат об этом. Мы узнаем о причине еще до того, как достигнем Закстеда.

Действительно, им сообщили. Уже через шесть часов Бурман ворвался в капитанскую рубку с лицом, искаженным от ужаса.

— Что теперь произошло? — потребовал Макнаут, сердито глядя на радиоофицера.

— Этот офес, — едва выговорил Бурман. Его руки конвульсивно дергались, как будто он сметал невидимых пауков.

— Ну и что?

— Это была опечатка. В инвентарном списке должно было быть написано «оф. пес».

Командир смотрел на Бурмана непонимающим взглядом.

— Оф. пес? — переспросил он, произнося слово, как ругательство.

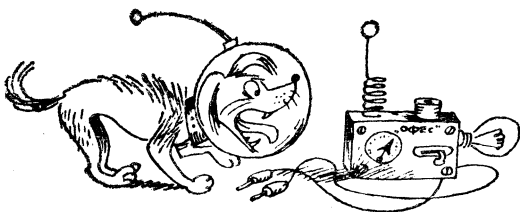
— Смотрите сами. — С этими словами Бурман бросил радиогамму на стол и стремительно выскочил из рубки, забыв закрыть дверь.

Макнаут недовольно хмыкнул и взглянул на радиограмму.

ШТАБ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ БАСТЛЕРУ
тчк ПО ПОВОДУ ВАШЕГО РАПОРТА О В1098 ОФИЦИАЛЬ-
НОМ КОРАБЕЛЬНОМ ПСЕ ПИЗЛЕЙКЕ тчк НЕМЕДЛЕННО
РАДИРУЙТЕ ВСЕ ПОДРОБНОСТИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
ПРИ КОТОРЫХ ЖИВОТНОЕ РАСПАЛОСЬ НА СОСТАВ-
НЫЕ ЧАСТИ ПОД МОЩНЫМ ГРАВИТАЦИОННЫМ НА-
ПРЯЖЕНИЕМ тчк ОПРОСИТЕ КОМАНДУ И РАДИРУЙТЕ
ВСЕ СИМПТОМЫ ИСПЫТАННЫЕ ЧЛЕНАМИ ЭКИПАЖА
В МОМЕНТ НЕСЧАСТЬЯ тчк ВЕСЬМА СРОЧНО КРАЙНЕ
ВАЖНО тчк УЭЛЛИНГ СПАСАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА КОСМИ-
ЧЕСКОГО ФЛОТА.

Закрывшись в своей каюте, Макнаут начал грызть ногти. Время от времени он, скосив глаза, проверял, сколько осталось, и продолжал грызть.

Перевел с английского
И. ПОЧИТАЛИН



Испытание

Рассказ

Африканец лет тридцати пяти быстро шагал в шумной разноплеменной толпе. Англичане и буры, арабы и китайцы, индейцы и греки — все спешили куда-то, говорили громко. В Йоганнесбурге всегда все спешат, все чем-то озабочены. Генри Мкизе старался не привлекать к себе внимания. Причины для этого были: его искала полиция. Широко поставленные глаза Мкизе выискивали шпигов в толпе. За последнее время он научился распознавать их почти безошибочно.

Вечернее солнце глядело в щель между небоскребами. Красное пламя полыхало в окнах домов, металось по стеклам мчащихся автомобилей. С песчаных отвалов золотых рудников ветер тянул над городом кисейную занавесь пыли.

На углу Плейн-стрит двое буров с белыми повязками на рукавах подошли к Генри Мкизе.

— Стой! — приказал поджарый, с втянутыми щеками. В голосе его лязгнула сталь. — Пропуск!

Мкизе смотрел на добровольцев с равнодушным, непроницаемым видом. Лишь слегка вздрагивали ноздри его прямого носа с небольшой горбинкой. Неторопливым движением вынул он документы. Предъявил. Рассеянно посмотрел в сторону. Но острое ощущение опасности захлестывало Мкизе. Вот она, смерть, в образе абелунгу — белых людей — с неприязненными лицами и винтовками за плечами. По улице проехал грузовик



Рисунки С. ПРУСОВА

с полицейскими. У оружейного магазина вытянулась очередь европейцев. После расстрела демонстрации африканцев в Шарлэ ожидали восстания.

Бур читал документы, переводя взгляд с бумаг на человека. Потом, щуря глаза, холодно осмотрел крепкую высокую фигуру Генри, сплюнул сквозь зубы ему под ноги.

— Из какой локации¹!

— Морока.

— Почему нет пометки о разрешении посещать центр города?

— Есть. На девятой странице.

— Ты как разговариваешь?

— Я отвечаю на ваши вопросы, — низкий голос Мкизе звучал спокойно.

Бур вернул документы.

— Проваливай!

В подземном переходе вокзала среди людей с узлами на головах и чемоданами в руках Мкизе заметил невысокого тонкого в кости Тома Аплани, прислонившегося к стене. Длинные, спускающиеся на воротник волосы делали его приметным в толпе. Аплани курил и, казалось, скучал. Дерзкий взгляд его встретился с взглядом Генри, спокойным и веселым. Пошли рядом в потоке людей.

¹ Локация — пригородное поселение, отведенное специально для африканцев. Африканцам не разрешено жить в городе.

— Джим Твала еще не пришел, — говорил Аплани, не глядя на Генри. — Что с ним, не знаю.

Втроем они должны были ехать на совещание подпольного Африканского общества свободы¹. Джим Твала тайно перешел границу и привез кучу важных новостей. Совещание будет интересным.

Вокзал кишел полицейскими. В случае тревоги отсюда не выбраться. С тех пор как Мкизе стал командиром вооруженной группы «Умконто ве Сизве» — «Копья Народа», — отдел безопасности неотступно идет по его следу. Генри подумал, что не следовало бы Джиму Твале рисковать и ехать сегодня с ним и Аплани. Но исполком Африканского общества решил, что именно Мкизе должен доставить Твалу — представителя эмигрантского бюро общества — на эту встречу.

Толпа, ожидавшая электропоезд, росла. Твала не появлялся. Генри и Аплани напрасно искали его среди пассажиров.

Пошел поезд. Люди ринулись к вагонам, тесня друг друга. Платформа опустела. Осталось лишь четверо европейцев. В одном из них Генри сразу узнал агента секретной полиции. Вот оно, начинается!

Четверо направились к ним.

— Пошли! — бросил на ходу Генри.

— Смотри! — Аплани глазами указал на другой конец платформы.

Оттуда приближались еще двое. Попались! Капкан захлопнулся.

Поезд тронулся, набирая скорость. Некуда бежать. Генри сунул руку в карман пиджака, где лежал пистолет, и в тот же момент кто-то подскочил сзади, стиснул локти. Мкизе яростно рванулся, упал на асфальт платформы вместе с противником. Уже лежа, успел заметить, как Аплани, стремительный и верткий, проскочил между агентами. Уходя от погони, он прыгнул на пролетавшую электричку, вцепился в поручни. Рывок подбросил Аплани почти горизонтально. «Упадет!» Но Аплани уже встал на узкую ступеньку тамбура, торжествующе обернулся, помахал рукой.

Генри подняли. Щелкнули на запястьях кандалы. Подталкиваемый в спину, он зашагал между европейцами.

Квела-квела² уже ждала их на площади.

Генри тяжело дышал. Грудь распирала злоба. Так глупо попасться! Хорошо хоть, что на свидание не пришел Твала. Твала — нужный человек для освободительного движения. Лишь только Твала перешел границу, как полиция Фервурда уже знала о нем. Все это было делом рук Фолохоло — агента полиции, засланного в ряды Сопротивления. Даже из могилы шпион продолжал наносить удары. Вооруженная группа Мкизе укрывалась в локациях. И секретная служба, если она засекала группу, могла без особого труда выловить ее. Сидя между полицейскими, Генри с болью думал об Анне. Она осталась совсем одна. Их тайно рожденную дочь — мулатку (закон запрещает брак между белой и африканцем) пришлось отправить к его чернокожей

¹ В рассказе названия демократических подпольных организаций ЮАР изменены автором.

² Квела-квела — тюремная машина (жаргон, зулу).

матери в резервацию. Как Анна не хотела расставаться с дочерью! И теперь арестовали его. Они никогда не жили вместе — полиция не допустила бы этого. И все же Анна принесла ему счастье, счастье, о котором другие только мечтают. Генри вспомнил, как он увидел Анну в первый раз, на вечере у приятеля-европейца. Тогда он, Генри, был молодым и учился в Витватерсрандском университете. Блондинка с темно-синими глазами. Соперник — властный и глуповатый Те Ваттер, распристразнявшийся о своем расовом превосходстве. В тот вечер Анна не обратила на Генри внимания. Она, правда, танцевала с ним, чтобы досадить назойливому Те Ваттеру. Генри отлично это понял. И все же он был благодарен судьбе за эту далекую, первую встречу...

...Мкизе ввели в камеру, и железная дверь закрылась за ним. На соломенных циновках сидели, чинили одежду десятка два заключенных. Ни одного белого. В Иоганнесбургской тюрьме строже, чем где-либо, соблюдают апартеид — разделение по расам.

Мкизе сел на циновку. Деревенский парень рассказывал вполголоса свою историю. За что его арестовали? Он только сказал что-то о млунгу — белом человеке. Старый высохший знахарь медленно кивал головой. Знахарь ошибся, дал не то лекарство белой пациентке, которая просила его вернуть мужа. И она умерла.

У интеллигентного вида африканца лицо было в кровоподтеках, крахмальный воротничок разорван. Он «устроил демонстрацию»: сел в автобус, предназначенный только для европейцев. Когда его выгоняли, он сопротивлялся.

Парень со шрамом во всю щеку, по виду цоци¹, подсел к Генри.

— Мы видим тебя, зулус. — В хитрых глазах нескрываемое любопытство.

— И я вас вижу, — неохотно ответил Генри на традиционное приветствие.

— За что взяли, учитель! — Учитель в устах цоци означало «интеллигент».

Мкизе равнодушно посмотрел на парня, не ответил.

Часа через два вызвали на допрос. Камеры в длинном коридоре гудели голосами. Много народу сидит в отделе безопасности. На лестнице охранники взяли Генри за руки, чтобы не прыгнул как-нибудь ненароком в лестничный проем.

Просторная светлая комната, куда его ввели, была раньше кабинетом чиновника. Теперь она походила на сарай. На деревянных полках лежали клещи, хлысты, кандалы, бутылки. На полу стояло нечто похожее на собачью конуру. На паркете — бурые пятна. «Ну, держись, Генри Мкизе!»

За непокрытым столом сидел человек с холодными белесыми глазами — следователь отдела безопасности Оуде. В углу на стульях — два его помощника. Следователь окинул арестованного цепким взглядом, приказал подойти ближе.

Генри не отказывался от своего имени. Многие могли опознать его — одного из секретарей Африканского общества свободы и журналиста газеты «Ассагай».

¹ Цоци — бандит, хулиган (зулу).

— За что меня арестовали?

— Еще спрашивает! Заговор против законного правительства. Взрыв динамитного завода! Нападения на вооруженные патрули европейцев. Наш человек Фолохоло — дурачье вы! — все рассказал нам.

— Я здесь ни при чем.

— Нам твою ерунду некогда слушать. — Оуде не повышал голоса, не сердился. Он берег свои нервы. — Кто был с тобой сейчас на вокзале? Нечего удивляться. Он удрал на поезде. Выскользнул как намыленный.

— Цоци какой-то.

— С тобой был Джим Твала! Откуда он прибыл?

— Я не видел Твалу уже много лет.

Белесые глаза испытующе смотрели на бесстрастное лицо арестованного. Этот Мкизе ничего не расскажет по доброй воле. «Красные» держатся на допросах стойко.

— Это Твала! — с фотографии на Генри глядел африканец с большими залысинами на лбу, выдающейся вперед нижней губой и маленькой выющейся бородкой. Лицо Твалы добродушно улыбалось.

— Нет.

— Врешь. Я допрашивал его однажды. Хорошо. Сколько террористов в твоей группе?

— Я не террорист. Я против террора. — В низком голосе Генри не было страха. — Я хочу только равных с европейцами прав.

— Хорошо, но сколько же террористов в твоей группе?

— У меня нет группы.

— Не хочешь отвечать? Ты отсюда не уйдешь, пока не расскажешь все о Джиме Твале и этих своих «Копьях Народа». Ты один из организаторов диверсионных групп.

Помощники повалили Мкизе на стол, приковали руки и ноги кандалами к ножкам стола. На мизинцы рук надели медные манжеты с проводами. Палач вставил штепсель в розетку. Генри ударило током. Болью свело мышцы. Дыхание остановилось. Чудовищная боль пронзила тело. Палач включал и выключал ток. Откуда-то издалека доносились негромкие спокойные вопросы следователя:

— Где скрывается Твала?

— Кто из лидеров Африканского общества командует группами «Копий Народа»?

Генри тяжело дышал, оскалив зубы.

— Не нравится тебе? А что ты сделал бы со мной, если бы мы захватили власть? Где прячется Твала?

Назад Мкизе почти тащили. Он упал на циновку и остался неподвижным.

Вечером снова на допрос.

Несколько дней спустя привели Майкла Тома. Мрачноватый, худой, с длинными ногами и короткими руками, он выглядел физически слабым, даже немного болезненным. Генри никогда не встречал его раньше, но слышал о нем. Когда-то Майкл Тома был клерком в молочной фирме. Теперь, так же как и Генри, командовал одной из групп «Копьев Народа». Это Тома организовал побег заключенных из тюрьмы. Переодевшись подметальщиком, он средь бела дня во время обеда

выкрал из полицейского участка папку со списком участников освободительного движения. Мкизе смотрел на него с интересом и удивлялся, что в хилом теле жил такой храбрый и неукротимый дух. Тома мрачно осмотрел камеру и лег на циновку в углу, отдельно от всех.

Вслед за Тома в камере появился Питер — боец из группы Мкизе. Питер был избит, угнетен, подавлен. Мкизе подозревал, что всех их собрали вместе, чтобы подслушивать разговоры.

На допрос вызывали каждый день.

Следователь Оуде был упорен. Особенно хотелось ему заставить говорить Мкизе. Но Мкизе, выдержанный, умный, хитрый, был крепок и осторожен.

К концу второго месяца лица Мкизе от побоев превратилось в чудовищную маску. Сквозь щелочки проглядывали глаза. В волосах — колтун от спекшейся крови. Теперь ему не давали отдыхать. В понедельник утром его поставили в круг, обведенный мелом. Это называется «делать статую». Следователи сменяли друг друга, а Мкизе все стоял и стоял на одном месте. Если он падал, его поднимали током. Путались мысли. На вторые сутки Мкизе совсем переселился в царство видений. То он, молодой и счастливый, стоял на вершине огромного песчаного отвала золотых рудников и вместе с Аплани смотрел на залитые солнцем небоскребы Йоганнесбурга, против власти которых они поклялись бороться. То попадал на ферму бородатого плантатора Фан Снимена, и отряд «Оссева брандваг»¹ со свастиками на рукавах гнался за ним по ночному вельду. То, как в тумане, опять видел лицо следователя.

На третье утро, когда Оуде, выспавшийся, бодрый, пришел в кабинет, Мкизе не выдержал и заснул. Ни пинки, ни ток не могли уже поднять. Все спало в нем. Только сердце, неутомимый труженик, продолжало гнать тяжелую кровь во все уголки его крепкого тела...

В камере все подвергались пыткам. У Майкла Тома опухла от удара щека. Через лоб шла ссадина. Вся одежда была разорвана. С допросов он приходил всегда мрачный и озлобленный. Ни с кем не разговаривал. Только раз он перекинулся несколькими словами с Мкизе.

— Как выйду отсюда, — сказал он свирепо, — первым, кого я разыщу, будет этот следователь Оуде.

Питер, впечатлительный и мягкий, от пыток превратился в сплошной клубок нервов. При одном виде следователя, жестокого, как торговец рабами, его охватывала дрожь. В этот день Питера привели на допрос уже во второй раз.

— Ну, где прячется Джим Твала! — бесстрастно спросил Оуде.

— Не знаю, баас².

Следователь взглянул на помощников. Питеру надели наручники, приказали сесть, обхватить руками колени. Между руками и коленями продели палку. Теперь он не мог даже разо-

¹ «Оссева брандваг» — фашистская организация, близкая по духу гитлеровским национал-социалистам. Буквально: «Охрана возов, запряженных волами» (африкаанс).

² Баас — господин, хозяин (африкаанс).

гнуться. На голову ему натянули мешок из прозрачной пластмассы, завязали его на шее. При вдохе мешок облеплял лицо. При выдохе раздувался. Двое били его резиновыми шлангами по спине, по шее. Питер кричал. Он задыхался. Полыхало в груди, горело в легких, горели, плавились глаза: Питер падал в раскаленную душную глубину. Огненные шары обжигали, с шумом разбивались о голову...

Он очнулся. Следователь сидел вполоборота к нему, ждал.

— Хорошо. Кто из Африканского общества, кроме Твалы, ездил за границу?

— Не знаю. — Сердце Питера стучало, словно перегретый мотор. Питер не мог больше выносить пыток. Он хотел умереть, чтобы все прекратилось.

— Не желаешь говорить? Наденьте-ка ему еще:

Питер повалился на бок, стараясь разорвать прочный пластмассовый мешок о пол. Удары шлангов жгли тело. Мешок душил его.

— Снимите! — кричал он. — Снимите, проклятые! — Мешок то раздувался, то залеплял ему рот.

— Ну, снимите. Что скажешь? Не нравится тебе упаковка?

Питер дрожал, как паровая машина...

Лицо Питера было в крови, когда его привели в камеру. Не отвечая на расспросы, лег на циновку.

Утром его вызвали первым. Он поднялся, поникший, и подошел к Мкизе.

— Прощай.

— Что с тобой! — Генри взял Питера за плечи, заглянул в глаза.

— Не могу больше. Вчера я дал им адрес Джима Твалы, неправильный. Сегодня, конечно, уже проверили. Вызывают. Больше не могу. Прощай. Если выйдешь отсюда, передай привет всем нашим. И бейте, бейте их, гиен!

— Тебя отправляют куда-нибудь?

Питер не ответил.

Он медленно поднимался по лестнице, ничего не видя перед собой. Мысли медленно, но уверенно разматывались, принимая одно направление.

Он вошел в кабинет. Помощники следователя подступили к нему.

— Не надо, — нервно сказал Питер. — Я буду говорить. Пусть они выйдут.

— Давно бы. Наденьте ему браслеты. Надеюсь, йонг¹, наручники не помешают тебе!

— Пусть выйдут.

Питер проводил помощников взглядом, сделал несколько шагов к двери, постоял прислушиваясь. Потом повернулся. Глаза его, мутные, налитые кровью, оглядели комнату. Грязноватый паркетный пол, покрытые рисунками обои, покосившаяся скамейка, яркие лучи солнца, врывавшиеся в окно... Лютая, страшная действительность встала перед ним. Сейчас и люди и весь мир уйдут в небытие. Мир, который он так любил, останется здесь, а он уйдет, уйдет к тем, кто внизу. Вдали за окном синело

¹ Йонг — парень (африканс).

голубое небо, плыли легкие облачка. «Все, все в последний раз». Мысли Питера окрепли. Конеч! Из горла его вдруг вырвалось рычание. Он ринулся к столу, огляб его справа. Оуде увидел перед собой перекошенное лицо, сверкающие глаза. Ткнув пальцем в кнопку звонка и повалив стул, он кинулся в сторону, но Питер промчался мимо. Выставив скованные кандалами руки, он страшно вскрикнул и изо всех сил метнул свое тело головой вперед в широкий проем окна. Его резануло по лицу. Зазвенело разбитое стекло. Глубоко внизу, словно дно пропасти,—черная асфальтовая дорога, заполненная машинами. Рядом—вертикальная, перевернутая стена дома, нависшая над голубым провалом неба. Сжалось сердце от нарастающей скорости. Остановить падение, ухватиться за что-нибудь! Но этажи мелькали, летели мимо. Неумолимо надвигалось полотно асфальта, Питер понял, что упадет перед радиатором сверкающей лаком машины. За короткое мгновение мать, отец, мальчишки из светлого детства, бойцы «Копий Народа» пронеслись перед его мысленным взором. Бородатый Джим Твала, которого он все-таки не выдал, добродушно улыбнулся ему. Твердый асфальт ринулся навстречу. Питер не почувствовал боли. Темнота всплеснулась, закрыла собою весь мир...

Ночью в камере стояли крик и стоны. За стеной кто-то по-мрачившийся в рассудке пел и танцевал. Тюрьма была переполнена. Арестованных некуда было помещать. Их отправляли в концлагеря, некоторых тайно передавали истребительным отрядам.

Мкизе и Майкла Тома вывезли ночью. Вместе с ними отправили и Джабулани — веселого крепкого парня, которому тюремщики выбили зубы, и во рту его темнел провал.

Поезд двигался по пустыне. Песчаные дюны сменялись безжизненными каменистыми равнинами. В растрескавшихся от зноя ложах рек изредка виднелись колючий кустарник да бурая жесткая трава. Все вымерло, все выгорело. Только ветер носился неумолимо, вздымая коричневые облачка. От жары в поезде нечем было дышать. На лавках толстый слой красной пыли. Пыль в волосах. Пыль на лице, пыль во рту.

Утром арестованных пересадили в тюремную автомашину.

В окошке песчаные холмы, перевеваемые ветром, да неистовое солнце. Иногда вид пустыни менялся. Появлялись сухой кустарник и одинокие деревья. На песчаной равнине золотились пучки высохшей травы.

Машина катила по проложенной в песке колее. Метнувшись от автомобиля, перепрыгивая друг через друга, газели-прыгуны. Три страуса остановились на безопасном расстоянии, долго провожали машину глазами.

На следующий день добрались до концентрационного лагеря. Вышли из машины. Яркий, слепящий свет. Вокруг ряды колючей проволоки со сторожевыми вышками. Зарешеченными окнами смотрел на лагерь барак.

Прошла колонна заключенных африканцев. Все в красных арестантских рубашках. Надсмотрщики, разморенные жарой, покрывали на отстающих.

Так началась жизнь в лагере.

Утром после проверки повели на плац. Построили в круг.

По команде тюремщика заключенные ввалили на спину по мешку с песком. Генри стоял рядом с утомленным, изможденным африканцем. Глаза человека блестели лихорадочным блеском.

— Бегом!

Сначала все бежали не торопясь. Но надсмотрщики подгоняли, и кольцо людей постепенно ускоряло движение. Генри старался не тратить сил. Они еще пригодятся ему. Но мешок с теплым песком давил к земле. Горело в легких, щипало от пота веки. Вращались, плыли назад вышки с часовыми. Кружилось над головой солнце. Генри не сдавался. Худого африканца впереди него качало из стороны в сторону. Жилистые ноги его разъезжались по песку. И вдруг он, не выдержав, остановился, расстроил весь круг.

И здесь Генри узнал, что это был за лагерь.

Старший надзиратель Гофман, сухопарый широкоплечий немец лет пятидесяти, не закричал, не вышел из себя. Только лицо его приняло жестокое и деловое выражение. Говорили, что Гофман сбежал в Южную Африку из Германии, где служил во время войны в лагере смерти.

— Вперед! — Гофман повел автоматом в сторону заключенного.

— Гиена ты! — Африканец тяжело дышал.

— Бегом! — Автомат поднялся на уровень груди заключенного. «Беги, — шептали вокруг, — беги!» Но африканец не мог двигаться. «Неужели выстрелит!» — подумал Мкизе и тотчас услышал одиночный выстрел. Генри заметил, что лицо Гофмана сохранило будничное выражение. Костлявый африканец повалился на песок. По знаку надсмотрщика уголовники — их было несколько человек в лагере — подняли и понесли тело убитого с плаца.

Все молчали. Сцена, по-видимому, была обычной в лагере. Лишь Майкл Тома прошипел: «Мамба»¹.

Это был лагерь смертников. Сюда попадали только «коммунисты», «красные» и отчаянные рецидивисты. Сотня политических заключенных была обречена. Их уничтожали постепенно, одного за другим.

Обо всем этом шепотом рассказал Мкизе его сосед по полке, зулус лет сорока, руководитель непризнаваемого правительством профсоюза текстильщиков. На пробитой каким-то тупым предметом щеке его зияла незаживавшая рана. На следующий день его самого увели из барака. Ни ночью, ни утром он не вернулся. Он ушел навсегда, вслед за десятками тех, кто был перед ним.

Тома, мрачный, обеспокоенный, сказал Мкизе:

— Уходить надо.

— Есть какой-нибудь план!

Плана побега у Тома не было.

В лагере не хватало воды. Ее привозили в цистернах. Заключенный дорожил своей порцией воды больше, чем обедом.

Однажды в столовой к беззубому Джабулани, который приехал с Мкизе и Тома, подошел уголовник. Он был развязан и держался вызывающе.

¹ Мамба — змея.

— Слушай ты, ситуация, — обратился он к Джабулани, — отнеси свою воду Мписи.

Мписи был главарем рецидивистов в лагере.

— Вот твоему Мписи, — Джабулани показал большой кулак и засмеялся беззубым ртом. — Видели шакала, воду ему!

— Отойди! — с угрозой сказал Генри уголовнику. — Отойди, я сказал!

Майкл Тома вылез из-за стола, подошел к цоци. В его долговязой фигуре и нарочито медлительной походке было что-то угрожающее, зловещее.

— Ты что же! — прошипел он сквозь оскаленные сжатые зубы и вдруг сгреб цоци за ворот красной рубахи. — Хочешь, я сделаю твой длинный череп сладким!

Но цоци в ответ хватил Майкла кулачищем по лицу.

Рядом с ними вырос надсмотрщик Опперман. Толстый, лысый, он редко кричал на заключенных и почти никогда не дрался. Он оттолкнул Тома и молча залепил цоци оплеуху. Тот едва устоял на ногах, но убежать не посмел. Вытянув руки по швам, он отрапортовал по лагерному уставу:



— Благодарю, баас.

Баас наподдал ему еще раза два, и цоци дважды поблагодарил «за учение».

— Пшел!

Слово это сдуло уголовника с места, будто ветер пух с цветка. Он ринулся из столовой, расталкивая заключенных.

Казалось, на этом столкновение и окончилось. Но, видно, над Джабулани уже был занесен меч. На другой вечер, когда заключенные шли спать, два надсмотрщика остановили его у барака.

— Ну, моя очередь, — сказал Джабулани упавшим голосом.

— Может, на допрос! — сказал Мкизе. Но сам он был уверен, что его новому другу пришел конец.

— Если спасешься, Расскажи жене, Генри...

— Иди, иди! — надсмотрщик с рыжей щетиной на щеках толкнул Джабулани. — Все вы спасетесь.

Подталкиваемый в спину тюремщиками, Джабулани растворился в вечернем мраке, ушел навсегда из жизни Генри.

— Видел! — сказал на следующий день Тома. — А Джабулани ведь с нами приехал. Мы следующие.

Генри и сам думал об этом.

Каждый день исчезали два-три политзаключенных. Смерть кружилась над Мкизе и Тома, и круги все сужались.

Как-то утром половину заключенных построили и вывели за ворота в пустыню.

— Что-то затеяли, — мрачно сказал Тома, шагая рядом с Генри. Тома обливался потом. Он очень ослаб за последнее время.

Нестерпимо палило солнце. В высоком выцветшем небе падали орлы. Горячая пыль обжигала лицо.

— Захватить бы охрану, брат. Их всего четверо, — шептал Тома. — Куда нас ведут!

Остановились около каменоломни. По команде надсмотрщиков каждый взял по камню, и колонна отправилась обратно. Администрация решила строить себе новый дом и запасалась материалом.

В каменоломню стали ходить часто.

Поднимаясь на песчаные дюны, Мкизе всматривался в даль, глядел на дрожащий в мареве горизонт. Сколько дней идти через пустыню! Что ждет путника там, в глубине ее!

Лагерь был обнесен колючей проволокой. Между рядами проволоки — сторожевые собаки. На вышках — часовые. Трудно выбраться. А где взять воду и пищу!

Но случилось непредвиденное.

Толстый Опперман, оказавшись как-то наедине с Мкизе, сказал хмурясь:

— Вам надо уходить. Я помогу.

Мкизе будто не слышал.

— О нашем разговоре — никому, даже вашему другу. — Опперман улыбнулся и добавил: — Привет от Аплани и Джима Твалы. Оба на свободе. Скоро приедет машина, и тогда...

Генри не верил Опперману. Он понимал: его, одного из секретарей Африканского общества свободы, не так-то просто «убрать» без шума. О нем еще вспомнят. А вот если он попы-

тается убежать и будут свидетели, тогда другое дело. Но вдруг Опперман все же говорит правду! Может быть, он связан с Демократическим обществом европейцев, в котором состоит и его Анна. Почему бы и нет?

Дело было опасное. Генри ничего не сказал Тома. Достаточно одного неосторожного слова. В лагере шпионов полно. Ну, а если Опперман все-таки провокатор!

На следующее утро Опперман сказал:

— Завтра вас передают истребительному отряду. Грузовик, на котором я хотел вывезти вас, придет только дня через три.

Генри почувствовал, как противный холодок разливается в груди, ползет к животу.

— Я вас предупредил. Дальше действуйте сами, и немедленно. Больше ничего не могу сделать.

Что предпринять? Завтра выведут его со связанными руками в пески. Солдат из истребительного отряда приставит к затылку дуло винтовки...

В этот день в пустыню не ходили. Складывая в кучи камни, Генри ощупывал взглядом проволочную изгородь. В одном участке проволока была заплетена неплотно. Но найдешь ли это место ночью! Может быть, придется пролезть под огнем. Да еще собаки.

Ночью он соскользнул с нар, тихо подошел к окну. Подтянувшись, заглянул в него. Часовой на вышке дремал. Не мешкая, Генри принялся копать руками песок у стены. Выбраться нужно до утра, уйти из лагеря в темноте.

Снаружи доносилось ровное постукивание бензинового движка. Работа продвигалась медленно.

Генри разогнул усталую спину и почувствовал, что сзади кто-то шевелится, наблюдает за ним. А что, если шпион поднимет тревогу! Генри прислушался. Затаив дыхание он прошел на цыпочках мимо нар. Всмотривался в ряды спавших. Кто из них поднимался! Все спали. Все. Видно, показалось ему.

Мкизе снова принялся за работу и вскоре наткнулся на естественное каменное основание, на котором покоился фундамент. Генри расширил яму и пытался выломать камень по частям, но глыба не поддавалась. Генри, усталый, потный, осмотрелся. Тусклый рассвет проникал в зарешеченное окно. Все! Неужели конец всему!

На нарах спали. Он забросал яму песком, умял его и лег на свою полку. Едва он забылся тревожным сном, как прозвучал подъем.

Наступил день. Когда они собираются передать его истребительному отряду — сразу утром или дождутся ночи!

После проверки Опперман повел его и нескольких заключенных на склад носить ящики с консервами. Выбрав минуту, когда они остались одни, Опперман сказал:

— Уходите сейчас же. Будет поздно.

Генри взглянул на него пристально.

— Ло! Как же уйти! Лезть под огонь часовых!

— Придется пройтись по Калахари. Километров сто — сто пятьдесят. Сейчас отправляемся в каменоломню. В отряде будет

на одного человека больше. В лагерь не возвращайтесь. До вечерней поверки не хватятся.

Мкизе не сводил глаз с лица Оппермана: друг или провокатор?

— За каменоломней под сухим кустом я спрятал для вас деньги, воду, консервы. Держите все время на юго-восток.

Мысли Генри приняли решительное направление. Похоже, что охранник говорит искренне. А что ему, Генри, терять?

— Спасибо, Опперман. Надеюсь, встретимся при других обстоятельствах.

Рыжие брови Оппермана поднялись. В глазах хитрые искорки.

— Благодарить обождите. Сначала выйдите из пустыни. Больше ко мне не подходите.

Заклученных строили по пяти человек в ряд. Генри, чтобы помочь Опперману, встал в ряд шестым.

Колонна двигалась медленно. Генри смотрел в широкую сутулую спину африканца. Только пройти ворота. А там он сумеет найти дорогу.

Стоя на возвышении, Опперман, коротконогий, полный, отсчитывал ряды заключенных, покрикивал:

— Проходи, торопись, проходи!

Вот ряд, в котором шел Мкизе, поравнялся с ним. Генри стиснул зубы. Вечность прошла, прежде чем прозвучало:

— Проходи!

Впереди у ворот — Гофман. Теперь Генри уж не мог выйти из ряда. Он принял решение: если надсмотрщик заметит лишнего в ряду, он прыгнет к нему, вырвет автомат и кинется, отстреливаясь, в пустыню. Если придется умереть — так в бою. И сразу стало спокойнее. Генри приближался к воротам, спокойный и решительный. Широко поставленные глаза его неотрывно следили за надсмотрщиком. Вот сутулый африканец приблизился к воротам, вот прошел их. Сердце бьется тяжело, сильно. Гофман смотрит внимательно. Мкизе второй от края. Заметит или нет?

И в этот момент Опперман крикнул:

— Сколько должно быть!

— Пятьдесят. — Только на миг повернул Гофман голову, но этого было достаточно. Мкизе уже за воротами. Свежий ветер дул в лицо. Горьковатый запах полыни щекотал ноздри, наполнял грудь чем-то радостным, давно забытым. «Вышел! Спасен. Не предал, не подвел Опперман!»

В каменоломне Майкл Тома, худой, оборванный, не отходил от него. В последнее время Генри сдружился с ним. Генри стало стыдно за свое счастье, стыдно, что позабыл о друге. Ведь Майклу тоже грозила смерть. Но если взять Тома с собой, то о победе узнают сразу. Нет, все же товарища бросить нельзя.

Шепотом сообщил Генри, что произошло. Глаза Тома загорелись.

— И я с тобой, брат.

— Я не знаю, что станет с нами.

— Зато я знаю, что будет со мной, если я не пойду. Ты правильно сделал, брат, что берешь меня. Мы перейдем пустыню. Со мной не пропадешь.

Спустя минуту Генри и Майкл незаметно скрылись за выступом скалы.

У сухого куста нашли рюкзак. Кроме фляги с водой, консервов, спичек и денег, в нем лежали еще пистолет, шляпа и простая — не красная — рубашка. Не обманул Опперман.

Несколько часов, задыхаясь от жары, уходили они подальше от лагеря. Над мертвыми песками Калахари ветер гнал столбы пыли. Прикрытое мутной коричневой занавесью, стояло над головой солнце. Раскаленные песчинки осами кусали лицо. Горячий воздух сушил рот и легкие. Генри и Тома бежали, увязая в песке, торопливо скатывались по крутым спинам дюн. Иногда пески сменялись каменными равнинами. Раскаленные серые волны в беспорядке громоздились вокруг. Ни травинки, ни кустика.

Под вечер жара спала. Тома выбился из сил, спотыкался, падал. Генри подымал, торопил его.

Наконец решились отдохнуть. Костра не разжигали. Мучила жажда. Выпили по маленькому стаканчику воды.

— Воды и на одного не хватит, — сказал Тома. — Может быть, зря ты взял меня с собой!

— А ты мог бы оставить меня!

— Я только говорю: на двоих этой воды не хватит.

— Дойдем. Дней через пять будем в Йоганнесбурге. Жизнь снова повернулась к нам лицом.

Так говорил Генри Мкизе. Но мог ли он знать, как обернется побег!

Закопавшись в теплый песок, заснули. Часа через два их разбудил лай собаки.

— Они! — Голос Тома слегка дрогнул.

Мкизе сел. Торопливо вынул пистолет, осмотрел его. Билась, металась в голове мысль, отыскивая выход. Усилием воли подавил подступающее волнение. Скрыться в темноте! Но у преследователей собака. Она будет идти по их следу.

— Не стреляй, брат. Они нас прикончат.

Генри поднял глаза на товарища. Майкл Тома, который один разоружил двоих белых полицейских, войдя ночью в участок, стал такой осторожный. Или пустыня выпила его волю! Но нужно действовать, и действовать наверняка. Генри стал вглядываться в темноту. Тишина доносила скрип песка под ногами преследователей. Из впадины, совсем рядом, вынырнули четверо с винтовками за плечами, с собакой на поводке. Собака зарычала, стала рваться.

Генри спустил предохранитель пистолета.

— Если ты выстрелишь — нам конец.

Генри, косо взглянув на своего спутника, сказал сквозь зубы:

— Они и так уложат нас. Но стрелять сейчас я не буду. Их четверо, и у них собака. А что ты предлагаешь!

— Только не стрелять. Может быть, возьмут живыми. Раз уж поймали...

— Ну, так в лагере расстреляют. И еще не поймали.

Преследователи, сняв с плеч винтовки, приближались открыто.

— За мной, Майкл! Не лежи!

Оба поднялись и побежали на виду у охранников.

— Стойте! — закричали преследователи. — Стойте! — Прогрели выстрелы.

Но Генри и Майкл уже обогнули дюну. Они пробежали сотню шагов. Послышалось рычание приближающейся, спущенной с поводка собаки.

— Стой, Майкл!

Мкизе остановился. Когда собака кинулась на него, дважды выстрелил в упор. Убедившись, что собака мертва, он лег на песчаном склоне, стал ждать. Тома опустился рядом, дышал тяжело, прерывисто. Генри снова неодобрительно покосился на него.

Появились преследователи с винтовками наперевес. Впереди ширококостный невысокий человек с расстегнутым воротом.

Генри целился тщательно — чуть пониже белого треугольника груди. Ствол пистолета плохо виден в темноте. Выстрелил. Охранник споткнулся, пошел боком, медленно, словно сопротивляясь давящей его книзу силе, лег. Грохот кинул остальных на землю...

Ноги беглецов увязали в песке. Позади смутно виднелись двое. Вспыхивали в ночи огоньки выстрелов.



Охранники отставали. Генри уже решил, что им удалось уйти, когда Тома с воплем схватился за бедро.

— Кость цела, — сказал Генри, осмотрев рану. — Идти можешь!

— Конечно. Теперь убьют, если схватят.

Все глубже уходили они в пустыню. Где-то далеко в ночи были преследователи. Появились сухая трава, мелкие сухие кустики.

Сели отдохнуть.

— Собаки у них теперь нет, — Мкизе улыбнулся в темноте. — Здорово мы придумали. А выстрели я сразу — никогда бы они не спустили ее с поводка.

Наступило утро. Две крохотные фигурки упрямо шагали по необъятному царству песков. Тома опирался на руку Мкизе. Поднялось солнце. Пустыня сияла. Пустыня пила влагу из утомленных тел. Когда жара стала невыносимой, сели в тени большого камня. Тома просил воды. Генри дважды наполнял ему стакан. Сам выпил один.

Остаток дня отдыхали.

Проснулись к вечеру. Генри поднялся на песчаную дюну, осмотрелся. Кусты верблюжьей колючки. Редкие акации с плоскими кронами. В лучах заката розовели белые солончаковые впадины. Вились роем надоедливые мушки мопани, лезли в нос, в глаза, искали влагу. Генри отмахивался от них веткой.

Но что это! На западе появились двое. Всматриваясь в следы на земле, они шли в его сторону. Генри кинулся к товарищу.

Он с трудом поднял Майкла.

Тома шел прихрамывая: открылась рана. Майкл терял силы. Его знобило. Под утро он упал и не мог подняться.

Рассвело. Они находились на каменной равнине среди отполированных ветрами невысоких острых пиков. Пустыня словно скалила каменные зубы. В этом похожем на луну мире, кроме них, были лишь враги, идущие вслед за ними. Тома лежал обесшаренный. Какая-то мысль точила его. Он пристально вглядывался в Мкизе, словно хотел рассмотреть его получше.

Легли спать. Вечером Мкизе открыл глаза и увидел, что Майкл пытается извлечь флягу с водой из рюкзака. Заметив движение Генри, Тома притворился спящим.

На следующую ночь, уходя от вновь появившихся преследователей, Мкизе, обливаясь потом, нес на себе впавшего в беспамятство Тома. Он спускался в долины, покрытые сухой золо-





тистой травой. Забрел в окаменевший, поваленный тысячи лет назад лес. В одной из пещер в скалах обнаружили огромный каменный топор. Кто мог им пользоваться! Они встретили следы каких-то древних поселений. Но воды нигде не было.

На привале Тома начал бредить. Он тяжело дышал и, видимо, умирал.

— Воды, дай воды, ты, красный, — сказал он едва слышно.

Генри удивился.

— Что ты говоришь, Тома!

— Дай воды, я ухажу. — Голос раненого был едва слышен. — К черту вас всех, и красных и европейцев. Зачем я ввязался...

— Так ты не...

— Не Майкл Тома.

— А кто же!

— Зачем тебе мое имя! Чтобы отомстить моей семье!

— Я хочу знать, кто послал тебя.

— Дай пить. Я ухажу.

Генри помедлил, потом налил немного воды.

Тот, кто недавно называл себя Майклом Тома, выпил, вздохнул.

— Кто же послал!

— Разве сам не сообразил!

— Зачем ты пошел в пустыню со мною!

Человек долго молчал.

— Я должен был стать твоим другом и войти в ваше общество свободы.

— Чтобы всех выдать!

— А зачем же еще! Будь все проклято!

— Это ты наблюдал за мною, когда я делал подкоп ночью!

— Конечно. Я бы убежал с тобою.

— А Майкл Тома! Он бы встретил тебя в Иоганнесбурге.

— Мертвый никого не встретит...

— Убили!

— Они, не я.

— Значит, Опперман тоже из секретной службы!

— Мы вместе. В лагере не знают.

Все было ясно. Генри нахмурился, вынул пистолет, сдвинул предохранитель.

Он встретил взгляд своего спутника, усталый, безразличный.

— Стреляй. Сюда. — Он показал себе в ухо. — Не хочу больше жить.

Он закрыл глаза, ожидая выстрела.

Генри не мог решиться. А зачем ему стрелять? Агент особого отдела и сам умрет. Но бросить его здесь тоже неприятно.

Генри долго сидел рядом. Потом лег, задремал. Когда проснулся, человек был мертв.

Генри закопал тело, выпил остатки воды и пошел на юго-восток.

Около полудня он остановился. Жарко горело солнце над головой. В ложе ручья Мкизе сорвал травинку, пожевал. Горькая, сухая.

Из-под ног вывернулся долгоног, похожий на тушканчика. «Как он живет здесь? Рядом должна быть вода». Но воды не было, долгоног месяцами не пил, довольствовался лишь тем, что содержали сухие растения.

Мкизе стал обследовать пустыню. Он увидел ящерицу, застывшую в неестественной позе. В жилах ее текла кровь, жидкость. Генри подобрался к ней, быстро протянул руку, но схватил раскаленный песок. На глазах ящерица закопалась, словно провалилась.

Генри заглядывал в норы. Он нашел существо, похожее на мышь. Животное впало в спячку. Оно было таким маленьким, жалким и противным, что Генри с отвращением отбросил его.

Слабость разливалась по всему телу. Жажда выжимала последние силы. Но Мкизе не останавливался.

Временами сознание покидало его. То он видел себя среди друзей. Аплани, Джим Твала, Питер вновь были с ним. То снова он шел впереди отряда «Копья Народа», снова видел столб пламени, поднявшийся над динамитным заводом.

И опять вокруг была пустыня, сверкало беспощадное солнце в выцветшем, опаленном небе. А ноги все несли и несли его на юго-восток. Сколько времени он шел! Долго ли человек может жить без воды? Разные бывают люди. Он, Генри, выберется из песков. У него жена и дочь. Его ждут боевые друзья в Иоганнесбурге.

Мкизе сел отдохнуть. Вдали около высохшей акации на фоне заходящего за горизонт солнца появилась газель. Она подняла голову, настороженно запрядала ушами и вдруг умчалась. Кто спугнул ее! На горизонте двигались двое. Они! Преследователи шли, разглядывая следы, согнувшись, как ходят очень усталые люди. Один из них остановился, указал в сторону Генри и сдержнул с плеча винтовку.

Надо же было ему сесть на открытом месте! Над головой зло взвизгнула пуля. Запоздало громыхнул выстрел. Мкизе побегал, спотыкаясь о кочки с пучками высохшей травы.

К утру он едва двигался. Страшно хотелось пить. Кружилась голова. В ушах гремел какой-то разговор. Генри не мог понять, где он находится...

Мкизе очнулся. Он ничком лежал на песке. Радостный крик

вырвался из его груди. На расплавленном солнцем горизонте текла река, коричневая от ила. На берегу — зеленые кусты. Вода! Много воды, в которую можно погрузиться с головой, и пить, пить, пить. Мкизе поднялся и побежал. Но вскоре над речкой проступили очертания другой реки — перевернутое изображение первой. Мираж! Разочарованный, Мкизе остановился, потом снова двинулся в путь. Преследователи где-то близко.

Почти умирающий от жажды и усталости, он набрел на глубокую, круглую, как чаша, впадину. Стоя на каменном барьере, окружающем долину, Генри с надеждой всматривался в ее дно. У обломка скалы ярко зеленело растение. Генри отвел глаза. Новый мираж! На ползучем зеленом стебле между листьями лежал желтый пузатый плод. Мкизе долго спускался в глубокую впадину и медленно, словно боясь вспугнуть видение, приблизился. Опустившись на колени, он перекрутил черенок с жесткими волосиками, взял дыню в обе руки, стал отыскивать укромное, безопасное место, чтобы предаться пиршеству. По ту сторону впадины полукругом высились острые, вылизанные ветрами гранитные зубья. Там можно спрятаться. Но от них его отделяло ровное дно круглой впадины. Поверхность песка была здесь какой-то странной: совершенно ровной, без единой складки. На таком песке будет виден каждый след.

Он обошел впадину по камням и добрался до острых гранитных зубьев. Мякоть дыни была желтой, горьковатой и полна сока. Мкизе съел половину. Другую половину и корки завернул в бумагу.

Охранники где-то отстали. Да едва ли они идут за ним по такой жаре. Устроившись поудобнее, Генри заснул, чувствуя себя счастливым.

Проснулся он внезапно. Рядом звучали шаги. Мкизе быстро сел, прислушался. Охранники шагали по камням на той стороне круглой песчаной впадины. Двадцать шагов разделяло их.

— Тут он, — зло говорил молодой голос. — Тут запрятался.

— Черт с ним, — отвечал голос, сиплый от жажды. — Давай отдохнем.

— Он где-то рядом. Пока отдыхаешь, опять убежит. Сколько тащились из-за него по пустыне. Всю обойму всажу.

— Да брось. Что он тебе! Скажем: погиб.

— Нет! — не унимался молодой.

Генри слушал, не шевелился. Надо добраться до дюн. Пусть потом попят.

Он осторожно двинулся по песку. Потом остановился. На скалах его вспугли желваки. Зачем бежать и быть дичью, если можно стать охотником!

Пригибаясь, прячась за гранитными зубьями, неслышно, по-кошачьи, двинулся он к врагам.

Когда Генри вышел из-за выступа, пять шагов отделяли его от охранников. Охранники сидели на камнях, боком к нему. Один — молодой, с рыжей щетиной на щеках и обожженным носом — дремал, опустив голову. Другой — лысый, лет сорока — набивал табаком трубку. Винтовки лежали у них на коленях. Оба, как по команде, повернули головы и увидели подходящего африканца в мятом, запыленном костюме, с писто-



летом в руке. Широко поставленные глаза его смотрели зорко и решительно.

Молодой охранник с проклятьем схватился за винтовку. Генри выстрелил. Пуля взметнула фонтанчик песка у ног тюремщика.

— Не двигаться! — В низком с хрипотцой голосе не было колебания.

Молодой отдернул руки, словно оружие обожгло их. На курносом лице его была злоба. Какой-то беглый черный распоряжается им так, словно всю жизнь занимался этим.

— Встать! Руки на затылок. Ну! Спиной ко мне!

Генри снял с парня рюкзак. Там во фляге плескалась вода. Он вынул флягу, хлебнул из нее. Вода принадлежала ему. Он завоевал ее. Генри хотел было приложиться еще раз, но молодой охранник метнулся вдруг в сторону, побежал через ровное, выглаженное дно песчаной впадины. Старший, словно его толкнули, кинулся за ним. Пробежать два десятка шагов! Добраться до каменных зубьев! Но гладкая песчаная поверхность неожиданно и странно заколыхалась, словно желе. Песок зловеще скрипел, и ноги бегущих погружались в него все глубже и глубже.

Генри поднял было пистолет, но остановился. Что-то необычное происходило с охранниками. Старший из них, испуганный непонятым явлением, попытался вернуться. Ноги его провалились уже выше колен. Он упал и, встав, погрузился по пояс.

Молодой, отчаянно прыгая и судорожно вытаскивая ноги из песка, успел добраться до середины впадины. Потом сразу провалился по грудь. Вся впадина колыхалась, дышала. Что-то всхлипывало, урчало в ее утробе. Словно живое огромное существо шевелилось, приподнималось под ее поверхностью. Отчаянные рывки охранника лишь ухудшили его положение. Он погружался в пучину. Песок дошел ему до подбородка. Охранник вскинул голову и издал душераздирающий вопль. Песок заглушил этот вскрик жизни. Охранник исчез. Даже углубления не осталось в том месте, где только что находился человек.

Генри с удивлением и содроганием смотрел на эту смерть.

Лысый охранник завяз в пяти шагах от него и, сделав несколько резких и бесполезных движений, чтобы выбраться, замер. Он погружался медленно и неотвратно. Песок яростно шуршал вокруг него.

— Спаси! Брось мне что-нибудь, парень, брось! У меня двое детей.

Мкизе перебирал в уме, что бы предпринять.

— Я не сам пошел. Этот проклятый фашист Гофман! Помоги, товарищ!

Песок подбирался уже к его губам.

— Не ори, так. Держись! — Генри, торопясь, стал резать, рвать на полосы рюкзак, связывать их.

— О господи!.. — охранник вытянул шею и раскрыл рот.

Генри бросил ему сделанную им веревку, но она оказалась коротка. Тогда он сорвал с себя рубаху, привязал ее к веревке. Песок засыпал рот жертвы. Охранник с кашлем выплюнул его.

— О-о-о!

— Хватай!

Левая рука человека судорожно вцепилась в упавшую рядом с ним рубаху. Правая была погребена. Генри тянул осторожно. Земля словно повисла на своей жертве, не выпускала ее.

— Я никогда не бил черных, — причитал охранник, — дети будут молиться за тебя.

— Молчи. И не думай, что я поверил тебе.

Охранник ступил на твердую землю. Песок сыпался с него. Он был красный от жары и напряжения.

Они стояли теперь один на один, два врага.

— Чертово место.

— Снимайте рюкзак! — приказал Мкизе.

Он извлек консервы и флягу с водой.

— А я с чем пойду! — спросил охранник, смелея.

— Мне нужна вода.

— А я должен сдохнуть в этом пекле!

Генри промолчал.

— Тогда я пойду с тобой... с вами, — сказал охранник.

— Ло!

— Вы посылаете меня на смерть.

Генри мрачновато усмехнулся.

— А вы бы хотели, чтобы я поступил с вами, как с братом?

— Меня послали. Я не сам.

Генри бросил под ноги охраннику одну из фляг.

- Уходите.
- Благодарю, товарищ.
- Уходите.

Генри провожал охранника взглядом, пока тот не исчез за каменной грядой.

Пятую ночь шел Мкизе на юго-восток. Он спускался в долины, обследовал углубления, тщетно стараясь найти источник. Стыло над головой низкое небо, сжимало в холодных объятиях пустыню. Из черных просторов вселенной равнодушно смотрели на Генри звезды, вечные и не знающие тревог. Сколько дней осталось ему идти? И выберется ли он когда-нибудь отсюда? Мысль о дочери и Анне, ожидающих его в большом мире, взбадривала Мкизе.

Генри сел, задремал. Проснулся он на рассвете, отдохнувший и посвежевший. Ветерок, играя, крутил легкие облачка пыли. Над волнистой линией горизонта заря поднимала свой алый парус. Новое утро счастливо улыбалось земле. И, глядя на эту картину, Генри улыбнулся в первый раз за последние дни.

Он встал и, пошатываясь, снова пошел на юго-восток.

Горячий воздух сушил рот. Плавилось в огненных лучах тело. Ужасающая слабость давила Генри к земле. Иногда он, выбившись из сил, ложился на горячий песок. Обрывки мыслей возникали в мозгу и тут же исчезали. Но Мкизе упорно шел и шел...

Желтый диск пустыни закачался перед его глазами. И вдруг, сияя и ослепляя, ринулся ему навстречу. Генри ощутил глухой удар падения, не почувствовал боли.

Он лежал на раскаленной груди земли, и она медленно вращалась, вставала вертикально, нависала над ним. Мкизе удивлялся, что не отрывается, не падает в провал неба.

Когда он пришел в себя, неподалеку слышался приглушенный разговор. Генри оглядел густой высохший кустарник. Никого. Люди затаились. Кто это? Полиция!

В кустарнике слышны крадущиеся шаги. Неизвестные двигались прямо на него. Мкизе медленно опустил руку в карман брюк. Увидел двоих светло-коричневых низкорослых мужчин в набедренных повязках. «Бушмены!» В руках бушменов — луки со стрелами. Они приблизились. Лица их были угрожающими. Генри вздохнул с облегчением. Все-таки это не полиция. Он знал, что стрелы их отравлены, и поднял раскрытые ладони — в знак мирных намерений. Бушмены — молодые парни — перебросились между собой несколькими словами, держа Генри под прицелом.

— Я друг, — сказал он на языке африкаанс.

— Ю доле¹, — проговорил один из них с насечкой над переносицей.

— Твой — друг, другой — враг. Люди приходят в Калахари убивать бушмена, — сказал второй.

Генри миролюбиво улыбнулся.

— Я друг.

Один из них повернулся, что-то громко проговорил. В словах его были щелкающие звуки.

¹ Ю доле — чужой человек (яз. бушменов племени кун).

Появились несколько бушменов и бушменок с детьми, привязанными за спиной.

Молоденькая девушка, миловидная и веселая, с украшениями из белых плоских бус вокруг головы, смело подошла к Генри, сидевшему на земле. Узкие глаза ее щурились, лучились в улыбке.

— Тюрма гулял! — спросила она на ломаном языке африкаанс и засмеялась.

— Почему тюрма!

— Приезжал полис, искал тебя.

— Нет, я заблудился. — Бушмены понимающе улыбались, скалили в улыбке ровные зубы. Генри тоже улыбнулся. Бушмены что-то заговорили все сразу.

— Воды, — сказал Мкизе, обращаясь к девушке, которая не отходила от него и которую звали Пити.

— Вода ходи — ходи ногами, — Пити приветливо улыбалась.

Тронулись в путь. Вскоре показались два дерева. Там была вода. Но бушмены обошли источник стороной и, сделав большой круг, попали в селение, состоящее из нескольких шалашей. Оттуда Пити, взяв страусинное яйцо, помчалась за водой. К источнику с противоположной стороны ходили на водопой животные, и бушмены не хотели пользоваться их тропой, чтобы не отпугивать антилоп.

— Охотники думали сначала — ты больше мертвый, чем живой, — сказал старый Кану, оставшись с Генри. Кану не был вождем. Просто Кану был старым и мудрым, и все признавали это. Он рассказал, что когда-то работал на ферме бура, но вернулся к своему народу. Год за годом, вольный, бродил он со своим племенем по Калахари, занимаясь охотой, питаясь травами и кореньями. Если долго не выпадало дождей, племя разбивалось, как сейчас, на мелкие группы, чтобы легче было прокормиться. «Здесь луна хороший, а солнце плохой. Но зато нет злых людей».

— Когда власть перейдет к народу, мы не забудем о твоём племени, — сказал Генри. — Власть будет нашей.

В селение вернулись несколько женщин. Принесли в кожаных мешках ягоды, муравьиные яйца, дикий лук — уинтийес.

Генри уселся со всеми у костра. Бушмены были дружны между собой. Никто не претендовал на особое положение. Продуктами делились поровну. Генри тоже получил свою долю. Жареная саранча и дикий лук показались ему, голодному, очень вкусными.

Бушмены запели, сопровождая себя на пятиструнной арфе — гуаши. Песнь напоминала то вой ветра, то шорох песка, то трубный клик слонов. Певцы постепенно разогревались. Мужчины вскочили, стали танцевать танец охотника и газели, все ускоряя темп. Зрители дружелюбно принимали исполнение. Генри думал, как несправедливы те, кто считает их дикими. Братскому, человеческому отношению бушменов друг к другу могли бы позавидовать многие. Видимо, эта дружба и дает им возможность выжить в таких суровых условиях.

Весь вечер Пити ходила около Генри, пудрилась, макая кусочки мягкой кожи в висевшую на шее пудреницу из панциря черепахи. (Пудра была приготовлена из семян душистых трав.)

Потом раздобыла для гостя кусок сушеного мяса, уселась рядом. Генри не совсем понимал ее ломаный африкаанс.

— Ты уйдешь от нас! — спрашивала она.

— Да, скоро.

— Почему ты торопишься! Разве тебе плохо у нас!

— Меня ждут там.

— Твоя женщина!

— И она тоже.

— И полиция... — Пити засмеялась. — А я всегда живу в Калахари. Много воды, много животных, много саранчи, — сказала она грустно.

— Ты еще увидишь мир. Все изменится. Мы все изменим.

Пити пристально смотрела на него, силясь понять, что он сказал.

Ночью бушмены спали, укрывшись одеялами из шкур или забравшись в меховые мешки. Из-за высокой песчаной дюны выглядывал месяц, удивленно разглядывал ветхие шалаши и маленьких людей. Лунный свет вспыхивал зеленым пламенем в глазах шакалов, бродивших вокруг лагеря. Где-то далеко раздался громовой утробный рев льва, и шакалы, вывие на луну, сразу умолкли.

С племенем Генри прожил неделю, не переставая удивляться этим приветливым и доброжелательным людям, за которыми колонизаторы совсем еще недавно охотились, как за дикими зверьми.

Генри окреп. И однажды утром он и несколько бушменов двинулись на юго-восток. Пити добывала для них коренья, собирала с деревьев чиви красные плоды. И раз даже принесла в деревянной чашке мед.

На третий день, когда солнце вскарабкалось по белесому алюминиевому небу почти в зенит, они увидели одинокую ферму. Пастух-африканец, опираясь на палку и стоя на одной ноге, пас стадо овец. Размахивал железными крыльями ветряной насос. В прямоугольнике искусственного бассейна голубело небо.

— Мы пришли, — сказал старый Кану.

Генри молча смотрел на пастуха, на землю, заселенную людьми. Едва ли здесь встретят его с распростертыми объятиями. И все же он волновался, словно блудный сын, вернувшийся, наконец, домой.

— Мы пришли, — повторил Кану. — Здесь живут твои братья.

— Хвала тебе, бушмен. Хвала тебе, старик.

Маленькая Пити с грустью смотрела на гостя. Он явился из другого мира, и этот мир властно звал его к себе. Генри подошел к Пити, молча подержал ее руку в своей.

На дороге показался грузовик со скотом в кузове. За рулем сидел африканец. Ветер сносил в сторону плотный шлейф красной пыли. Генри остановил машину.

— Вид у тебя, парень, будто год через Калахари шел, — сказал шофер неприветливо. — Ну, садись.

Генри уселся в кабину.

— Честно скажи: документы есть!

— Нет.

— Встретим патрулей на дороге — высказывай...

Когда Генри выглянул из окна, Кану и его спутники все еще стояли у дороги. Маленькая Пити, притихшая и грустная, смотрела на машину. Генри помахал девушке рукой, но Пити не шевельнулась.

Генри стало грустно. За короткий срок он успел подружиться и с девушкой, и с Кану, и со всем маленьким племенем.

Машина прыгала по выбоинам. Откинувшись на спинку сиденья, Генри глядел вдаль. Плыла навстречу холмистая степь. Оставались позади фермы и прямоугольники земель, огороженные хозяйскими заборами, где на полях работали африканцы.

Генри думал уже об Иоганнесбурге. Все дороги ведут домой. Там ждут его друзья, ждет Анна и ждут агенты секретной службы.

Нелегкая предстоит борьба. Но нет другого пути.



БИЛЕТЫ В НИЧТО

ИЗ КНИГИ
„БЕСПРИМЕРНЫЕ УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА“

«В Нью-Йорке каждый год исчезают десятки тысяч людей. Бесследно. Бесшумно. Ни крика, ни капли крови, без всякого мотива, никакая отправная точка не объясняет их путь в ничто...»

(«Ди вельт». Гамбург, издание от 7 апреля 1957 года.)

В 1956 году согласно статистике о пропавших без вести, составленной нью-йоркской полицией, ровно 10 167 человек вступили или вынуждены были вступить на таинственный путь в ничто. Судьба 10 166 из них и по сей день неизвестна. Только одно имя появилось через несколько недель в прессе; год спустя оно стало сенсацией, публикуемой под крупными заголовками: Хесус де Галиндес!

12 марта 1956 года, в 21 час 42 минуты, Хесус де Галиндес сел на станции метро «Колумбус Сиркл» в поезд до



Бронкса. Один знакомый случайно видел, как де Галиндес входил в последний вагон с туго набитым портфелем в руке. Двое молодых людей в потоке пассажиров протиснулись к Галиндесу и сели рядом с ним на скамью: один — справа, другой — слева.

Двенадцать часов спустя в нью-йоркской полиции появился издатель Валанкес и заявил о бесследном исчезновении Хесуса де Галиндеса.

Полицейский отрицательно покачал головой.

— Он исчез только вчера вечером? Но ведь это ничего не значит. В Нью-Йорке тысячи людей по разным причинам не приходят домой. Может быть, ваш знакомый напился и лежит в каком-нибудь борделе? Подождите еще пару дней. Если он и тогда не объявится, то еще успеете заявить в полицию.

— Это исключено. Мой друг не пьет и не слоняется по борделям. Сегодня в десять часов утра он должен был сдать мне рукопись книги. Об этом мы твердо условились.

— Может быть, ваш писатель рассудил совсем по-другому. На писателей все равно нельзя полагаться. Ему потребовалась встряска для работы над книгой, и он погряз где-нибудь.

Издатель с трудом сохранил самообладание.

— Послушайте, я знаю этого человека несколько лучше, чем вы. Нигде он не погряз. Он похищен. Об этом можно судить по его рукописи. Он много раз рассказывал мне, что его преследуют. Поверьте мне, совершенно преступление.

Если вы сейчас же не начнете розыск, жизнь Галиндеса будет в опасности, а может быть, он уже убит.

Полицейский наморщил лоб.

— Что это за таинственная книга, которую писал Галиндес?

— Книга о Доминиканской Республике на острове Гаити. Она называется «Эра Трухильо».

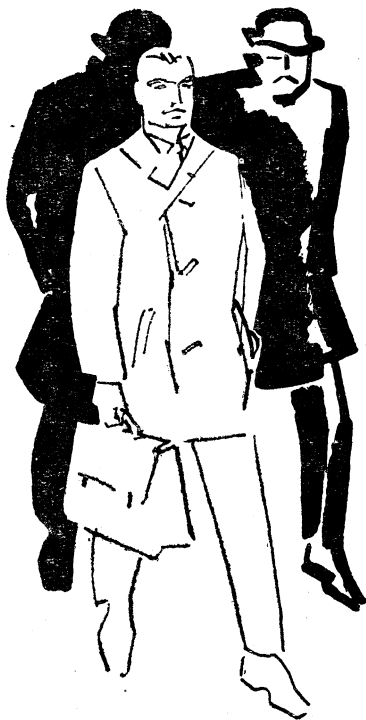
— И из-за этого могли похитить человека? Мне не совсем понятно. Ведь в Америке пишется так много книг!

— Да вы что, не читаете газет? Вы еще ничего не слышали о политических условиях в этой стране? Газеты полны сообщений об этом!

— В газетах пишут многое, мистер. Если всему этому верить...

Валанкес был на грани отчаяния.

— Послушайте, мистер, мой друг семнадцать лет жил в этой стране. Он был домашним учителем в семье президента Трухильо. Ему пришлось бежать, иначе он был бы арестован. В книге описываются причины и закулисная сто-



рона его побега. Разве вы не понимаете, что на Гаити заинтересованы в том, чтобы воспрепятствовать появлению его книги?

Полицейский, казалось, все еще не понимал этого. Однако чтобы отделаться от назойливого посетителя, он приготовился принять заявление.

— Полное имя пропавшего?

— Хесус де Галиндес.

— Год рождения?

— Ему сейчас пятьдесят два года. Точного дня рождения я не знаю.

— Последнее место жительства?

— Бронкс, Четырнадцатая улица, отель «Майами».

— Профессия?

— Преподаватель испанского языка и культуры при Колумбийском университете. И свободный писатель.

— Подданство?

— Галиндес — эмигрант. Прежде он жил в Испании. Уже в начале испанской освободительной борьбы Галиндес эмигрировал на Гаити. Он был противником Франко. Вначале Галиндес был преподавателем-миссионером, а потом домашним учителем в семье президента. В тысяча девятьсот пятьдесят третьем ему пришлось бежать, иначе он был бы арестован. Галиндес слишком много знал о коррупции в правительстве. Он критиковал это явление.

— Так вы полагаете, что его похитили по политическим соображениям? Занимался ли исчезнувший политической деятельностью здесь, в Америке?

— Он был членом Доминиканского революционного комитета. Он, находясь в Америке, боролся против режима Трухильо.

— Находят же люди себе заботы. Ну ладно! Имеете ли вы еще какие-либо полезные сведения?

Издатель не сообщил больше ничего. Вероятно, он понял, что от этого неповоротливого полицейского вряд ли следует ожидать помощи в раскрытии дела.

Две недели спустя Валанкес получил короткое письмо, в котором ему очень лаконично сообщали: «Пребывание Хесуса де Галиндеса в настоящее время не может быть установлено. Не имеется также следов и данных, которые позволили бы сделать вывод, что в отношении него совершено преступление. Дополнительных сведений мы, к сожалению, не можем вам сообщить».

Сеньор Ансельмо Валанкес, так озабоченный сейчас судьбой Хесуса де Галиндеса, прежде был владельцем крупнейших газетных концернов в Доминиканской Республике. Критическая передовая статья в одной популярной газете о подавлении свободы мнений послужила диктатору предлогом, чтобы в 1950 году посадить издателя Валанкеса в тюрьму за «подрывные действия». Назначенный правительством адвокат посоветовал тогда заключенному Валанкесу добровольно передать свое имущество в собственность семейства

Трухильо. Валанкес последовал доброжелательному совету адвоката, подписал дарственную грамоту и получил взамен разрешение бежать за границу.

Розыски де Галиндеса Валанкес продолжал пока на свой страх и риск.

С помощью Доминиканского революционного комитета ему удалось установить связь с человеком, который в течение долгих лет действовал на Гаити в качестве специального агента пресловутой «Юнайтед фрут компани» и хорошо ориентировался в джунглях международных агентурных связей. На проведение этой операции Валанкес затратил двадцать тысяч долларов, и казалось, такое капиталовложение должно принести «прибыль».

Осенью Ансельмо Валанкес объявил американской прессе, что в состоянии приоткрыть завесу над сенсационным исчезновением Хесуса де Галиндеса. Он пригласил ведущих репортеров крупных газет на пресс-конференцию в роскошный нью-йоркский отель Хилтона. Меры предосторожности, принятые перед открытием пресс-конференции, напоминали о худших временах разгула гангстеров в Америке. Отель Хилтона был оцеплен кордоном специально нанятых на этот вечер вооруженных людей. Фотографировать и снимать на киноплёнку было строго запрещено. Перед входом в зал всех участников обыскивали, проверяя, нет ли оружия, не спрятана ли микрокамера.

Человек, который раскрыл дело Хесуса де Галиндеса и собирался теперь рассказать о мотивах и закулисной стороне происшедшего, сидел в кабине из пуленепробиваемого стекла. Его имя скрывалось как государственная тайна. Валанкес представил его как Майка Мортон. Выступление таинственного Майка Мортон выглядело так же эффектно, как и вся организация конференции. Свой рассказ он начал в самом небрежном репортерском стиле:

— Мальчики, не произносите моего имени, не фотографируйте и не зарисовывайте меня. Если станет известно, кто я, мне придется серьезно опасаться за свою жизнь. В последние месяцы я пристально следил за жизнью семьи Трухильо. До меня и другие пытались это делать. Многие из них при этом были застрелены, повешены, взорваны, брошены в море, до смерти избиты плетью, отравлены или убиты другим способом. Я не хотел бы стать одним из них. То, о чем я хочу вам рассказать, это история синдиката убийц, на счету которого по меньшей мере двести пятьдесят убийств и похищений людей. Подкуп, ограбления банков, страшные пытки, шпионаж, доносы и клятвопреступления. Я знаю, вам известно достаточно таких вещей из уголовной истории нашей собственной страны. И все же я прошу обратить внимание на следующую особенность: во главе этого синдиката стоит не гангстерский босс, а государственный руководитель страны, с которой Соединенные Штаты поддерживают дипломатические отношения и которой наше правительство ежегодно предоставляет помощь в размере восьмисот миллионов долларов.



Рисунки Н. ГРИШИНА

Такая манера рассказывать чрезвычайно импонировала репортерам.

Нужно признать, Майк Мортон оказался усерднее и находчивее американской полиции. Он сказал себе, что ни один человек не мог бесследно исчезнуть из поезда нью-йоркской подземки. Живой или мертвый, Галиндес должен был где-то покинуть последний вагон поезда, идущего до Бронкса. А так как это произошло около двадцати двух часов, то его должен был кто-нибудь видеть. Итак, Мортон начал с опроса начальников всех станций между «Колумбус Сиркл» и Бронксом.

Сначала Мортону не везло. Только на предпоследней станции начальник вспомнил:

— Подождите-ка, ведь приблизительно в этот час одному человеку в поезде сделалось плохо. Два друга помогли ему выйти из вагона. А потом больного увезли на санитарной машине. Это были иностранцы. Испанцы или итальянцы, во всяком случае, у них лица южного типа.

Майк Мортон был почти уверен, что напал на верный след. Но чтобы исключить возможность совпадения, он навел справки в расположенных поблизости больницах, не доставляли ли туда вечером 12 марта человека лет пятидесяти, ко-

торому сделалось плохо в метро. Таких случаев не оказалось.

— И вот я сидел в своем кабинете и ломал голову над тем, куда могли отправить Галиндеса на санитарной машине, — рассказывал Майк далее. — В порт? На аэродром? Или его труп уже давно зарыли где-нибудь? В этот момент зазвонил телефон. Не называя своего имени и даже не давая мне произнести ни слова, кто-то сказал: «Это вы говорили вчера с господами из Доминиканского революционного комитета? Разумеется, это было ошибкой или?..»

Наконец я получил возможность спросить: «А кто вы, собственно говоря?»

На другом конце провода ответили: «Это к делу не относится. Вы ищите Хесуса Галиндеса, не так ли? Оставьте это дело. Вы не найдете его. Обратите внимание на маленькое обстоятельство, сэр. Вам, конечно, рассказывали кое-что о двухстах сорока семи мертвых, не правда ли? Так вот, если вы не послушаетесь нашего доброго совета, то будете двести сорок восьмым».

После этого эпизода Мортон сделал небольшую паузу. Потом продолжал:

— Как видите, насчет двести сорок восьмого трупа дело оказалось не так серьезно, как полагал мистер, звонивший мне по телефону.

Небрежным движением руки Мортон прервал веселый смех газетчиков.

— Так, к делу. Как уже было сказано, я считал наиболее вероятным, что Галиндеса доставили за пределы страны. Если бы его убили в Америке — рано или поздно нашли бы труп. Но поскольку он исчез, никто не может доказать, что совершено преступление.

На следующий день я побывал в четырех аэропортах, и, наконец, мне повезло. Вблизи Амайтевилла я нашел заброшенный аэродром под названием Цанз Эрпорт. Там застал лишь одинокого ночного сторожа в будке на краю заросшего сорняками и кустарником поля. Его звали Джон Берри Хоукинс. Видавший виды хитрый старик с лицом, покрытым морщинами. Я не утруждал себя объяснениями, сунул ему в руку двадцатидолларовую бумажку и спросил без обиняков: «Привозили сюда кого-нибудь на санитарной машине? Поздно вечером, после десяти часов? В середине марта».

Старик сначала внимательно посмотрел на деньги, прежде чем ответить: «Это действительно было поздно вечером? Иначе я ничего не знал бы. Днем я здесь не бываю. Я же ночной сторож».

Его церемонная манера разговаривать исчерпала мое терпение. «Ну так что? — напустился я на него. — Была здесь санитарная машина или нет?»

Он многообещающе улыбнулся. «Очень возможно, но я стар, и моя память уже не совсем в порядке». Следующий двадцатидолларовый банкнот несколько освежил его память. Он с удовлетворением кивнул.

«Да, это было двенадцатого марта. Приехала «санитарка». Два парня, говорившие не по-нашему, вытащили чело-

века, который, кажется, плохо стоял на ногах. Они сказали мне, что это больной раком, которого нужно отправить во Флориду для операции...» Потом старик снова умолк, потирая руку с долларовыми бумажками. Я заплатил ему еще десять долларов.

«Все произошло довольно быстро, — проворчал он. — Еще за полчаса до этого на поле приземлился двухмоторный «бичкрэфт». Он стоял с работающими моторами. Оба иностранца прямо-таки волокли больного к самолету. Я подумал, жив ли тот вообще. Санитарная машина умчалась с поля, а «бичкрэфт» поднялся в небо. Большого я при всем моем желании не могу вам рассказать, даже если вы выложите еще пятьдесят долларов».

Большого ночной сторож и в самом деле знать не мог.

Тут один корреспондент спросил Мортон:

— Не был ли старый Хоукинс вслед затем убит, мистер? Я припоминаю, что опубликовал такое сообщение.

Мистер Мортон скромно улыбнулся.

— Тогда вы знаете больше, чем я. Мне лишь известно, что на следующее утро его, мертвого, нашел на краю поля аэродрома какой-то крестьянин. Врач установил, что смерть наступила от паралича сердца.

— Но вскрытие показало, что его сердце было совершенно здорово, — снова прервал тот же корреспондент.

— Конечно, но есть яды, действие которых не выдерживает ни одно, даже самое здоровое сердце. А самые тонкие из них при всем желании невозможно обнаружить.

Мортон снова улыбнулся.

— Итак, Хоукинса все-таки убили?

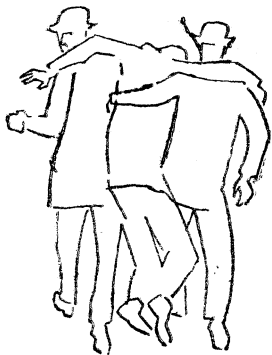
— Это могло произойти, но так как я не могу этого доказать, то и не хочу утверждать. Я не хотел бы опережать действия полиции, — язвительно сказал Мортон. — Ведь нью-йоркская комиссия по расследованию убийств, хотя прошло несколько месяцев, все еще не установила, отчего умер ночной сторож на аэродроме.

Посыпались новые вопросы:

— Кто же мог убить старика Хоукинса? И почему? Ведь никто не знал, что вы будете что-то вынюхивать?

— Вы забываете о телефонном звонке в мою контору, мистер. С того самого момента меня больше не выпускали из поля зрения. Когда я объезжал аэродромы, меня неотступно преследовал какой-то «бьюик».

— Мортон, почему не





убили вас вместо ночного сторожа? Ведь для них это было бы гораздо полезнее?

— Я полагал, господа знают, что я постоянно ношу с собой пистолет девятимиллиметрового калибра и, кроме того, метко стреляю.

— А зачем его было убивать? То, что он знал, он уже давно выложил вам. Бессмысленно было убивать его.

— Вы находите? А я — нет. Был бы Хоукинс сейчас жив, он стоял бы здесь и подтвердил бы вам мой рассказ. Тогда вы не стали бы задавать мне так много недоверчивых вопросов. Разве это не повод? Ведь в то время еще не знали, как далеко я пойду в своем расследовании.

Прежде чем продолжать рассказ, Мортон вынул из своего портфеля несколько газетных статей. Он прижал их к пуленепробиваемому стеклу и сказал поясняя:

— Помните эти два ограбления банков пару лет назад?

Репортеры сидели слишком далеко от кабины, чтобы иметь возможность прочесть текст. Однако когда они начали протискиваться вперед, поднялись четыре человека, вытащили из карманов снятые с предохранителей кольты, направили их на репортеров. Один из этих людей хрипло и коротко бросил:

— Сидеть на местах!

Мортон извинился:

— Простите, об этом я не подумал. Тогда я лучше скажу вам, о чем здесь идет речь. В мае 1955 года на Гаити, в Сантьяго де лос Кабальерос, вооруженными бандитами был ограблен филиал «Ройял бэнк оф Канада», а через два дня — контора выдачи зарплаты компании «Юнайтед фрут». Почти все из вас, конечно, подробно информированы об этом и, вероятно, помните эти случаи.

Толпа репортеров рассеялась. Все разочарованно заняли свои места. Разумеется, все знали эту историю. В руки бандитов, оставшихся неизвестными, попало тогда свыше миллиона долларов.

— В таком случае вам известно, что преступники до сих пор не пойманы. Доминиканская полиция была не в состоянии сделать этого, хотя имелись фотографии гангстеров и были известны номера автомобилей, которыми они воспользовались, а также калибр примененных ими пистолетов. Ведь оба финансовых заведения были снабжены на случай ограбления потайными фотокамерами. Если, несмотря на такие улики, преступников все же не поймали, то можно было предположить, что в этом деле что-то нечисто. Во всяком случае, так рассудили компании и организовали с помощью своих собственных агентов тайное расследование. Одним из агентов был я.

— Что же выяснили ваши супердетективы?

— Что грабители банков принадлежат к личной охране президента и имеют хорошего «ангела-хранителя» — брата его превосходительства, генерал-майора Верджилио Трухильо.

Несколько секунд в огромном зале царила тишина. Потом на человека в застекленной кабине посыпались вопросы: «Где доказательства?», «Свидетели есть?», «Почему это замалчивалось до сих пор?», «Знает ли об этом правительство?»

Мортон театрально поднял руки.

— Подождите, не все сразу. Вы, а также государственный департамент и ФБР получите фотокопии с протоколов свидетельских показаний после пресс-конференции. А молчал я так долго потому, что для свержения диктатора требуется нечто большее, чем доказательство, что его брат — грабитель банков. А потом, не забывая одного: страна, в которой хоть и происходят такие вещи, является членом Организации Объединенных Наций. Президент Трухильо — антикоммунист! Доминиканская Республика в любой битве за голоса с нерушимой верностью выступает против русских на стороне Соединенных Штатов. Мы заключили с Трухильо военное соглашение, которое позволяет нашей армии воздвигать на территории Доминиканской Республики ракетные базы, радарные станции, укрытия для подводных лодок.

В первом ряду поднялся маленький полный человек, демонстративно сунул в карман свой блокнот и раздраженно крикнул Мортону:

— Избавьте нас от политических трактатов, мистер. Если вы ничего не смогли сделать против Трухильо, то не устраивайте театра. Я не хочу красть у себя время.

Двое из охраны, не говоря ни слова, усадили страдающего одышкой редактора газеты на место и не очень дружелюбно дали понять, что до окончания конференции никто не должен выходить из зала.

Майк Мортон продолжал свой доклад:

— После того как я коротко указал на трудности, которые мне предстояло преодолеть при выполнении задания, хотелось бы теперь перейти непосредственно к расследованию дела Галиндеса. Как уже было сказано, мне стало ясно, что Галиндеса, живого или мертвого, в Штатах не найти.

Однако самолет, на котором его увезли из Нью-Йорка, не мог совершить беспосадочный полет до Гаити. Он обязательно должен был приземлиться где-нибудь в Штатах, чтобы заправиться горючим. Я вычитал это из ежегодного календаря авиационной промышленности. Кратчайший маршрут Нью-Йорк — Гаити проходит над Каролиной, и я рассчитал, что машина должна была сесть где-то в районе Майами. А там имеется достаточно частных аэродромов. Поэтому я прежде всего отправился в Майами.

А теперь не будем описывать дальнейшие подробности этой показательной пресс-конференции и ограничимся изложением дела Галиндеса в таком виде, как его опубликовала американская пресса и в каком оно обошло весь мир. Эта история и без того изобилует сенсациями и сюрпризами.

В ста двадцати милях севернее Майами находится небольшой частный аэродром Лантана Эрпорт. Присмотр и уход за ним осуществлял сорокасемилетний негр Джон Лэй. Он был одновременно и механиком, и полицейским, и рабочим заправочной станции. Майк Мортон совершенно случайно обнаружил этот аэродром на полуострове после недельных поисков. Сидя в аптеке на обочине шоссе, ведущего к Лантана, он прочитал в газете объявление о том, что аэродрому нужен рабочий. Мортон расспросил хозяйку аптеки о подробностях, дав ей понять, что ищет именно такую работу. Она оказалась словоохотливой и рассказала ему, что прежний рабочий аэродрома, Джон Лэй, неожиданно разбогател и собирается уйти на покой. Это послужило Мортону поводом еще раз посетить Лантана Эрпорт. Он уже сделал туда визит. Но тогда рабочий со всей решительностью утверждал, что за последние недели на Лантана Эрпорт не приземлялся никакой «бичкрэфт». Теперь у Мортонана возникли подозрения о причине молчания негра. Похитители Галиндеса, очевидно, закрыли ему рот соответствующей суммой.

Во время второго визита Мортон представился работником ФБР, сунув ему под нос соответствующее удостоверение, и тут же набросился на него со словами:

— Послушай, ты здорово наврал мне. А я тем временем раздобыл трех свидетелей, которые могут очень хорошо припомнить, что ты заправлял «бичкрэфт». Если ты сейчас не скажешь правду, ты пойдешь со мной. Понял?

Джон Лэй, запинаясь, испуганно пробормотал:

— Да, да, мистер, теперь я вспомнил. В тот день, когда вы приходили сюда, я подумал: какое ему дело до того... Конечно, если бы вы сразу сказали, что вы из ФБР, то я, разумеется, еще тогда рассказал бы вам...

Мортон энергично прервал его, как настоящий сотрудник ФБР:

— Ближе к делу, оставь свою болтовню. Тебе заткнули рот несколькими бумажками. Я знаю. Сколько они тебе дали?

Застигнутый врасплох, негр послушно кивнул головой:

— Да, мистер! Пилот дал мне три сотни долларов.

И горестно добавил:

— Я так и думал, что это дело нечисто — рано или поздно появится полиция. Но что мне было делать? Ведь пилот вышел из машины с пистолетом в руке и угрожал мне.

— Как звали пилота? Ты же обязан был записать фамилию, и номер его удостоверения на право управления самолетом.

Негр, как бы заклинаая, поднял руку.

— Я и собирался это сделать, но парень запретил мне. При этом он все время махал у меня перед носом кольцом. Он даже не позволил мне взглянуть на опознавательные знаки машины.

— Ты по крайней мере заметил, как выглядел пилот, или за три сотни долларов ты и это забыл?

Теперь ответ последовал незамедлительно:

— Это был молодой стройный мужчина. Вел себя очень нервно. Собственно говоря, бросалось в глаза только, что у него были очки с толстыми стеклами. Это не были обычные летные очки, мистер. Такие очки носят люди, страдающие сильной близорукостью.

Близорукий пилот... Мортон был озадачен. Это нечто необычное. Во всяком случае, близорукого американского пилота он уже сможет найти.

Более дружелюбно Мортон спросил:

— Не видел, кто еще, кроме пилота, был в машине?

Негр с облегчением вздохнул:

— Да, в самолете еще была такая мрачная фигура, какой-то мужчина, мистер. Привязанный к носилкам. Он лежал на них совершенно без движений, как усыпленный наркотиком. У него было бледное впалое лицо.

Мортон достал из кармана пиджака фотографию — групповой снимок, на котором в кругу студентов сидел Хесус де Галиндес.

— Тот, кто лежал на носилках, есть здесь?

Рабочий долго рассматривал ее, а потом замасленным пальцем указал на Галиндеса:

— Вот этот, третий в нижнем ряду, он мог быть им. Да, да, я совершенно уверен, что это он.

— Вы готовы повторить ваши показания перед ФБР, а в случае необходимости также перед судом? — закончил беседу Мортон в манере агента ФБР.

Джон Лэй с уважением кивнул и открыто посмотрел в лицо мнимого агента полиции.

Джон Лэй не успел повторить свои показания суду и ФБР: через два часа после беседы с агентом Майком Мортином он умер неестественной смертью.

«Пал жертвой трагического несчастного случая на производстве... — писали в утренних газетах. — В середине дня на Лантана Эрпорт приземлился частный самолет, чтобы отремонтировать поврежденный винт. Рабочий заправочной станции Джон Лэй, сорока семи лет, негр, неженатый, зна-

комый с такого рода ремонтом, попытался устранить повреждение. Однако когда он собирался заняться испорченным винтом, тот неожиданно снова закрутился и оторвал при- скорбной жертве руку и голову. Джон Лэй умер мгновенно», — гласило сообщение, сделанное полицией для печати. Данные о личности пилота этой машины или другие подробности пресса не смогла узнать в полиции.

О внезапной смерти своего второго свидетеля Майк Мортон узнал лишь на следующий день вечером в баре отеля «Харагуа», самого дорогого отеля столицы Доминиканской Республики. Мортон вылетел туда сразу после посещения Лантана Эрпорт.

Рядом с ним за стойкой сидел худощавый, лет сорока человек с веснушчатым лицом. Он помешивал соломинкой лед в бокале с виски и молча смотрел на Мортон, занятого чтением газеты. Человека этого звали Норман Куртис, он был капитаном канадской полиции. В Сьюдад-Трухильо он приехал расследовать случай нападения неизвестных бандитов на доминиканский филиал «Ройял бэнк оф Канада».

Правительство Доминиканской Республики, которое по понятным причинам препятствовало расследованию этого дела, было уведомлено о том, что Куртис является ревизором и налоговым советником филиала банка. Мортон же, взявший на себя, кроме дела Галиндеса, расследование ограбления компании «Юнайтед фрут», появился в Доминиканской Республике в качестве инженера-ирригатора.

Тайная сыскная деятельность свела Мортон и Куртиса вместе и сделала их друзьями. Естественно, что по приезде из США Майк Мортон тотчас обратился к Куртису с просьбой о поддержке в розысках Хесуса де Галиндеса.

— Разве это не укус в зад? — сыпал ругательствами Мортон, невзирая на аристократическое общество, собравшееся в баре. — Только я, наконец, нашел двух важнейших свидетелей, как эти гангстеры убивают обоих, будто нет ни полиции, ни прокуратуры, которые могли бы предотвратить преступление...

— Или хотели бы, — улыбаясь, добавил Куртис и поднял бокал с виски. — За успех, мой дорогой!

— Успех? Какой успех? С двумя свидетелями на кладбище?

— Оставь обоих в покое. То, что ты хотел узнать, они тебе рассказали.

— У тебя веселый нрав, Куртис. Если гангстеры будут и дальше так действовать, то уже можно пометить в календаре, когда моя очередь.

Куртис заулыбался, будто услышал хороший анекдот.

— Конечно. Я даю тебе самое большее еще неделю, если ты будешь продолжать работать так же неосмотрительно, как до сих пор.

— А как же мне еще действовать? Не могу же я нанять армию.

— Следующие несколько дней ты немного поработаешь над проблемой орошения для твоей «Юнайтед фрут», Майк. Все остальное предоставь мне. Я знаю пару надежных офи-

церов в военно-воздушных силах Трухильо. Уж они-то выяснят, кто этот близорукий летчик.

Норман Куртис отодвинул наполовину не допитый бокал виски и соскользнул со стула.

Мортон вяло подал ему руку.

— Не возражаю. Несколько дней я здесь выдержу, если не иссякнет виски.

— О'кэй, Майк! Но не пей слишком много.

Через два дня, после полудня, в номере Майка Мортон зазвонил телефон. На проводе был Норман Куртис.

— Майк, ты трезв?

— В это время — еще или уже снова, как тебе больше нравится.

— Тогда сейчас же одевайся и спускайся вниз в бар.

— Прямо сейчас? — спросил Мортон.

— Я нашел его, — прозвучало в телефонной трубке.

— Кого ты нашел?

— Близорукого пилота «бичкрэфта»!

У Майка перехватило дыхание. Он спрыгнул с кровати.

Человека, который вез Хесуса де Галиндеса на «бичкрэфте» из Штатов на Гаити, звали Мурфи. Джерри Тэд Мурфи. Ему было сорок один, он дважды разводился, и ему много раз приходилось лечиться от наркомании. Летать он научился во время второй мировой войны. Был сбит, когда союзники высадились во Франции. В течение месяца ему делали инъекции морфия, чтобы он смог переносить боль. После того как его выписали из госпиталя, Мурфи безнадежно заболел наркоманией. И все же он снова попытался найти работу летчика. В заявлении о приеме на работу он скрывал болезнь глаз — следствие постоянного употребления наркотиков. В солидных авиакомпаниях он получал отказы. Однако в Америке существует большое количество сомнительных предприятий, где мало обращают внимания на состояние здоровья человека, если он умеет пилотировать самолет. Это авиакомпании, которые переправляют контрабандным путем людей, оружие, наркотики и спирт. Когда перед Джерри Мурфи оказался штурвал и приборный щиток, он не стал интересоваться, какие грузы придется возить. Летать — это значило для него жить: если бы ему больше не разрешили летать — пришел бы конец его жизни. Так он попал к двум господам из доминиканского посольства в Вашингтоне, которые спросили его, не хотел бы он за десять тысяч долларов выполнить особое задание.

— И все это ты разузнал за два дня? — спросил Мортон своего канадского друга, когда снова сидел рядом с ним за стойкой отеля «Харагуа».

Куртис лишь стряхнул пепел с сигареты, как будто хотел намекнуть, что это еще только самая малость.

— Откуда? Кто тебе рассказал об этом?

— Ну, откуда... В Санто-Доминго не так много аэродромов, как в Штатах. Несколько телефонных разговоров бы-

ло достаточно, чтобы узнать, что «бичкрэфт» № 68 приземлился в Монте-Кристи.

— В Монте-Кристи? Но он расположен в нескольких сотнях миль отсюда.

— Вот именно, Майк. Поэтому мне и понадобились два дня.

— Ну ладно, тогда выкладывай наконец. Не заставляй меня ждать еще два дня.

— «Бичкрэфт» еще стоит в Монте-Кристи. Мурфи довез Галиндеса только туда. В Монте-Кристи этого человека на носилках перенесли в военный самолет, который пилотировал личный летчик Трухильо — Октавио де ла Маса.

Мортон недоверчиво покачал коротко остриженной головой.

— Так болтают на аэродроме... или это уже напечатано в газетах? Я сегодня еще не успел прочитать газету.

Куртис пропустил мимо ушей иронию в словах Мортон.

— Похищенного и усыпленного человека пятидесяти лет не спрячешь в ручном багаже. На таком аэродроме нашлись сотни людей, которые наблюдали все это. Достаточно чуть-чуть прислушаться к тому, что поговаривают вокруг, чтобы понять, что произошло.

Мортон пробурчал:

— Ну ладно, допустим — все это верно. Где сейчас Галиндес? Жив он еще?

— Галиндес здесь, в городе. В порту на личной яхте шефа страны «Президент Трухильо».

— Об этом тоже болтали на аэродроме?

— Оставь свои колкости, я не лгу. Я знаком с Октавио де ла Маса. Он намекнул мне тогда, что ограбление банка организовал брат президента.

Мортон ухмыльнулся.

— Прости меня, Куртис, но я что-то не понимаю. Неужели Трухильо настолько неумен, что делает своим личным пилотом потенциального врага страны? Честное слово, на это моей фантазии не хватает.

— Де ла Маса не политический противник Трухильо. Политика его совсем не интересует. Здесь вплетаются личные счеты. Знаешь сына президента?

— Прекрасного Рафаэля Трухильо? У которого были аферы с Ким Новак и Цса Цса Габор? Вся Америка знает его. Ведь нет такого иллюстрированного журнала, который не писал бы о нем.

— Именно этот веселый Рафаэль соблазнил красивую и тогда еще девственную сестричку летчика и оставил ее с внебрачным ребенком. По старому доминиканскому обычаю после этого полагается кровавая месть.

Теперь с лица Мортон исчезла ироническая усмешка.

— Поэтому-то ла Маса не может хорошо отзываться о семействе Трухильо? Постепенно я начинаю понимать. Однако этот капитан авиации — зацепка для нас.

— Ты совершенно прав, — согласился Куртис.

— Хм, но как нам подойти к нему?

— Это устрой я. А для тебя есть другая задача.

— Какая?

— Джерри Мурфи! Ты должен поговорить с ним. Он тоже американец. Уговори его вернуться в Штаты и предоставить себя в распоряжение федеральной прокуратуры в качестве свидетеля обвинения.

— А если он пожелает остаться здесь?

— Нельзя упрекать его за это. У него в кармане десять тысяч долларов; кроме того, обеспечена работа в личных военно-воздушных силах Трухильо. Он, кажется, летает по особым заданиям вторым пилотом вместе с ла Маса.

— Как же мне разубедить его?

— Дай ему понять, что здесь его дни сочтены, что рано или поздно его жизнь окажется в опасности, поскольку Трухильо не хотел бы иметь в окружении свидетеля своих преступлений.

Майк Мортон сказал:

— Хорошо, я поговорю с мистером Мурфи.

Взглянув на наручные часы, Куртис ответил:

— О'кей! Через полчаса Мурфи будет здесь. Я пригласил его в бар

При пестром мягком освещении бара одряхлевшее лицо Мурфи выглядело не таким пепельно-серым и блеклым, как при дневном свете. Он был одет с головы до ног во все новое, и казалось, будто сошел со страниц американского журнала мод. Мурфи носил очки без оправы, и на первый взгляд возникало впечатление, что это прокурор или сенатор с большим состоянием. Он слегка пошатывался. В Сьюдад-Трухильо у него еще не было связи с торговцами наркотиками. Поэтому для поднятия тонуса он употреблял высокоградусные алкогольные напитки. Но Мурфи вовсе не был пьян. Войдя в бар, он подошел к Куртису, пожал ему руку и сдержанно кивнул Мортону.

— Хэлло, мистер Мурфи, — ответил Мортон на приветствие, но эта фамильярность не понравилась Мурфи. С самого начала они показались несимпатичными друг другу.

Прежде всего Мурфи повернулся к хозяину, который в глубине бара приводил в порядок запасы напитков на вечер.

Мурфи заказал большую рюмку кальвадоса, который он научился ценить во Франции во время войны и который получил права гражданства в Америке после романа Ремарка «Триумфальная арка». Только, кажется, не здесь на Гаити, потому что бармен беспомощно пожал плечами. Слово «кальвадос» было для него пустым звуком.

Мурфи выругался в душе, схватил стакан виски Куртиса и торопливым глотком осушил его. Куртис кивком головы позвонил бармену и заказал еще три полных стакана.

— Но без соды, пожалуйста, — добавил Мурфи, и на его лице впервые появилась почти дружелюбная улыбка.

Куртис дружески положил ему на плечо правую руку, а левой показал на Мортонa.

— Это человек, о котором я тебе рассказывал, Тэд. Майк Мортон — мой друг, а если хочешь, отныне твой тоже.

— О'кей, — сказал Мурфи, но по тому, как он произнес это слово, нельзя было определить, принимал ли он предложенную дружбу или ответил просто так, как другие люди говорят: «Здравствуйте» или «Как дела?» И когда перед ним поставили новый стакан виски, он прибавил:

— Да, здесь действительно прекрасная страна. Все приятные люди, все друзья. Только кабаки никуда не годятся. И все-таки я с удовольствием здесь...

После этого он снова взял стакан и осушил его скромно, но до последней капли.

— Нет, мне действительно нравится здесь... Только кабаки... К ним мне еще нужно привыкнуть. Принесите еще что-нибудь наподобие этой фруктовой воды, бармен.

Майк Мортон напряженно обдумывал, как направить разговор в нужное русло. Но он не находил правильного контакта с летчиком и в конце концов сделал худшее из того, что возможно было сделать, — сразу выпалил суть дела.

— Итак, вы привезли сюда Галиндеса, мистер Мурфи? — Это должно было звучать безобидно, совсем между прочим, как спрашивают прибывшего на самолете пассажира: «Хорошо ли долетели?»

Однако Мурфи мгновенно разозлился, грубо набросился на Куртиса.

— Откуда он об этом что-то знает?

Капитан попытался снова смягчить Мурфи.

— От меня, Тэд. Я рассказал ему. В этом ведь нет ничего особенного. Позавчера вы же еще сами не знали, кто был тот человек. Мой друг только хочет дать вам несколько хороших советов. Что поделаешь, но эта история стала известна многим.

Мурфи возбужденно схватил канадца за отворот пиджака.

— Кто еще знает об этом, а-а?

— Об этом знает вся Америка, Тэд, — вставил Мортон и вытащил из кармана смятую газету. Он развернул ее. Это была «Нью-Йорк геральд трибюн».

«Кража человека! Похищен профессор одного из институтов — Галиндес!»

Мортон прочитал вслух заголовки и затем протянул газету Мурфи. Пилот поднес ее очень близко к стеклам очков, прочитал каждую сантиметровую букву в отдельности.

— Послушайте, Тэд, вы здесь не в безопасности. За всей этой историей стоит доминиканское правительство. Вы единственный свидетель, который мог бы это доказать. Вы привезли сюда Галиндеса. Если это обнаружится, произойдет международный политический скандал. Трухильо не может позволить себе этого, то есть будет стремиться к тому, чтобы заставить вас молчать. Вы должны сейчас же возвратиться в Америку. Езжайте со мной! Мы вылетим завтра же, пока дело не привлекло к себе еще большего круга людей.

Мортон говорил тоном ангела. Летчик, казалось, едва слушал его. Он не отрываясь смотрел на газету и внезапно сказал с ужасом:

— Кража человека? За кражу человека полагается газовая камера. Они казнят меня.

Он опустил газету, уставился в пустоту. Под толстыми стеклами очков зрачки широко раскрытых глаз казались чудовищно мертвыми.

Куртис взял из его рук газету.

— Но вы не совершили кражи человека, Тэд. Вы же всем не знали, кто был в машине.

Тэд Мурфи все еще неподвижно стоял между двумя агентами.

— Предоставьте себя в распоряжение Верховной федеральной прокуратуры в качестве свидетеля обвинения, Тэд, — снова обратился к нему Мортон. — Как свидетель обвинения вы избежите уголовного преследования. Это записано в кодексе. Но другие, настоящие преступники попадут в газовую камеру, Тэд. Не раздумывайте, у вас нет другого выхода. Здесь вас устранят, как других, тех, кто знал о подобных преступлениях. Ведь все семейство Трухильо — это синдикат убийц! На его совести около двухсот пятидесяти убийств.

Казалось, Тэд Мурфи очнулся от беспамятства.

— Но они обещали мне работу в «Компания Доминикана де Ависьон». Я должен стать вторым пилотом в экипаже ла Маса. Как же они могут убить меня?

Мортон едва не терял самообладания. Собрав все силы, он заставил себя сохранять спокойствие.

— Тэд, поймите, вы замешаны в афере, которая, если станет известна ее закулисная сторона, вызовет международный скандал. Но Трухильо попытается всеми средствами воспрепятствовать этому. Причем вы испытаете на себе быстрое из этих средств.

Теперь Тэд Мурфи смотрел на Мортон так, как смотрит отец на несовершеннолетнего сына, когда тот рассказывает ему какую-нибудь детскую абсурдную историю из школьной жизни.

— Вы что, не понимаете этого, Тэд? Вы подвергнете свою жизнь крайней опасности, если сразу же не покинете эту страну.

Тэд снисходительно кивнул, дружелюбно улыбнулся, взял со стойки свой стакан, выпил его и поставил назад. Потом он неожиданно протянул руку Мортону. Мгновение казалось, что он хочет поблагодарить за доброжелательный совет, но тут же резко обернулся к Куртису, протянул ему руку, сказав при этом:

— До свидания, мистер Куртис. Насколько мне приятно было встретить вас, настолько же мало мне нравится ваш друг. Он слишком много болтает.

Молча и не заплатив за выпивку, Тэд Мурфи покинул помещение бара.

Норман Куртис первый нашел выход из осложнившегося положения.

— Тогда мы попытаемся действовать через ла Маса.

Если Мурфи станет вторым пилотом в его экипаже, ла Маса должен будет похитить его и отвезти в Штаты.

— Не забывай, что ла Маса хочет свести личные счёты лишь с Рафаэлем.

— Он не очень будет расстроен, если сможет отомстить всему семейству Трухильо. Мы разъясим ла Маса обстоятельства дела и попытаемся убедить предоставить себя в распоряжение американских властей в качестве свидетеля обвинения. Тогда Мурфи попадет на скамью подсудимых за пособничество в краже человека. Да, так будет даже лучше!

— Лучше! Я нахожу все это невероятно комичным, — внезапно взорвался Мортон и начал смеяться, как будто Куртис только что сказал самую смешную в мире остроту. — Не странно ли? Мы хотим уничтожить синдикат убийц, крупнейший синдикат убийц и вдобавок еще такой, который признан половиной мира официальным правительством страны. И мы хотим покончить с этим?! Разве это не смешно? Мы, маленькие люди? Смешно, просто смешно.

Смех Мортон напугал даже бармена. Куртис быстро поставил ему пустые стаканы и велел наполнить их.

— Понимает он английский? — спросил Мортон, когда снова успокоился.

— Только «пожалуйста» и «спасибо», а также названия напитков.

— Н-да, я постепенно перестаю ясно мыслить. Итак, не лучше ли нам упаковать чемоданы и уехать? Я уже не выдерживаю.

— Не торопись, Майк. Крупные гангстеры тоже делали промахи, на которых однажды спотыкались. Вспомни Аль-Капоне. На его счету более двухсот убийств, но причастность его ни к одному из них не смогли доказать. А потом он споткнулся на злостной неуплате налогов, попал в тюрьму и умер от воспаления легких.

— Кто был Аль-Капоне по сравнению с Трухильо? Жалкий лодырь!

Куртис взял со стойки вновь наполненные стаканы виски, протянул один из них Майку и поднял свой:

— Выпьем, Майк. За Трухильо! Я добуду тебе ла Маса.

Летчик-капитан Октавиа де ла Маса был типичным представителем доминиканского офицерского корпуса: крупного сложения, элегантен, приятной наружности. Голливуд не смог бы предоставить генералиссимусу Трухильо, необычайно заботившемуся о внешнем блеске, более привлекательного личного пилота.

Когда Норман Куртис входил с ним в номер Мортон, ла Маса смущенно стряхнул уличную пыль с отлично начищенных ботинок.

«Симпатичный, скромный юноша!» Это было первым впечатлением Майка. Он сразу установил с ним контакт.

— Мистер Куртис рассказал вам, в чем дело?

Ла Маса не медлил с ответом; он говорил на ломаном, но легко понятном английском.

— Да, мистер Мортон. Капитан Куртис объяснил мне,

что вас интересует. И я охотно помогу вам, насколько это будет в моих силах. Правда, есть трудность: моя старая мать и моя сестра с ребенком. Я не могу оставить их в Санто-Доминго. Трухильо их сейчас же арестует и отомстит им. Иначе меня здесь уже не было бы... Мне давно тут все опротивело. Я никогда не поступил бы в авиацию, если бы знал раньше, какие преступники командуют нами.

Майк бросил Куртису, который стоял у окна, вопросительный взгляд. Капитан ответил кивком головы и сам обратился к ла Маса.

— В этом мистер Мортон наверняка сможет помочь. Через американское посольство он достанет вашим родственникам визу на туристскую поездку в Штаты. И когда ваши мать и сестра окажутся там, уже никто не сможет выслать их назад. Мы можем это уладить сегодня же. Вы должны как можно скорее принести мне паспорта ваших родственников.

Ла Маса скромно поднял руку:

— Хорошо, мистер Мортон, но смогут ли они уехать заранее?

Мортон вынул расписание полетов. Он перевернул несколько страниц и сказал, обращаясь к ла Маса:

— Они могут улететь завтра днем. В четырнадцать часов вылетает самолет через Майами в Нью-Йорк.

Продолжение беседы касалось лишь технической стороны подготовки побега ла Маса в Соединенные Штаты. Как только к нему прикомандируют Мурфи в качестве второго пилота, он произведет с ним пробный полет и при этом увезет его в Майами, если потребуется — силой.

Ла Маса уже хотел попрощаться, когда Мортон неожиданно сказал:

— Еще кое-что, мистер! Было бы хорошо, если бы вы смогли узнать что-нибудь о судьбе Галиндеса. У вас есть для этого возможности?

Капитан авиации медлил с ответом.

— С аэродрома Галиндеса отправили на «Президент Трухильо»... Это я знаю. Но там ли он сейчас?..

— Вы бываете на пароходе?

— Могу попытаться.

— Попытайтесь. Заодно присмотритесь, можно ли каким-либо образом освободить Галиндеса.

Ла Маса покачал головой.

— Исключено, это было бы чистейшим самоубийством.

Очевидно, Мортон хотел еще что-то сказать капитану, но Куртис прервал его:

— Мы не самоубийцы, Майк. Оставь это дело. Будет достаточно, если мы соберем доказательства. Никакого излишнего геройства! Расходы на похороны в гонорар не включены.

В тот же день ла Маса удалось попасть на пароход «Президент Трухильо». Знакомый из корабельного экипажа тайно провел его в машинное отделение.

Там, привязанный к деревянным нарам, лежал Хесус де Галиндес. Дверки топок были открыты. В котельном поме-

жении жара достигала пятидесяти-шестидесяти градусов. Галиндес был еще жив, но не мог произнести ни слова. Часами длившиеся допросы и безжалостная жара полностью обессилили его.

От членов экипажа ла Маса узнал: Галиндес признался в том, что написал свою книгу по поручению Доминиканского революционного комитета, действующего в Соединенных Штатах.

Ее содержание, сказал Галиндес, не соответствует действительности и было продиктовано ему Революционным комитетом. Он, Галиндес, поставил свою фамилию на рукописи только под давлением.

Поздно вечером ла Маса нашел Мортон в его номере. Бледный, расстроенный, он испуганно рассказал о том, что видел и слышал...

Норман Куртис рекомендовал своему отчаявшемуся другу:

— Сейчас же свяжись с американским посольством. Открыто расскажи послу о том, чем ты тут занимаешься и какие опасности тебе угрожают. Как только Трухильо узнает, что посол простер над тобой руку защиты, то поостережется нападать на тебя. Он не рискнет совершить убийство американского гражданина в своей стране. Это вызвало бы дипломатические осложнения. Пресса забила бы во все барабаны, а Трухильо сейчас не заинтересован в этом.

— А если американское посольство откажется предоставить мне дипломатическую защиту? Если в Вашингтоне не заинтересованы в том, чтобы из-за Майка Мортон ссориться с Трухильо? Если военно-морская база на прекрасном острове Трухильо, что поделаешь, окажется несколько дороже жизни маленького детектива?

— Тогда тебе придется возможно быстрее исчезнуть отсюда, Майк!

Мортон кивнул.

— Считаю такой выход более реальным. Но не без ла Маса и Мурфи. С пустыми карманами я назад не вернусь.

Опасения Мортон, что посольство откажет ему в своей защите, были совершенно оправданны. Посол Ричард Стеффенс, которому он описал свое положение, без колебаний отказался помочь Мортону.

— Вы не член дипломатического корпуса, мистер, а частное лицо. Все, что вы здесь делаете, идет на ваш счет. Если вы нарушаете закон страны, то вы и должны за это отвечать. Мы не можем избавить вас от законного правосудия. Это было бы нарушением дипломатических соглашений, которое принесло бы неприятные осложнения правительству Соединенных Штатов.

Мортон вспылил:

— А если эти гангстеры насильственно похищают человека, который пользуется правом политического убежища Соединенных Штатов, жестоко пытаются его и убивают, разве это совместимо с дипломатическими соглашениями, сэр?

— Еще нет ни малейших доказательств такого факта.

— В таком случае предоставьте мне возможность раздобыть эти доказательства, сэр.

Посол поднялся из-за огромного письменного стола.

— Обратитесь к законным полицейским властям этой страны. Ничего другого я вам посоветовать не могу.

Мортон громко рассмеялся.

— Вы очень легковжны, сэр. Полиция Трухильо должна расследовать — является ли шеф страны убийцей и похитителем людей? У вас, кажется, есть чувство юмора, мрачного юмора.

Когда Мортон вышел из посольства и сел в такси, он увидел через заднее стекло, как из ряда стоявших автомобилей отделился лимузин с четырьмя господами крепкого сложения и с такими серьезными лицами, которые бывают только у агентов тайной полиции. В подобных лицах Мортон разбирался в силу своей профессии. Для него не было неожиданностью, что за ним следят. К этому он уже привык. Но теперь ему стало прямо-таки приятно — ведь агентам тайной полиции придется доложить своему начальству, что Майк Мортон был в американском посольстве. Это удержит их от необдуманного покушения средь бела дня. В конце концов они еще не знают, что посол, заботясь о хороших американо-доминиканских отношениях, отказал ему в защите.

Мортон поколесил по городу, затем сунул водителю приличную сумму и сказал:

— Перед ближайшим универмагом притормози на мгновение.

Такси остановилось на секунду возле универмага «Алкасар», Мортон выпрыгнул и замешался в сутолоке.

Он поднялся на лифте на верхний этаж, возвратился по лестнице на второй, поездил еще то эскалатором, то в лифтах, пока не убедился, что избавился от всех преследователей. В кабине для примерки в отделе готового мужского платья он снял свой светлый, слишком заметный плащ и вышел из универмага через главный вход, в то время как агенты поджидали его у заднего выхода.

Мортон разработал новый план. Компания «Юнайтед фрут», в которой он официально занимал должность инженера-ирригатора, содержала для своих сотрудников моторную яхту «Анхоа» — морское судно, развивающее скорость до тридцати миль в час. С ним могли соревноваться в быстрой лишь немногие катера прибрежной обороны Доминиканской Республики. Мортон решил использовать яхту. «Анхоа» в это время стояла в сухом доке на верфи в Сюдад-Трухильо, где ее собирались заново покрасить. Это показало Мортону наиболее благоприятным обстоятельством для побега. Если Трухильо постарается его задержать, он, пожалуй, в первую очередь велит контролировать аэродромы, железнодорожные станции, порты, но вряд ли доки.

На верфи Мортону повезло. Корпус «Анхоа» еще не начинали красить. Яхта стояла на специальных козлах, ро-

лики их опирались на направляющие, уходящие в воду. Вблизи стояла лебедка с приводом от мотора. Словом, спустить судно было пару пустяков. Мортон быстро нашел нескольких докеров, которые за соответствующее вознаграждение согласились приложить руку к делу. Он условился с ними встретиться на следующий день в пять часов утра. За ночь он должен был уговорить Мурфи, ла Маса и Куртиса принять участие в побеге.

Близорукий пилот снял себе апартаменты в самом дорогом квартале Сьюдад-Трухильо. Прежде чем пойти к нему на квартиру, Мортон позвонил Мурфи из ближайшей телефонной будки. Возможно, агентам Трухильо пришла в голову идея поместить несколько господ с серьезными лицами у пилота, он не желал попасть в ловушку, как новичок. На звонок никто не ответил.

Выйдя из телефонной будки, Мортон побродил вокруг здания, чтобы удостовериться, что вблизи нет ни одного агента, и начал подниматься по лестнице. Ему никто не повстречался. У двери, на которой висела табличка с фами-



лией Мурфи, Мортон остановился. Несколько минут он прислушивался, нет ли в квартире какого-нибудь движения, потом позвонил. Три-четыре раза. Вновь подождал несколько минут, прежде чем вынул из кармана специальную отмычку. Ловкое движение — дверь распахнулась. Держа пистолет наготове, Мортон вошел в прихожую и открыл дверь в комнату.

Квартира выглядела так, словно в ней поработала целая банда взломщиков. Все шкафы были открыты, выдвижные ящики столов вынуты, а их содержимое разбросано по полу: белье, костюмы, обувь, продукты, пачки сигарет, пустые и полные бутылки спиртного — все в совершенном беспорядке. На маленьком столе стояли остатки пиццы, наполовину выпитый стакан пива. Казалось, кому-то помешали дообедать. Мортон закрыл дверь, так и не войдя в комнату. Ему было ясно, что ждать возвращения Мурфи — значит попусту терять время. Все говорило о том, что пилот арестован, а квартира обыскана тайной полицией.

Так же безуспешно закончилась попытка найти Куртиса и капитана авиации. Канадец спешно покинул пансион часом раньше, а ла Маса не вернулся в дом своей матери после ночного посещения Мортон.

Мортон не решался идти в отель. Он опасался, что агенты его там ждут. Но он не хотел бросать свой багаж и прежде всего записи о деле Галиндеса. Поэтому Майк позвонил по телефону портье и осведомился, не спрашивали ли его кто-нибудь.

— Мистер Куртис ждет вас уже с полчаса в вашей комнате, — ответил портье.

Мортон попросил соединить его с номером. Канадец с облегчением вздохнул, когда узнал голос Мортон.

— Слава богу, что ты дал о себе знать, Майк, — сказал он облегченно, — мне необходимо срочно...

— Слушай, — перебил его Мортон, — как можно скорее уходи из отеля. Возьми мой чемодан и вывинти лампочку из настольной лампы. В патроне я спрятал записи и микропленку. Срочно приходи к универмагу «Алкасар». Мы встретимся в саду на крыше. Но будь внимательнее, чтобы никто не повис у тебя на пятках!

Куртис не спрашивал о причинах такой поспешности. Он только ответил:

— Не в саду на крыше, Майк. Жди меня перед американским посольством. Через полчаса я буду там.

Широкая, оживленная улица с множеством торговых предприятий, на которой находилось посольство, несомненно, была самым надежным местом для встречи. На пороге американской суверенной территории головорезы Трухильо едва ли осмелятся похитить или убить его, рассуждал Мортон, прогуливаясь взад-вперед по ступенькам портала, как будто ждал здесь девушку.

Норман пришел в назначенное время, но без чемодана.

— Он слишком бросался в глаза, Майк. Я сдал его в камеру хранения. Если чемодан действительно тебе еще потребуется — ты сможешь послать за ним кого-нибудь.

Куртис незаметно сунул Мортону маленький пакетик.

— Спасибо. А теперь слушай: перед этим я побывал в квартире Мурфи. Кажется, его уже взяли. Все снизу доверху было перевернуто вверх дном, а Мурфи исчез.

Это открытие, очевидно, не удивило канадца.

— Ну что ж, возможно, — сказал он только, — но об этом ты теперь можешь не волноваться, Майк. Ты должен сейчас же испариться, иначе придет твоя очередь.

Мортон кивнул, соглашаясь.

— Но не без ла Маса.

— Без ла Маса, Майк!

— Об этом не может быть и речи. Без ла Маса я не уеду, Норман.

— Уедешь, Майк. Ла Маса уже не сможет присоединиться к тебе.

— Уже не сможет? Что это значит?

— Он мертв, Майк.

Куртис вынул из кармана газету, раскрыл ее на одной из страниц и показал Мортону помеченное крестиком сообщение под заголовком «Автомобильная катастрофа со смертельным исходом».

— Что здесь написано? Я не очень хорошо знаю испанский.

— «Сегодня рано утром в результате несчастного случая, происшедшего на крутом берегу Матадеро, погиб капитан авиации Октавиа де ла Маса. На повороте шоссе, которое проходит по краю обрывистого берега, капитан авиации, очевидно, потерял управление. Его автомобиль проломил защитный парашют и упал с сорокаметровой высоты в море. Обломки полностью разбитого автомобиля обнаружены в зоне прибой. Труп потерпевшего аварии летчика до сих пор найти не удалось».

Мортон смотрел на канадца с сомнением, почти подозрительно. Он взял из его рук газету и беспомощно уставился на несколько коротких строк сообщения.

— Труп, разумеется, никогда не будет найден, — сказал Куртис и посмотрел в сторону элегантного американского лимузина, который остановился перед зданием посольства. — Это место кишит акулами. Возле обрывистого берега Матадеро рыбные фабрики каждый день выбрасывают в море отходы.

Мортон содрогнулся при мысли, что может найти такой же конец.

— Простейший и надежный способ устранить все следы убийства, — добавил Куртис.

Тем временем из лимузина вышел посол Соединенных Штатов. Мортон приветствовал его коротким поклоном.

— Здравствуйте, мистер, — ответил на приветствие «его превосходительство» с таким же любезным безразличием,

с которым он двумя шагами дальше пожелал доброго дня швейцару посольства.

Мортон посмотрел ему вслед.

— Делает вид, будто никогда в жизни меня не видел.

— Чего ты ждешь от него? Он ведь не желает ввязываться в эту историю.

— Он должен поинтересоваться тем, что случилось с Мурфи. В конце концов Мурфи — американский гражданин.

— Попытайся, но сначала расскажи, наконец, чего ты хочешь от меня.

— Собственно говоря, дело уже закончено. До того как ла Маса убили сегодня утром, он сделал мне ночной визит в отель.

Закурив сигарету, Мортон рассказал Куртису о неожиданном посещении капитана.

— Тогда мне ясно, по какой причине убили ла Маса. Они следили за ним и взяли его, когда он выходил из твоего отеля, — сказал Куртис, выслушав рассказ Мортон.

— Я хочу еще успеть оставить в посольстве завещание, Норман. А завтра утром мы сможем скрыться, если до того времени нас не схватят. В порту готова к отплытию яхта. Когда мы будем находиться за пределами трехмильной зоны, пошлем по радио «SOS». Там, в открытом море, всегда патрулируют подразделения нашей военно-морской базы. Только бы выбраться отсюда.

Его превосходительство посол Ричард Стефенс после настойчивого требования выразил готовность произвести расспросы у полицейских властей о местонахождении исчезнувшего из своей квартиры американского пилота Джерри Тэда Мурфи. Два часа звонил посол всевозможным инстанциям полиции, пока ему, наконец, не удалось связаться с шефом отдела безопасности полковником Сезаром Оливия.

Беседа с шефом безопасности продолжалась лишь несколько минут. Видимо, сбитый с толку посол положил трубку и смущенно сказал Мортону:

— Это неприятная история, зачем вы меня впутываете?

— Я? — удивленно спросил Мортон.

— Мурфи арестован за участие в антиправительственном заговоре. Он хотел совершить покушение на президента Трухильо.

Мортону показалось, что он не расслышал.

— Что хотел сделать Мурфи? Хотел убить Трухильо? Как раз наоборот!

Посол, успокаивая его, поднял руку.

— Я могу повторить лишь то, что мне сейчас было сказано. Очевидно, Мурфи оставил соответствующее признание.

Мортон не смог усидеть в огромном кресле для посетителей. Он взволнованно вскочил с места.

— Оставил признание? Он тоже убит?

Стефенс откинулся, словно опасаясь нападения.

— Мурфи повесился в камере в страхе перед смертным приговором, который неизбежно ожидал его. Так мне было сказано. Перед этим он сделал письменное признание. Фотокопию с него мы сможем получить. Представителю посольства разрешено осмотреть труп и ознакомиться с судебномедицинским заключением.

Подняв руки к висевшему на стене над креслом посла портрету Вашингтона, Мортон продекламировал с ироническим пафосом:

— О великая Америка, что стало с тобой, если головорезы осмеливаются преподносить твоему послу столь чудовищную ложь?

— Я не могу помочь вам, Мортон. Мой пост слишком опасен, чтобы предпринимать здесь что-либо самостоятельно. Мне пришлось бы сначала поставить в известность Вашингтон и просить о соответствующих директивах.

Посол неожиданно вышел из-за стола, достал из настенного шкафчика бутылку и бокалы, налил Мортону.

— Итак, выключим сейчас из игры посла. Что я могу для вас сделать как соотечественник? Вы можете не рассказывать мне, что происходит в стране Трухильо... Но Вашингтон по различным причинам вынужден поддерживать дружественные отношения с правительством этой страны.

— Я знаю. Чтобы защищать западную «свободу» от так называемой красной опасности. Семейство Трухильо уже двадцать пять лет у власти и держит все нити... Если, например, попытаться инсценировать маленькую революцию, это привело бы к народному восстанию двухмиллионного населения острова. Но тогда к власти могут прийти коммунисты. Следовательно, будем довольствоваться Трухильо, пока в офицерском корпусе не выдвинулись люди, на которых мы сможем положиться.

Мортон вылил в рот остатки виски, простонал и сказал:

— Но я не могу ждать так долго, сэр. Я должен завтра рано утром исчезнуть.

Посол покачал головой.

— Дипломатическую неприкосновенность я вам предоставить не могу. К тому же это было бы бесполезно. Тайная полиция добралась бы до вас и в самолете и на корабле. Дипломатическая привилегия здесь только название.

Мортон усмехнулся.

— Благодарю, ваше превосходительство, мои желания гораздо безобиднее. Предоставьте мне приют в посольстве до четырех часов утра, потом одолжите мне автомобиль посольства и сообщите, пожалуйста, командующему военноморской базой США, что завтра рано утром между шестью и семью часами моторная яхта «Анхоа» будет подавать по радио за пределами трехмильной зоны сигналы «SOS». Командование могло бы послать на помощь миноносец, который доставит меня в Пуэрто-Рико.

Услышав последнее предложение, посол, кажется, онемел от удивления.

— В Пуэрто-Рико? Почему не сразу в Майами или Нью-Йорк? Может быть, вам организовать заодно и встречу с Эйзенхауэром? Этого я не могу.

— Пуэрто-Рико — ближайшая к Санто-Доминго американская военно-морская база, ваше превосходительство. Каждое утро туда отправляется патрульный катер. Ведь ему ничего не стоит выловить по пути беднягу, потерпевшего крушение? Условьтесь, пожалуйста, о точном месте встречи на море!

Посол задумчиво почесал лысину.

— Чем я должен обосновать это, Мортон? Вы, частным образом разъезжающий по мировой истории американец...

— Но у меня все же, вероятно, есть право быть защищенным от покушения, которое к тому же могло бы вызвать для вас неприятные дипломатические осложнения, ваше превосходительство! Просто скажите, что я еду с секретной дипломатической миссией! Это всегда вызывает интерес и никогда не может быть проверено...

После долгого раздумья Стефенс все же взял телефонную трубку и попросил соединить его с командующим военно-морской базой.



Когда на следующее утро Норман во дворе посольства сел в черный «кадиллак», он сказал Мортону:

— Поторопись. Я думаю, что агенты провели ночь возле посольства!

Мортон, впрочем, и не собирался медлить. Однако посол одолжил ему не совсем новую модель из своего обильного автомобильного парка. Когда они выехали на шоссе, ведущее в порт, Мортон сразу увидел в зеркале маленькую черную точку, которая росла с устрашающей быстротой.

Майк достал из-под мышки пистолет и протянул его Куртису.

— Попробуй стряхнуть их этим. В коробке сзади еще две полные обоймы.

Норман извлек из кармана полдюжины ручных гранат.

— Спрячь пистолет, я захватил с собой кое-что получше. — Он связал три гранаты вместе.

Мортон краем глаза наблюдал за зеркалом. Преследователи были уже в ста метрах. В машине сидело пятеро.

— Сбавь немного газ, подпусти их ближе.

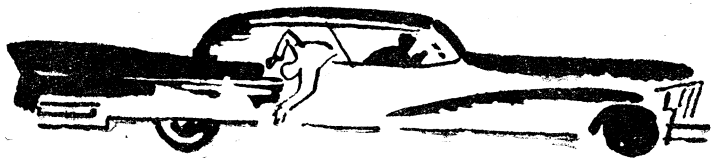
Куртис опустил переднее правое стекло, выдернул предохранители ручных гранат и, сильно изогнувшись, высунулся из окна.

В тот же момент из окна преследующего автомобиля появился тонкий ствол автомата.

Куртис бросил ручные гранаты назад — из ствола автомата вырвались три короткие вспышки пламени. Сначала Мортон услышал лишь звон стекол, которые разлетелись градом осколков, потом удаляющийся глухой грохот, как будто из багажника на бетонное шоссе упала пустая канистра. В зеркале он увидел летящий в воздух капот радиатора, одиноко катящееся по шоссе колесо и лежащую на полотне дороги груды железа, из которой клубился густой дым.

Мортон быстро взглянул направо — туловище Куртиса все еще свисало из бокового окна наружу. Правой рукой Мортон схватил за куртку Куртиса и втащил друга внутрь автомобиля. Тело безжизненно упало на сиденье, голова опустилась на правое плечо Мортон. По лицу Нормана струился светло-красный поток крови.

Мортон остановил «кадиллак» на стройплощадке, за-



крытой со всех сторон. Отсюда еще было добрых полмили до верфи. Труп канадца он уложил на заднем сиденье лимузины. На прощание он провел рукой по бледному лицу друга, на котором начинала свертываться кровь. Беглый жест благодарности за спасенную жизнь. Потом Мортон сунул в карман остальные гранаты, которые еще лежали на коврике на полу «кадиллака», и покинул автомобиль.

На дороге Майк быстро замешался в потоке первых рабочих и без дальнейших происшествий добрался до дока, в котором на козлах стояла яхта. Обе руки Мортон были засунуты в карманы пальто, в левой — три гранаты, а в правой — снятый с предохранителя пистолет; среди лабиринта ремонтирующихся катеров и всяких приспособлений он пробрался к тому месту, где вчера видел «Анхоа».

Площадка была пуста...

Козлы были опрокинуты. Одно мгновение Мортону казалось, что он попал в ловушку. Но потом он увидел пустой барабан лебедки. Толстый стальной канат тянулся к воротам цеха.

У ворот Мортон натолкнулся на одного из своих докеров.

— «Анхоа» уже на воде?

— Да, сэр, — ответил тот и показал в сторону портовой акватории.

— Она находится у второй пристани. Пабло прогревает моторы. Надеюсь, вы довольны?

Вот «Анхоа» миновала вход в порт и взяла курс в открытое море. Час спустя на горизонте показался стройный силуэт миноносца. Стефенс велел Мортону не посылать сигнала «SOS». Это вызвало бы тревогу на катерах береговой обороны. Чего доброго, побег в последний момент мог бы сорваться. Вместо этого был назначен пункт встречи в нейтральных водах. В шесть часов пятнадцать минут яхта пришвартовалась к трапу миноносца США.

Газетчики, собравшиеся перед пуленепробиваемой стеклянной кабиной, выразили Мортону свое одобрение, выслушав его драматический рассказ о происшедшем, и не поскупились на строчки в своих органах, чтобы разоблачить скандальную закулисную историю дела Галиндеса. Читатели могли подумать, что американская пресса серьезно требует у правительства разрыва дипломатических отношений с режимом Трухильо. Давно испытанный трюк удался и на этот раз. Пресса свободно и бесцеремонно бичевала гангстерский режим, от имени возмущенной общественности требовала ответных мер, а правительство США, которое якобы не имело ранее ни малейшего понятия о всех этих гнусностях, обещало энергичные шаги. Нужное впечатление у масс было создано.

Через неделю после опубликования в печати истории Галиндеса государственный департамент сообщил, что правительство Соединенных Штатов направило министерству иностранных дел Доминиканской Республики резкую ноту протеста.

В тот же день сенаторы Морзе и Портен потребовали лишения дипломатической неприкосновенности доминиканского генерального консула в Нью-Йорке Эспале и создания сенатской комиссии по расследованию дела Галиндеса, перед которой Эспале должен был под присягой дать показания относительно обвинений, высказанных Майком Мортон.

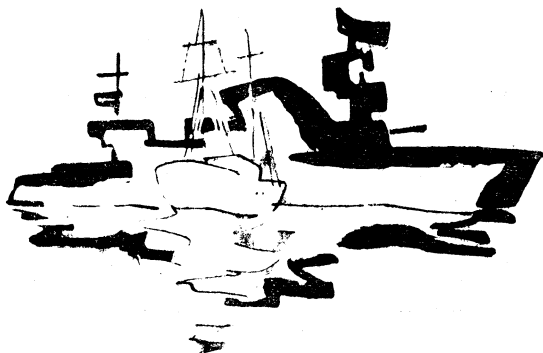
Однако государственный департамент умышленно замолчал тот факт, что за двадцать четыре часа до ходатайства сенаторов доминиканский генеральный консул был отозван со своего поста в Нью-Йорке и покинул США.

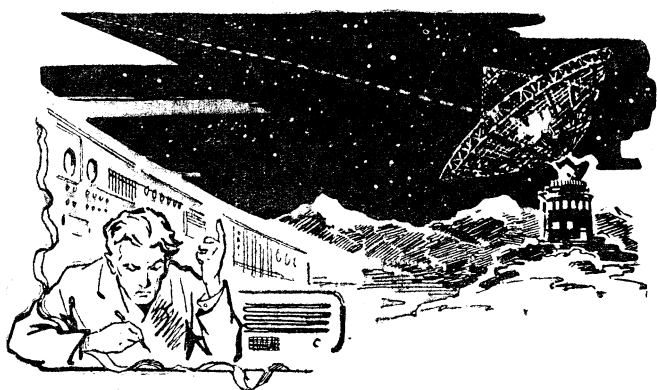
Резкая нота протеста американского правительства, если она вообще была отправлена, не обеспокоила Трухильо. Он оставил ее без ответа, объявил американского посла в Сьюдад-Трухильо персоной нон грата и потребовал его заменить. Не спрашивая о мотивах столь недружелюбного дипломатического акта, Вашингтон немедленно отозвал министра Стефенса.

В конечном итоге все «энергичные меры» американского правительства, предпринятые в связи с делом Галиндеса, свелись лишь к тому, что сыну Трухильо было отказано в дальнейшем посещении военной академии в Форте Ливенуорте. Книга Галиндеса «Эра Трухильо» не вышла в свет, потому что единственная ее рукопись исчезла вместе с автором. А Майк Мортон, так героически начавший расследование, больше не подавал о себе вестей. Гонорар и сенсационные заголовки с его именем должны были его утешить в неудаче.

Хесус де Галиндес остался 10 167-м, бесследно исчезнувшим в Нью-Йорке в 1956 году.

Перевели с немецкого **И. САХАРОВ**
и **А. САХАРОВ**





КОСМОТЕХНИКА

Фантастический рассказ-шутка

Зрелище было внушительным. Солнце свалилось за горы, но не успело уйти далеко; снежные вершины, подсвеченные сбоку, плыли над плоскогорьем, потеряв потемневшие подошвы. Казалось, их так тщательно взбили со свежими белками и сахаром, что толкни их пальцем — и улетят. Морозный вечерний ветер путался в лиловых подушках колючек и быстро затягивал льдом мелкие озерца. Еле различимые в тени, мохнатыми черными точками ползли на ночлег яки-кутасы.

Я подумала, что им, наверно, очень грустно сознавать, что они не выдержали конкуренции с грузовиками и газиками.

Совсем недалеко от нас на холме стояло какое-то марсианское сооружение о ста ногах, неведь как пробравшееся в необъятное великолепие памирского вечера. Это был радиотелескоп.

— У астрономов и переночуем, — сказал Седов.

Мирабшо, выслушав первую часть разговоров, повернул

свою лошадь к ажурным опорам, и мы последовали за ним.

Так мы попали к астрономам.

Их домики спрятались за холмом, в низинке, где не так бесчинствовали ветры. Никто не вышел нам навстречу. Это было странно, потому что мы с полчаса шли на виду станции. Мираб-шо и Султан, второй рабочий, принялись развьючивать лошадей, а мы тем временем заглянули в первый из домиков, благо дверь была приоткрыта.

За стандартной прихожей-тамбуром мы обнаружили две комнаты. Еще недавно в них обитали люди, один из которых даже не застелил с утра постель, а другой так быстро убежал куда-то, что оставил включенным магнитофон, и тот, прокрутив пленку, вертел бобину вхолостую. Седов выключил магнитофон и сказал:

— У них, наверное, ужин. И хороший аппетит.

— Посмотрим в другом домике.

Другой домик оказался столовой. И в нем никто не ужинал. Из кухни неслись облака дыма от пригоревшей каши, и тарелки с недоеденным супом сиротливо стыли на столах.

Седов прошел в кухню и выключил плиту.

— Теперь куда? — спросил он.

— Придется применить метод, — сказал Руслан.

— В смысле закричать «люди!»? — спросил Ким.

— Нет, искать по системе.

— А вот тот дом с проводами, — сказала я, — он больше других. Может быть, это их центр!

— Слишком тихо, — сказал Руслан. — Подозрительно тихо.

— Они убежали ловить снежного человека, — сказал Ким.

Тишина стояла над долиной совершенно первозданная. Мне стало как-то не по себе. В самом деле, что могло так испугать или удивить обитателей станции, чтобы они разом исчезли? Я пристроилась рядом с Седовым, который шагал впереди нашей маленькой группы. Как-то спокойнее.

Сзади шли Ким с Русланом. Они тоже молчали. Как будто боялись спугнуть тишину.

И вот когда оставалось три шага до большого дома, нас остановил страшный, леденящий кровь в жилах (в этом духе говорят в таких случаях!) крик. В нем звучали первобытный страх, ужас встречи с пещерным тигром, прощание с жизнью...

Мы бросились туда, распахнули четыремя парами рук широкую дверь и замерли.

Мы ошиблись. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что крик заключал в себе не страх и не ужас, а радость. Люди, набившиеся в комнату, окруженную с трех сторон панелями приборов, кричали от радости, прыгали от радости и от радости гулко шлепали друг друга по плечам. Наше появление не вызвало в них никакого удивления, и нам пришлось три раза поздороваться, прежде чем до них дошло, что приехали гости и гости удивлены их поведением.

— Вот здорово! — сказал, наконец, один из них, постарше, лет тридцати пяти на вид: лицо его было покрыто свежей бородой, находящейся в той стадии, когда неизвестно, то ли обладатель ее неделю не брился и собирается побриться завтра, то

ли решил не бриться всю жизнь до тех пор, пока за дело не возьмутся общественные организации. — Вот здорово! — сказал чернобородый и представился: — Фышлер.

— До вчерашнего дня просто доктор, и просто гений, и просто наш шеф, — добавил парень, весь в обширной рыжей бороде, которая не могла скрыть его молодого возраста, — а с сегодняшнего дня широкоизвестный гений.

Тут астрономы почему-то снова забыли о нас и начали кидать Фышлера к потолку, издавая крики.

Мы скромно стояли у двери, а Фышлер, стараясь перекрыть крики, восклицал:

— Гостей надо устроить, гостям надо все объяснить, гости решат, что мы сошли с ума.

— А что объяснять! — сказал парень без бороды, в поварском колпаке. — Включите запись, и они все поймут, люди же.

И сам нажал на какую-то кнопку на пульте.

Тут они все замерли. В душной тесной комнате зашуршало, потом будто издалека, очень издалека, донесся размеренный писк. Иногда он пропадал за ровным шуршанием, потом вырывался громче, отчетливее, будто где-то за сто миллионов километров задыхался комар.

— Ну как! — спросил тот, что без бороды и в колпаке.

— Да... — сказал Седов, потому что он был среди нас главным и что-то надо было сказать.

— Ничего они не поняли, — сказал Фышлер, которого уже опустили на пол. — И в этом нет ничего удивительного. Я сам бы не понял, если бы не ждал.

— Это сигналы из космоса, — не выдержал рыжебородый. — Сигналы из глубокого космоса. Теперь понятно!

— Братья по разуму! — спросил Руслан неожиданно высоким голосом.

— Похоже на то.

— Великое Кольцо... — Лицо Руслана, как говорится в таких случаях, затуманилось.

— Не будем так категоричны, — сказал Фышлер. — Но, без сомнения, можно утверждать: во-первых, полученный нами сигнал идет издалека и не схож ни с одним сигналом земного происхождения. Во-вторых, сигнал организован — это не случайный набор звуков.

— Братья по разуму, — зачарованно бормотал Руслан, но никто над ним не смеялся — астрономам была приятна восторженная аудитория. Может, она скоро надоеет, но мы как-никак первые...

Нам пришлось прослушать запись таинственного послания еще раза четыре за вечер. Астрономы гоняли запись по внутренней сети попеременно с маршами и твистами. Я помогала Коле — парню без бороды, в поварском колпаке, дежурному по кухне — готовить новый ужин и даже спасла этот ужин, схватив Колю за руку в тот момент, когда он пытался высыпать в компот пакет соли.

Потом профессор Фышлер вытащил откуда-то бутылку шампанского, а Седов расщедрился на НЗ спирта. И снова мы слушали запись комариных вздохов, и Руслан был мной недоволен, потому что я осмелилась по этому поводу пошутить.

Когда мы остались одни, несколько скептически настроенный Седов сказал:

— Интересно, какой у них процент ошибки!

— А что!

— Ребята сидят здесь уже четвертый месяц и ловят всякие сигналы. А больше всего на свете им хочется, чтобы кто-нибудь из космоса с ними поговорил по-человечески. Очень хочется. Только об этом и думают. Недолго и ошибиться.

— Что же вы думаете, — сказал Руслан, — это несерьезные ребята!

— Да нет. Но и самые серьезные могут ошибиться.

Я понимала, в чем дело. Седов ненавидит любую шумиху. Он провел двадцать сезонов в поле, то есть в тайге, в горах и всяких забытых богом местах. И его нетрудно понять.

Утром договорились — астрономы подкинут нас через перевалы до Хорога на своем «газике». Нам надо было попасть в кишлак, где находилась наша база, там росли абрикосы и морковка, а на веранде у древнего мазара с выцарапанной на полу шахматной доской — там какой-то легендарный мудрец играл в шахматы, — под съезжившимися от времени рогами можно напиться чаю.

С нами поехал Фышлер. Он сидел сзади, уступив мне переднее место, и прижимал к груди пленки. Он сбрил за ночь бороду и оказался явно моложе тридцати. Он беспричинно улыбался, когда «газик» подпрыгивал на камне, и порой доставал зубами из верхнего кармана шариковую авторучку, и, уложив на коробку с пленками школьную тетрадку, пытался что-то записывать.

Мы попрощались, и Фышлер пригласил нас в Ленинград к нему зимой, чтобы он рассказал нам, что из всего этого получится. Мы пообещали приехать.

Мы услышали о Фышлере и его открытии раньше, чем думали. Это было в Душанбе. Мы стояли с Кимом в очереди за газировкой. Было очень жарко и немного пыльно. Очередь была длинной и изнуренной зноем. Я, отошла в тень, к стенду с газетой. На последней странице крупными буквами было набрано: «Интервью с доктором Фышлером».

И я, еще не читая, крикнула Киму:

— Кимуль, там про наших астрономов!

У Кима подходила очередь, и он сказал:

— Прочти сама, а я тебе стакан поднесу.

Но я подбежала к нему, мы напились — по три стакана без сиропа — и вместе прочитали про то, что уже знали. Но было там и новое для нас. Доктор Фышлер довольно сдержанно и без упоминания собственных заслуг сказал корреспонденту, что с помощью радиотелескопа удалось уловить сигналы явно искусственного происхождения и даже определить их источник, я забыла, в каком созвездии, но глав-

ное — за много световых лет от нас. Какие-то живые существа ищут связи с братьями по разуму. «В настоящее время, — писал дальше Фышлер, — наше открытие подтверждено астрономами с Миддлтонской обсерватории, а также японскими коллегами. Они тоже уловили идентичные сигналы на той же волне».

А дальше шло самое интересное. Оказывается, один московский ученый определил, что это за сигнал. Не то чтобы понял его, но на основании каких-то расчетов решил, что сигнал не послание, а нечто вроде зашифрованного указания, как построить что-то такое... В общем он высказал только гипотезу, и не все с ней согласны, но если это так...

Мы с Кимом очень обрадовались, что у Фышлера и в самом деле с сигналом получилось все, как он хотел. Мы рассказали об этом Руслану с Седовым, когда вернулись в гостиницу, и те тоже обрадовались, а Руслан сказал:

— Вы просто не понимаете, что значит это открытие. Вы погрязли в суеде ежедневности и обыденности. А ведь наступил таки день, когда космос заговорил с нами как с равными. И сказал: «Здравствуйте, братья по разуму. Слышите ли вы нас!»

— Да, но если этот сигнал пришел за много световых лет, то и запустили его, когда мы еще никаких телескопов не имели, — возразил Ким.

Но Кима никто не поддержал.

— Завтра или послезавтра в других газетах будет, — сказал Седов. И оказался прав.

Потом появилось сообщение о том, что достигнуты предварительные результаты в расшифровке сигналов. А тем временем на Памирской станции уловили еще один сигнал из того же источника на той же волне, уже другой по типу. Новостей было хоть отбавляй. У нас в Ленинграде, в Америке и во Франции вычислительные машины перерабатывали информацию для того, чтобы, следуя указаниям со звезд, построить аппарат или корабль.

В Ленинград я попала как раз в разгар событий, когда работы вычислителей и строителей кончались. И когда я рассказала маме про то, что я знакома с самим Фышлером, мама ответила:

— Я его видела по телевизору.

А я подумала, может быть, он помнит о нашей встрече? У меня был его домашний телефон. Ребята об этом не знали. Он дал мне его, когда мы прощались в Хороге, — у нас дома нет телефона.

И в тот же вечер позвонила Фышлеру.

— Можно попросить Бориса Иосифовича! — сказала я.

— Я у телефона.

— Вас беспокоит Кира. Может, вы помните, как мы приехали к вам на Памир...

Я говорила и краснела на глазах — хорошо еще, что телефоны пока простые, а не цветные видеофоны. И чего только я звоню! Он сейчас начнет вежливо колебаться, и постарается

вспомнить геологиню, и не вспомнит. Я чуть было не бросила трубку. Но он сказал сразу:

— Здравствуйте, Кира, как хорошо, что вы позвонили. И не надо только звать меня Иосифовичем, это почти что старик Хоттабыч.

И сказал это он так просто, что я поняла: помнит меня и даже не забывал.

— Я решил было, — сказал он, — что вы совсем загордились и астрономы у вас не котируются. Ну, как живете?

Мы с ним немножко поговорили, и я уже не жалела, что ему позвонила. А потом он сказал:

— У меня для вас сюрприз, Кира. Вы завтра свободны в одиннадцать утра?

— Да.

— Я за вами заеду. Можно!

Это не очень удобное время для свидания, но я согласилась. Он заехал точно в одиннадцать, и я сама открыла ему дверь.

— Заходите, — сказала я ему.

Он совсем не изменился. Только там, на Памире, он был в толстом свитере, а сейчас на нем отглаженный костюм и белая рубашка с галстуком. И у него оказались голубые глаза. И ботинки были хорошо начищены — я ненавижу муж-чин, которые не чистят ботинок.

— Нет, — сказал он. — В гости я приду в другой раз, если позволите. Сегодня у нас дело. Вы одеты! Даю пять минут.

У подъезда стоял голубой «Москвич», довольно потрепанный. Он открыл мне дверцу, и мы поехали. Мы остановились перед большим новым домом на Лесном. В вестибюле слонялось несколько человек, все старше Бориса, но они сами подходили к нему, и жали ему руку, и оттеснили меня от него, и я почувствовала, что я здесь совершенно ни при чем, и чуть было не ушла потихоньку, но тут Борис раздвинул людей, взял меня за руку.

— Познакомьтесь. Кира, которая присутствовала при первом приеме сигналов...

Они сначала немного удивились, но потом один сказал:

— Именно вам и интереснее всех увидеть, что получилось.

И мы прошли дальше по коридору, в большой зал, в котором собралось еще человек двадцать, и они тоже здоровались с Фышлером, но я смотрела на сооружение в центре зала. Сооружение было покрыто непрозрачным пластиком, и я поняла, что все собрались ради того, чтобы поглядеть на то, что там стоит. И я догадалась, в чем дело, — это и есть та машина, которую они собрали по указаниям, полученным из космоса. Вот тебе и задыхающийся комарик! Я даже пожалела, что со мной не было Седова, и Руслана, и Кима. Им бы тоже было интересно. Руслан романтик, а Ким любит технику.

— Ну что ж, — сказал один из собравшихся, — можно снять покрывало с нашего монумента. Здесь специалисты в самых различных отраслях знания, и, возможно, мы придем к общему выводу. Прошу учесть, что существа, пославшие нам сообщение, могут весьма сильно от нас отличаться и поэтому придется по-раскинуть мозгами.



Рисунки Ю. МАКАРОВА

Он сильно дернул за какую-то нитку, и покрывало упало. Я даже не могу толком описать представшее перед нами странное сооружение. Больше всего оно напоминало гондолу дирижабля и прикреплялось к полу системой пружин и подвесок.

Специалисты долго осматривали его, спорили, трогали. Я тоже потрогала. Какой-то толстяк в очках говорил:

— Необходимо учитывать возможные расхождения в материалах и технологии. Мы могли чего-нибудь не учесть...

— Ну, что это! — спросил меня над ухом Борис.

— Если бы я знала.

— Вот и я пока не знаю. Моя специальность — радиоастрономия, а не космотехника.

— А вы все сообщение приняли?

— То-то и оно, что все. Потому что оно повторялось, и тогда-то его приняли и другие станции.

Мы ушли с ним, и Борис меня немного проводил, поставив машину на проспекте Майорова, а я живу на Малой Подъяческой.

Когда мы с ним встретились в следующий раз — он купил билеты в кино, и хотя я была занята, но не пропадать же билетам, — в тот раз он показал мне несколько фотографий. На фотографиях была изображена та же гондола, которую я видела. Но оказалось, это не та гондола, а французская и английская. В этих странах тоже построили машину. Оказывается, ее строили еще и другие страны. К концу месяца в мире было построено восемнадцать таких гондол, но никто так и не смог догадаться, что же это такое.

Радиотелескопы мира стерегли ту волну, ожидая, что, может быть, последует продолжение. Но, как и говорил Борис, продолжения пока не было, если не считать короткого послания, о котором я уже говорила. Правда, выдумывали по этому поводу немало. Одна канадская газета написала даже, что гондолы — метод межзвездного шпионажа. Вот-вот в гондолах материализуются завоеватели с чужой планеты. А агентство ЮПИ сообщило, что в штате Небраска модель гондолы будут переоборудовать в танк-амфибию.

Тайна оставалась тайной. Прошла зима. Мы с Борисом совсем познакомились. Я даже была у него дома. У него есть собака дворняжка Рекс, некрасивая, но очень умная, а его отец — персональный пенсионер и мастер спорта по шахматной композиции.

А потом, весной, все и случилось. Помните, я говорила о втором послании, которое отличалось по типу от первого и не было инструкцией? Так вот его, наконец, расшифровали.

Фышлер приехал ко мне в десять вечера и очень этим удивил мою маму. Мама любит, чтобы мои знакомые переставали давать о себе знать после семи. Хотя к Борису она очень неплохо относится.

— Извини, что я так поздно, — сказал он. — Но мне обязательно нужно было тебя увидеть, чтобы сказать невероятно важную вещь.

Мама поморщилась. Она, по-моему, решила, что он с налета, вот так вот и начнет предлагать мне руку и сердце. Но Борис достал из кармана листок бумаги и дал мне прочитать, а сам сидел на диване и не спускал с меня глаз. Ему была интересна моя реакция. Сначала я прочла и ничего не поняла. Тогда он сказал:

— Второе послание, на той же волне, помнишь?

— Ага, — сказала я.

— Вот это оно и есть.

Тогда я прочла записку снова:

«Планета Кенр-2-14, Сорпат-1-67. Вторая улица, Станция 6. Липе Параллелепипед.

Дорогая племянница. Я выполняю твою просьбу и посылаю тебе инструкцию и полную рецептуру самоукачивающейся колыбели. Надеюсь, ваш младенец не будет теперь плакать по ночам. У нас все в порядке, дедушка опять съел курлюку и страдает. Надеюсь прилететь к себе в буртоге. Обнимаю Рипу.

Твоя тетя Пепита.

Планета Прог-1, Восьмой штуп».

— Не может быть, — сказала, наконец, я.

— Почему не может? — Борис радовался, как дитя малое. — Ты что же думаешь, у людей на других планетах не рождаются дети и им не нужны, между прочим, самоукачивающиеся коляски! Мы перехватили, так сказать, частную радиограмму.

Я постаралась себе представить гондолу и сказала:

— Ну и крупные у них младенцы!

— Да, крупные, — подтвердил Борис. — Но, возможно, мы ошиблись в масштабах. Во всяком случае, на Земле сейчас восемнадцать самоукачивающихся колясок с планеты Прог-1 с очень оригинальной системой подвески.



Первый РАССКАЗ

За рубежом, в особенности в Соединенных Штатах, выпускается огромная масса «фантастических» книг, начиненных либо мистическим бредом, либо убийствами, космическими гангстерами, роботами-сыщиками и т. п.

Мы печатаем пародию на подобные сочинения, принадлежащую перу ленинградского инженера В. Фадина.

В. ФАДИН

ИЗОПЕРТИЛОВАЯ ЛЦХОРАДКА

ГЛАВА I

Из камеры сгорания фотонного двигателя доносится скрежет ножовки. Это гангстеры из шайки «Челюсть Галактики», обливаясь потом, пилят кусок уранового стержня. Изредка они прислушиваются.

— Чертовски несет угаром, малютка, — сердито ворчит Ухо Скорпиона.

— Еще бы, здесь полно копоты, как в старом камине, и темно, как в желудке кита, — отвечает Коготь Троглодита. — Хорошенькое дельце придумал нам старая развалина Сирс, — ухмыльнулся он, пряча в мешок кусок уранового стержня. — За этот огрызок мы получим солидное вознаграждение. Тогда я сожгу в атмосфере свою дырявую одноступенчатую скорлупку «Мэри» и куплю себе «джип» с ядерным двигателем.



С трудом пролезая через отверстие форсунки, он продолжает:

— Представляю, в какую ярость придет трехрукий пришелец из созвездия Гончих Псов — Хек, когда на воскресных гонках его пятиступенчатая колымага отстанет от каравеллы Сирса на четверть светового года.

Продвигаясь по тесному топливопроводу, он торжественно заключает:

— Этот торговец космической пылью Сирс знает толк в ракетных гонках. Он держит пари и поставил Волосы Вероники против Большого Пса пришельца Хека.

ГЛАВА II

В гостинице «Голова Кометы», устроившись в мягких креслах, сидят трое. Затянувшись сигарой и выпустив облако дыма, Пасть Акулы откупорил электромагнитную бутылку. Наполнив бокал изрядной порцией электронной настойки, он с жадностью выпил содержимое.

— Черт побери этот угольный мешок! — выругался он, нервно барабанив по столу нейлоновым пальцем в такт доносившемуся из космовизора любимому гиперраку «Поцелуй Троглодита».

«Однако самым модным и дьявольски талантливым произведением все-таки является твист «Термоядерная шутка» и «Серенада лунной полиции» в исполнении хора питекантропов», — подумал он, зевая искусственной челюстью.

— Ты крепко поработал в свое время в созвездии Малой Медведицы, Копыто Возничего! — проревел хриплым голосом Пасть Акулы, обращаясь к долговязому из штата Меркурий. — Но где ты поменял свою голову на этот ржавый железный колпак?

— Это случилось давно, — пробормотал Копыто Возничего, выплевывая изо рта откушенную по ошибке часть вилки и лязгая стальной челюстью.

— Пролетая мимо созвездия Скорпиона на своем двухступенчатом тарантасе с пятитонным грузом чистой платины, я высунулся в иллюминатор, чтобы посмотреть, далеко ли погоня. И в этот момент осколок метеорита продырявил мне голову.

Помолчав немного, он добавил:

— Хвала волосатому дьяволу, слуге-троглодиту, который вовремя нажал аварийную кнопку, и робот приделал мне эту стальную коробку.

— Бывают штучки почище, — заметил Пасть Акулы, опустошая второй бокал электронного виски.

— Наверное, помнишь, Мастоdont, — обратился предводитель к тучному гангстеру, который молча жевал кусок полистирола, — как мы проучили забулдыгу Пегаса?

— Угу... — громко чавкая, промычал собеседник.

— Этот огарок автомобильной свечи, выпив кварту крепленого космической пылью виски, хотел залепить в меня бутылкой. Придя в неописуемую ярость, — продолжал Пасть Акулы, — я решил сыграть с ним шутку троглодита и, вырвав свою челюсть, швырнул ее в голову Пегаса!

— Bravo Акуле! — проревели Мастоdont и Копыто Возничего. — Салют предводителю!

Чтобы остановить скандировавших гангстеров, Пасть Акулы разбил об экран космовизора пустую бутылку и, отхлебнув очередную порцию виски, прохрипел:

— А в прошлом году, когда началась изопертиловая лихорадка и произошла моя встреча с Ухом Скорпиона, мы решили похитить карту изопертиловых рудников, на которых разбогател Трехрукий. Я помню, как мы заманили его в ловушку, предложив купить у нас ампулу с искусственной изопертиловой жидкостью. При встрече в таверне, состоявшейся поздно вечером, я стукнул в лоб содержателя таверны недоодеенной клешней кальмара и, опрокинув стол, вытащил из кармана атомный пистолет двадцатого калибра. Приставив его к груди Трехрукого, я в злобе проревел: «Если ты не выложишь карту изопертиловых месторождений, клянусь хвостом кометы, я продиравлю тебя».

Чувствуя безвыходное положение, Трехрукий попятился назад, но, получив удар по черепу урановым стержнем от Уха Скорпиона, рухнул без сознания.

Пасть Акулы не закончил, так как распахнулась дверь и в комнату вбежал Коготь Троглодита. Он небрежным движением швырнул на пол мешок и, окинув торжествующим взглядом лица гангстеров, воскликнул:

— Он в наших руках, этот огрызок урана от старой космической клячи Хека!



Рисунки ОЛЕСИ МАКАРОВОЙ

ГЛАВА III

Небрежно положив ноги на крышку уранового котла, в огромном кресле дремлет звезда миллиардеров Сирс.

По комнате разносятся звуки танго «Печень дьявола», напоминающие вой испорченного двигателя. Но вот музыка затихает, и в наступившей тишине звучит металлический голос:

— Внимание! Внимание! Говорит звезда Альдебаран! Передаем сенсационное сообщение. Процесс Гарри Смита! Потрясающая новость... Слушайте! Слушайте!

При упоминании имени главаря шайки Гарри Смита по прозвищу Кость Галактики Сирс приоткрыл свои маленькие, словно горошины, глаза. Пошмыгав огромным хищным носом, он начал вглядываться в десятиметровый экран гиперкосмовизора.

«Я слышал, — начал размышлять Сирс, — что Гарри Смит, он же Кость Галактики, пытался ограбить центральный банк в туманности Андромеды. Этот малый начал с того, что очистил два лунных банка в кратере Коперника и, напоив шайку питекантропов, избил с их помощью лунную полицию».

Лицо его искривилось в улыбке, и он гордо пробормотал:

— Клянусь ребром Плутона и святым Патриком, эти кибернетические болваны судьи не смогут обвинить Гарри в совершенном им преступлении.

Процесс начался. На экране замелькали тысячи разноцветных лампочек и световых табло. Это заработала кибернетическая машина. Пользуясь паузой, Сирс закурил сигару.

— Ха-ха-ха! — залился он громовым басом при виде появившегося на экране свидетеля и пренебрежительно произнес: — И эта необглоданная кость мастодонта пытается обвинить нашего парня Смита в похищении кольца Сатурна?

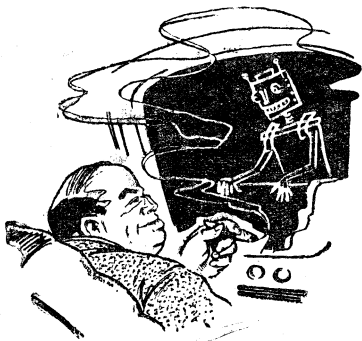
Приподнявшись в кресле, он с удивлением добавляет:

— Свидетель показывает судьям какие-то снимки и, кажется, пытается доказать, что Гарри оставил отпечатки пальцев на поверхности Сатурна.

В этот момент, проскрипев несмазанной челюстью, снова заговорил робот:

— При обыске обвиняемого и его вещей, к сожалению, не удалось обнаружить следов кольца Сатурна.

«Еще бы, — ухмыляясь, подумал Сирс, — на таком колечке можно было бы разместить не один миллиард стальных болванов. Однако что же говорит начальник космического розыска?»



— Так, так... Молодец Гарри! Он продал за солидную сумму этот ржавый обруч головотяпам из созвездия Девы!

Между тем на экране появились вещественные доказательства: малогабаритный реактор, мезофлекс оригинальной конструкции, какой-то предмет, напоминающий по своей форме изопертиловую кнопку, и ампула с янтарной жидкостью, похожей на двуокись изопертила.

Сирс заметил, что при виде изопертила глаза главного судьи засверкали фосфорическим блеском.

Поерзав на стуле, он заискивающе спросил:

— Обвиняемый Гарри Смит, где вы достали эликсир жизни, от которого даже стальная душа превращается в живую материю?

— Изопертил? — небрежным тоном повторил Гарри, почесав за ухом.

— О да, — потирая железные лапы, пояснил робот.

«Сейчас будет изопертиловое представление, — подумал Сирс, затягиваясь сигарой. — Клянусь потрохами Юпитера, этот парень сыграет с ними забавную шутку».

— Пустяк, — не моргнув глазом, ответил Гарри. — Я знаю одно местечко, где этим пойлом можно наполнить желудки целого стада мамонтов.

От этих слов у главного судьи отвисла нижняя челюсть и по его стальному лицу скользнула металлическая улыбка.

Закончив допрос, суд удалился на совещание.

«Я догадываюсь, — рассуждал про себя Сирс, — этот потомок ржавого самовара хочет сделать себе карьеру с помощью изопертила. Известно, что несколько миллиграммов двуокиси изопертила, введенной с помощью кнопки, могут заставить мыслить статую и тем более этого железного болвана».

Его размышления прервал телефонный звонок.

— Хэлло! — рявкнул в трубку Сирс.

Из телефона послышался хриплый голос Акулы.

— Шеф, можете спать спокойно, — прогремел он самоуверенным тоном, — считайте, что созвездие Большого Пса в ваших руках.

Сирс одобрительно крикнул и начал слушать решение суда.

— Похитив кольцо Сатурна, Гарри Смит совершил тяжкое преступление, — прокрипел робот. — Однако так же как жалкое пламя свечи меркнет в лучах солнца, преступление Гарри бледнеет на фоне героического поступка, который он совершил во имя кибернетической цивилизации, открыв залежи изопертила! В связи с этим суд считает, что Гарри Смит не виновен, и дает указание жителям Сатурна выплатить издержки, связанные с поимкой пострадавшего.

— Я знал, что будет так, — чванливо зевая, промышчал Сирс. «Но завтра... Завтра, — подумал он, засыпая, — потеха будет почище!»

А. БЕЛЯЕВ



Охота на Большую Медведицу

*Впервые рассказ был опубликован
в № 4 журнала «Вокруг света» за
1927 год.*

— Смертельно раненный лев обрушился на меня и издох. Весь облитый его и своей кровью, обессиленный ранами и борьбой, я задыхался под косматым брюхом мертвого зверя. Только утром товарищи нашли меня и еле живого извлекли из-под тула льва и привели в чувство. Но все же я благодарен ему: если бы он так хорошо не прикрыл меня, я был бы растерзан гиенами, сбегавшими к полю битвы. Вот почему

я и сказал, что мертвый может спасти жизнь живому, — закончил Дик свой рассказ.

— Интересный случай, — сказал Майк, подбрасывая в костер сухие ветви.

— Да, но бывают случаи и получше, — отозвался Ник, и лицо его вынырнуло из мрака, сверкнув стеклами очков. — Если вы еще расположены слушать, я расскажу вам интересный случай охоты на тигра.

— Совершенно не располо-

жены, — процедил сквозь зубы Майк.

Но Ник, вероятно, не слышал и, придвинувшись ближе к костру, оживленно сказал:

— Ну вот и отлично. Это было не помню уж в каком году: в девятнадцатом...

— Или в двадцать девятом.

— Не мешай, Майк. Не хочешь слушать, можешь ложиться спать. Так вот, это было в девятнадцатом или двадцатом году. Я путешествовал по Африке и решил поохотиться на тигра.

— На тигра, в Африке? — с сомнением спросил Дик.

— Не мешай ему, Дик, — сказал меланхолический Майк, хлопая загоревшимся прутом по костру.

— Да, на тигра, в Африке. Что же тут невероятного?

— Я же тебе говорил, Дик, не мешай ему. Тигр был тоже путешественник. Он пришел из Азии, перепрыгнул через Красное море, чтобы погулять по Африке, и кстати решил познакомиться с Ником.

— Я сидел в лесу, — продолжал Ник. — Была яркая лунная ночь. Небо синее до черноты, и на нем звезды с тарелку. В ночной тиши я услышал осторожные, крадущиеся шаги зверя и сжал крепче мою скорострельную винтовку «фильд № 2», сорокавосьмизарядную — изобретение моего друга Ричарда Фильда. Слышали о нем? Не может быть! Где же вы были? Ведь изобретение им ружья «фильд № 1» наделало тогда шуму на весь мир. Он, видите ли, задался целью изобрести ружье необычайной силы, которое должно было действовать чуть ли не энергией распада атомов.

Майк слабо простонал.

— Я сам был при его первом опыте с «фильдом № 1». Мы поехали с ним на остров Стэк-Скерри¹ и решили произвести пробу ружья в безлюдной местности, на берегу океана. Фильд поставил цель на высоте груди человека и выстрелил. Я ожидал грома, но услышал только свист. Не успел я сделать нескольких шагов, чтобы посмотреть на мишень, как вдруг Фильд упал с легким стоном, обливаясь кровью. Чья-то пуля пронзила его насквозь. Впереди нас никого не было. Осмотр раны, более широкой на груди, чем в спине, убедил меня окончательно, что преступник стрелял сзади. У Фильда, как у всех выдающихся людей, были завистники и враги.

«Какой мерзавец мог это сделать!» — с негодованием воскликнул я, поднимая моего бедного друга.

«Будьте осторожней в выражениях, — ответил Фильд слабым голосом. — Неужели вы не понимаете, что я сам едва не убил себя?»

«Как же это могло быть? Рикошет? Пуля вернулась назад?»

«Наоборот, она летела все вперед, с молниеносной быстротой облетела земной шар и — поразила меня сзади...»

Я был так ошеломлен, что, положив на землю раненого Фильда, стал медленно выпрямляться. В этот момент у меня упала шляпа, сбита

¹ Секретарь редакции до сих пор не нашел этого острова ни в одном из атласов. Но из-за этого задерживать номер журнала мы не решаемся.



чьей-то невидимой рукой. Я поднял ее и увидел, что шляпа прострелена. Пуля совершила еще один полет вокруг земного шара и едва не убила меня.

«Что же теперь будет?» — растерянно спросил я, поспешно усаживаясь на землю.

«Скверно, — ответил Фильд. — Пуля должна поражать все на своем пути и наделает много бед. Я не рассчитал силу моего ружья. Теперь пуля будет носиться вокруг Земли, как маленький спутник, пока сила трения о воздух постепенно не уменьшит ее скорости; тогда она упадет на Землю».

«Но неужели она пробьда все, что было на ее пути: деревья, дома, скалы?»

«Очевидно», — ответил Фильд, теряя сознание от потери крови.

Фильд был прав. Пуля действительно наделала много бед. Она пронзила на своем пути тысячи людей, одних убивая насмерть, других калеча. А иных только напугала: разбивала вдребезги чашку в руках какой-нибудь старушки, мирно сидевшей у ка-

мина, или пробивала шляпу, как у меня.

В лесах пуля поубивала множество зверей, и ее путь был отмечен трупами, которые лежали, как бусы, продетые невидимой ниткой. Земной шар как бы разделился на две половины невидимой преградой, через которую нельзя было ни пройти, ни проехать.

Пришлось поставить ограду на всем пути полета пули. Для железных и шоссейных дорог провели в месте пересечения их «смертельным кольцом» туннели или построили мосты. Но особенно плохо было на море. Красные оградительные буи указывали запретное место. Океанское пароходное сообщение происходило с пересадкой пассажиров, которые перевозились под опасным местом на подводных лодках... Словом, пуля наделала ужасно много хлопот. У ученых пухли головы, инженеры ходили как помешанные, изобретая средство против пули. Чего только они не придумывали! Заграждения из бетона, стальные щиты, а пуля будто и не замечала этих препятствий и



не имела намерения замедлить полет. В конце концов ее решили, как говорят врачи, «осумковать»: заключили в металлические трубки всю ее траекторию — весь путь ее полета. Затем кто-то предложил наполнить трубку водой или маслом, чтобы увеличить сопротивление. Налили. Но от трения жидкость превратилась в пар, и трубы лопнули, а пуля — хоть бы что! Из такого уж сплава она была отлита...

— Чем же все это кончилось? — заинтересовался Дик.

— Один только Фильд мог помочь беде, и он помог, как только стал на ноги после ранения. «Клин клином вышибают», — сказал он. — Надо послать встречную пулю».

— Ну?

— Ну и послал. Пуля прошла сквозь пулю, раздробившись на мельчайшие части. Эти части, летящие в противоположных направлениях, тоже были бы опасны. Но, к счастью, от удара обе пули изменили полет, и осколки



унеслись в небесное пространство по направлению к Большой Медведице.

— И ранили ее в лапу? — серьезно спросил Майк. — Но ты, кажется, начал рассказывать об охоте на «африканского» тигра, а кончил охотой на Большую Медведицу. Чем же окончилась твоя охота на тигра?

— Ружье дало осечку, я бросился на тигра и растерзал его в клочья, — сердито ответил Ник.



**НА ПЕРВОЙ СТРАНИ-
ЦЕ ОБЛОЖКИ:** рисунок
П. Павлинова к воспоминани-
ям дважды Героя Советского
Союза генерала армии
Д. Д. Лелюшенко «Утро
Победы».

**НА ВТОРОЙ СТРАНИ-
ЦЕ ОБЛОЖКИ:** фотоком-
позиция А. Гусева «Космос».

**НА ТРЕТЬЕЙ СТРАНИ-
ЦЕ ОБЛОЖКИ:** рисунок
В. Чижикова к рассказу Эрика
Фрэнка Расселла «Аламагуса».

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. ДНЕП-
РОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, Н. И. КОРОТЕЕВ, А. А. НОДИЯ, Ю. Б. СА-
ВЕНКОВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

Редакторы выпуска О. СОКОЛОВ, Т. ЧЕХОВСКАЯ.
Художественный редактор Г. КОВАНОВ.

Рукописи не возвращаются.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: Москва, А-30, Суцевская, 21. Тел. Д 1-15-00,
доб. 4-10.

А17518. Подп. к печ. 24/X 1966 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (8,2).
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 300 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2018.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Суцевская, 21.



ЧИТАЙТЕ В 1967 ГОДУ
В ПЕРВЫХ НОМЕРАХ
«ВОКРУГ СВЕТА»:

ВОКРУГ СВЕТА

Журнал основан в 1861 году

Научно-художественный
ежемесячный журнал ЦК ВЛКСМ
путешествий, приключений и фантастики

А. Алдан-Семенов. Главы из романа «КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ». Борьба за победу революции, за Советскую власть, судьба золотого запаса республики, освобождение Казани от белогвардейцев — тема нового произведения писателя.

Ф. С. Фицджеральд. «Паром, как человек, издал тяжелый вздох и пошел на дно в двадцати ярдах от берега. Капитана Брауна знобило, он чувствовал себя прескверно, и от его высокомерия не осталось и следа...» Рассказ «ВОЕННЫЕ БЭБИ».

Л. Кривенко. «АНМАГАГАН» — рассказ об одном путешествии. «А есть еще цветок Анмагаган. Цветок с гор. Сорвешь... С того дня, как сорвешь, цветок остается со своим запахом. Как бы несорванным живет...»

С. Моэм. Новелла «НЕМЕЦ ГАРРИ». О дальнейшей судьбе прототипа героя С. Моэма — загадочного отшельника Генри Эвольта с острова Избавления — вы узнаете из очерка «Смерть на коралловом острове».



ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Цена 20 коп.